
ФИЛОСОФСКИЕ
ОСНОВЫ
ЗАРУБЕЖНЫХ
НАПРАВЛЕНИЙ
В ЯЗЫКОЗНАНИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ФИЛОСОФСКИЕ
ОСНОВЫ
ЗАРУБЕЖНЫХ
НАПРАВЛЕНИЙ
В ЯЗЫКОЗНАНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1977

В коллективной монографии дается анализ философских основ главных направлений в зарубежном языкознании (соссурианства, неогумбольдтианства, глоссематики, хомскианства, американской дескриптивной лингвистики, американской социолингвистики).

Ответственный редактор
доктор филологических наук
В. З. ПАНФИЛОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Языкознание наряду с науками о мышлении принадлежит к числу тех отраслей человеческого знания, которые обнаруживают наиболее тесные связи с философией на всем протяжении его развития, что объясняется природой самого предмета лингвистики. Язык представляет собой неперенное условие осуществления абстрактного, обобщенного мышления и рациональной ступени человеческого познания. Поэтому вопрос о роли языка в познании входит составной частью в гносеологию любой философской системы. Достаточно сказать, что наиболее влиятельные течения современной буржуазной философии приобрели форму лингвистического идеализма (лингвистическая философия и отчасти экзистенциализм) в результате того, что представителями этих направлений роль языка в познании абсолютизируется до такой степени, что язык рассматривается ими как единственная данная человеку реальность. Естественно, что между этими направлениями философии и некоторыми школами зарубежного языкознания существуют самые тесные связи концептуального характера: для них оказывается общим понимание роли языка в процессах мышления и познания, отношения языка и действительности (ср. с указанными направлениями в философии неогумбольдтианство, соссюрианство и глоссематику как лингвистические течения); эти направления буржуазной философии, выдвигая соответствующие принципы, используют для их обоснования конкретные результаты исследований, осуществляемых в рамках указанных выше направлений в языкознании и т. д.

Те или иные философские направления оказывают влияние на лингвистические течения также и потому, что любой лингвист сознательно или бессознательно исходит в своих теоретических исследованиях языка как

предмета языкознания, закономерностей его развития, а также в понимании общих принципов, которыми он руководствуется при исследовании языка, из определенной философской концепции о закономерностях бытия и познания. Так, например, то понимание языка, которое развивается Ф. де Соссюром, Л. Ельмслевом и другими представителями соссюринства и глоссематики, основывается на релятивистском решении вопроса о роли отношений в конституировании качественной определенности вещи, т. е. на положении о примате отношения над вещью. Точно также ориентация представителей дескриптивной лингвистики на позитивистский тезис о том, что статусом существования обладает лишь непосредственно наблюдаемое, приводит их к отрицанию факта объективного существования языка наряду с речью, так что в качестве предмета языкознания ими рассматривается совокупность речевых актов говорящего, квалифицируемых как один из видов поведения.

Наиболее наглядным примером влияния философских позиций на методологические основы лингвистических направлений является принцип имманентности языка, согласно которому язык должен рассматриваться в себе и для себя и при объяснении языковых явлений и причин их исторического развития должны привлекаться лишь внутрilingвистические факторы. Очевидно, что в основе этого принципа, характерного для ряда направлений языкознания (структурализма, хомскианства и отчасти неогумбольдтианства), лежит метафизический отрыв языка от общества и мышления, которые он призван обслуживать, т. е. в итоге также и метафизический подход к решению вопроса о соотношении языка как системы и выполняемых им функций.

Философские позиции представителей различных направлений в языкознании сказываются не только на понимании языка как предмета языкознания и закономерностей его развития, не только на методологических принципах, которыми они руководствуются при исследовании языка, но и нередко на конкретных методах исследования языка, хотя их связь с философскими установками имеет более сложный и опосредованный характер, чем в предыдущих случаях. Так, в трактовке представителей ряда направлений в языкознании (глоссематики, дескриптивной лингвистики и др.) метод дистрибутив-

ного анализа, учитывающий синтагматические связи языковой единицы, призван обеспечить полное раскрытие ее качественной определенности. Очевидно, что такой статус может приписываться этому методу только исходя из того релятивистского понимания языковых единиц и языка в целом, о котором говорилось выше.

Как это весьма аргументированно показано Н. Д. Андреевым, метод трансформационного анализа и трансформационной грамматики Н. Хомского и его последователей зиждется на метафизическо-механистическом понимании природы языка, так как ими не учитывается, что язык одновременно обладает такими противоречивыми свойствами, как его синхроническая стабильность, являющаяся условием осуществления его коммуникативной функции, и его же историческая изменчивость; его социально обусловленная нормативность и возможность отклонения от нее в речи индивидов, обеспечивающая историческое развитие языка; системная организация его составляющих единиц при вероятностной неопределенности их выбора говорящим индивидом. При этом, рассматривая связь конкретных методов исследования с философскими основами того или иного направления в лингвистике, следует иметь в виду, что нередко они базируются на иных философских принципах, чем те, которые эксплицитно принимаются и развиваются их представителями в своих теоретических работах. Иначе говоря, здесь возможна и такая ситуация, когда в своих конкретных исследованиях представители тех или иных направлений отходят от этих философских принципов, ситуация, которая, как отмечал в свое время Ф. Энгельс, бывает и в других науках, когда конкретные результаты исследований получаются вопреки принимаемым их авторами философским принципам.

Предлагаемый вниманию читателя коллективный труд «Философские основы зарубежных направлений в языкознании» включает семь разделов: «Неогумбольдтианство» (П. В. Чесноков), «Соссюр и соссюрианство» (Н. А. Слюсарева), «Глоссематика» (А. С. Мельничук), «Американская дескриптивная лингвистика» (В. В. Белый), «Американская социолингвистика» (А. Д. Швейцер), «Хомский и хомскианство» (Н. Д. Андреев).

Перед авторами этой коллективной монографии стояла задача выявить философские основы этих ведущих

направлений зарубежного языкознания и дать их критический анализ с позиций марксистско-ленинской философии. Необходимо было также показать, как эти философские основы проявляются в определении языка как предмета языкознания, в решении таких проблем, как соотношение языка и речи, объективность существования языка, соотношение языка как системы и его функционального назначения, иначе говоря, внутрилингвистических и экстралингвистических факторов, вопроса о знаковой природе языка и ряда других коренных вопросов языкознания. Авторы монографии стремились также показать, каковы те методологические принципы, которыми руководствуются представители этих направлений при исследовании языка. Наконец, ее авторы преследовали и такую цель, как выявление степени обусловленности методов исследования языковых явлений, применяемых в этих направлениях, теми философскими принципами, которые взяты ими на вооружение, и эвристическую ценность этих методов.

Результаты осуществленного в монографии исследования показывают, что все эти направления в той или иной степени переживают кризисное состояние, в чем решающую роль сыграли неудовлетворительность тех философских принципов (в большинстве случаев позитивистского характера), на которых они базируются, и связанная с этим недостаточная эффективность применяемых в них конкретных методов исследования.

Можно надеяться, что настоящая монография, в которой наряду с недостатками, характерными для каждого из рассмотренных направлений, выявляется также и все то положительное, что вносится ими в общий прогресс языкознания, будет способствовать устранению этих недостатков, обычно возникающих в результате абсолютизации каких-то присущих языку свойств и неучета его других свойств, и поможет также преодолеть то не критическое отношение, которое наблюдается у многих лингвистов к этим направлениям языкознания и в особенности к их философским основам.

Рукопись подготовлена к печати Группой обеспечения комплексных работ Института языкознания АН СССР: А. А. Ковшовой (зав. группой), Е. Г. Архангельской, Е. М. Василевич, О. И. Романовой. Предметный указатель составлен В. Н. Бондаренко, именной — Е. С. Никитиной.

В. З. Панфилов

НЕОГУМБОЛЬДТИАНСТВО

1

Вскрывая гносеологические корни идеализма, В. И. Ленин писал: «Философский идеализм есть *только* чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизичного. Наоборот, с точки зрения *диалектического* материализма философский идеализм есть *одностороннее*, преувеличенное, *überschwengliches* (Dietzgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолюте, *оторванный* от материи, от природы, обожествленный...

Познание человека не есть (respectively не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее *закрепляет* классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота *voilà* гносеологические корни идеализма»¹.

Исключительно велика роль языка в познавательной деятельности. Без языка само человеческое познание оказывается невозможным, поскольку без материальных языковых средств (без языковых знаков) в сознании человека не могут формироваться на базе наглядных, чувственных образов нечувственные, обобщенные, абстрагированные и опосредствованные отражения действительности, т. е. мысли, иначе говоря, невозможно мышление, которое представляет собой не что иное, как процесс формирования таких отражений и оперирования ими.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322.

«Идеи не существуют оторванно от языка», — говорит К. Маркс². «Язык есть непосредственная действительность мысли»³. Положение о неразрывном единстве языка и мышления занимает центральное место в учении диалектического материализма и марксистского языкознания о соотношении мысли и языка. Однако, как ни значительна функция языка в становлении и воспроизведении логических абстракций, а значит, и в познавательной деятельности человека в целом, она составляет лишь одну из сторон (один из отрезков) этой деятельности, и преувеличение, абсолютизация ее роли в процессе познания ни к чему, кроме идеализма в учении о языке, привести не может. Такой «лингвистический» идеализм проистекает из метафизической односторонности в понимании логического (рационального) познания, из его отрыва от чувственного отражения и объективной реальности (если не полного, то частичного, состоящего в отрицании существования в действительности и чувственной сфере прообразов для целого ряда фактов, обнаруживаемых в логическом мышлении), а в значительной мере из отрыва одних сторон языка и мыслительной деятельности от других и даже одних сторон самой объективной действительности от ее других сторон.

Ярким примером возникновения идеалистического взгляда на процесс познания, а через него на общественную жизнь и мир в целом в результате преувеличения роли (абсолютизации) одного из отрезков познавательного пути, а именно процесса формирования логических абстракций при помощи языка, является неогумбольдтианское языкознание с двумя его разветвлениями — европейским и американским.

Представители неогумбольдтианства решительно отстаивают идею внутреннего единства языка и мышления и подвергают порой резкой критике тех, кто не признает этого единства и допускает возможность мыслительной деятельности без языка, усматривая между языком и мышлением лишь внешнюю связь.

Один из наиболее характерных представителей неогумбольдтианского языкознания Л. Вайсгербер квали-

² «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, 1935, стр. 99.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 448.

фицирует как наивное и, следовательно, ненаучное такое понимание языка, согласно которому язык есть средство лишь выражения и сообщения готовых мыслей, средство взаимопонимания, не связанное с процессом формирования самой мысли. Эта трактовка языка, по мнению Л. Вайсгербера, подобна пониманию воды как средства для мытья или утоления жажды⁴.

Г. Хольц утверждает, что человек способен понимать самого себя и мир благодаря языку, что без языка не существовали бы ни духовные индивиды, ни общество; что все, что не выражено при помощи языка, остается на уровне животного инстинкта⁵. Г. Хольц возражает Г. Клейсту, разрывающему язык и мышление и допускающему, что «дух» может закончить мысль до речевого выражения, что ясная мысль может быть неясно выражена. Г. Хольц считает, что даже невысказанная мысль образуется с помощью языка, так как человек в этом случае пользуется понятиями и логическими отношениями, а значит, словами и грамматическими формами; то, что неясно выражено, не может ясно осознаваться⁶. Развертывание предложения — это ход самой мысли. Если есть предложение, то, следовательно, есть и мысль⁷.

Б. Уорф также признает ошибочным мнение, будто речь лишь выражает то, что в основных чертах сложилось в сознании без помощи языка, что формирование мысли — это якобы самостоятельный процесс, никак не связанный с природой отдельных конкретных языков⁸.

Исходя из положения о безусловном единстве языка и мышления, Б. Уорф с логической неизбежностью приходит к убеждению в том, что системы условных символов математики, символической логики, философии и других наук — это не построения, противостоящие языку и имеющие дело непосредственно с областью

⁴ L. Weisgerber. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. Düsseldorf, 1962, стр. 10—11.

⁵ H. Holz. Sprache und Welt. Probleme der Sprachphilosophie. Frankfurt am Main, 1953, стр. 11, 32.

⁶ H. Holz. Macht und Ohnmacht der Sprache. Frankfurt am Main — Bonn, 1962, стр. 31.

⁷ Там же, стр. 28.

⁸ Б. Уорф. Наука и языкознание. «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960, стр. 169—170.

чистого мышления, а особые ответвления языка⁹. С этим нельзя не согласиться, поскольку указанные символы, так же как и единицы естественного языка, выступают в качестве непосредственной действительности мысли, ее материальной основы.

Следует сказать, что во взглядах неогумбольдтианцев на соотношение языка и мышления наблюдаются и некоторые противоречия, приводящие в отдельных случаях к отступлению от категорического признания единства языка и мышления и определяющего влияния языка на сферу сознания, на познавательный процесс. Наиболее заметны эти противоречия, пожалуй, в воззрениях Б. Уорфа, который в одной из своих работ недвусмысленно заявляет: «Мои собственные наблюдения дают мне право утверждать, что язык, несмотря на его огромную роль, напоминает в некотором смысле внешнее украшение более глубоких процессов нашего сознания, которые уже наличествуют, прежде чем возникает любое общение, происходящее при помощи системы символов или сигналов, и которые способны моментально создать такое общение (хотя оно и не будет истинным *соглашением*) без помощи языка или системы символов»¹⁰. В другой работе Б. Уорф подчеркивает обратное влияние мышления на язык: «Язык... отражает массовое мышление; он реагирует на все изменения и нововведения, но реагирует слабо и медленно, тогда как в сознании производящих изменения это происходит моментально»¹¹.

Однако наблюдающиеся в отдельных случаях противоречия не изменяют сущности неогумбольдтианского учения, в основе которого, как уже отмечалось, лежит метафизическое преувеличение роли языка в образовании мыслительных отражений действительности (логических абстракций) и игнорирование или преуменьшение роли иных факторов в этом процессе.

⁹ Б. Уорф. Указ. соч., стр. 170.

¹⁰ Б. Уорф. Лингвистика и логика. «Новое в лингвистике», вып. I, стр. 190—191.

¹¹ Б. Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку. «Новое в лингвистике», вып. I, стр. 164.—См. критический разбор противоречий и других особенностей неогумбольдтианства в статье В. З. Панфилова «Язык, мышление, культура» (ВЯ, 1975, № 1, стр. 3—12).

Основные положения этого учения сводятся к следующему: а) язык определяет мышление человека и процесс познания в целом, а через него — культуру и общественное поведение людей, мировоззрение и целостную картину мира, возникающую в сознании; б) люди, говорящие на разных языках, познают мир по-разному, создают различные картины мира, а потому являются носителями различной культуры и различного общественного поведения; в) язык не только обуславливает, но и ограничивает познавательные возможности человека; г) от различия языков зависит не только разница в содержании мышления, но и различие в логике мышления.

Вслед за В. Гумбольдтом, Л. Вайсгербер признает, что язык в любом его состоянии образует целостное мировоззрение, выражая все представления нации о мире, являющиеся результатом преобразования мира с помощью языка. Множество языков означает не равное ему количество различных наименований одной и той же вещи, а различные воззрения на нее. Различие языков — это не только различие внешнего звучания и чувственно воспринимаемых знаков, но и различие самого мировоззрения¹². Из предпосылок реального мира и человеческого духа язык образует мыслительный промежуточный мир, который, являясь, таким образом, результатом сознательного человеческого действия, воспринимается как единственная картина мира, доступная говорящим на данном языке. Л. Вайсгербер пишет: «Здесь мы имеем дело с тем „преобразованием“ реального мира „в собственность духа“, в котором со времен Гумбольдта видят единственное основание для существования языка и результаты которого получают выражение в мировоззрении конкретного языка. Проникновение в мировоззрение языка есть предпосылка плодотворной работы для всех видов языкового исследования. Исходя из этого принципа, можно установить и дальнейшие задачи динамического исследования языка: рассмотрение его как культурнообразующей силы, поскольку именно язык представляет обязательное условие человеческого культурного творчества и принимает уча-

¹² Л. Weisgerber. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik, стр. 12—13.

стие в формировании его результатов. Этот же принцип обуславливает понимание языка как историкообразующей силы, поскольку он... охватывает собою и духовно стимулирует постоянного носителя исторической жизни — народ»¹³.

Подчеркивая, что любой мыслительный процесс включается в языковую деятельность, Г. Хольц в то же время утверждает, что сфера языка устанавливает для мышления определенные горизонты, определяя пределы для движения мысли¹⁴. Признавая объективное существование мира как совокупности разрозненных вещей, его предшествование сознанию, Г. Хольц не видит в самом мире внутреннего единства и считает, что только благодаря дейктической функции языка возникает взаимосвязь и упорядоченность вещей (пространственная, временная и т. д.); что лишь язык конструирует мир как связное и значимое целое. В результате отношение индивидов к вещам становится единообразным, возникает общий мир говорящих на данном языке и одновременно порождается сама общность людей. Г. Хольц ссылается на Канта, выводящего такую упорядочивающую функцию сознания из заключенного в самом субъекте чувства различения, которое позволяет произвести разделение сфер мира, осуществить ориентировку в пространстве, а из нее вывести и ориентировку во времени. Конструируя мир как единое целое, язык этим же действием определяет границы его постижения¹⁵. Г. Хольц допускает, что тот или иной язык может быть достаточно подвижен, чтобы развить новые позиции и выработать иной, несколько видоизмененный взгляд на мир, но при этом основная схема, определяющая возможности формы миропонимания, остается константной¹⁶. Таким образом, идеалистическое учение об обусловленности картины мира определенным языком с неизбежностью ведет к «лингвистическому» агностицизму — к признанию ограничения познавательных возможностей человека свойствами того языка, с помощью которого он творит картину мира. Равным образом функцию

¹³ L. Weisgerber. Vom Weltbild der deutschen Sprache. Düsseldorf, 1950, стр. 7—8.

¹⁴ H. Holz. Sprache und Welt..., стр. 11.

¹⁵ Там же, стр. 16—17.

¹⁶ Там же, стр. 17.

упорядочения по отношению к хаосу явлений объективной действительности, способность создавать стройную, для каждого языка иную, картину мира, а значит, и ограничивать познание человека приписывает языку и Б. Уорф: «Было установлено, что основа языковой системы любого языка (иными словами, грамматика) не есть просто инструмент для воспроизведения мыслей. Напротив, грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза. Формирование мыслей — это не независимый процесс, строго рациональный в старом смысле этого слова, но часть грамматики того или иного языка и различается у разных народов в одних случаях незначительно, в других — весьма существенно, так же, как грамматический строй соответствующих языков. Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы — участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка»¹⁷. Положение о зависимости картины мира от конкретной языковой системы Б. Уорф провозглашает как принцип лингвистической относительности, выражающий в наиболее сжатой форме существо неогумбольдтианской теории языка, «который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем»¹⁸.

Умеренные представители рассматриваемого направления воздерживаются от столь решительных заключе-

¹⁷ Б. Уорф. Наука и языкознание, стр. 174—175.

¹⁸ Там же, стр. 175.

ний относительно определяющей роли языка по отношению к мышлению и культуре в целом. Так, Д. Хаймс говорит лишь о возможных точках зрения на связь между языком и другими элементами культуры; согласно первой точке зрения, язык является ведущим, определяющим по отношению к другим элементам культуры; согласно второй, — другие элементы культуры играют такую роль по отношению к языку; согласно третьей точке зрения, язык и другие элементы взаимно детерминируют друг друга, согласно четвертой, — и язык, и другие элементы культуры в равной степени детерминируются некоторым третьим фактором (народным духом, национальным характером и т. д.)¹⁹. Д. Хаймс считает допустимым говорить о двух типах лингвистической относительности, но эти типы определяются, по его утверждению, не реальной направленностью зависимости, а направленностью вывода о фактах языка и культуры: первый тип характеризуется тем, что на основании языковых данных делается вывод относительно других аспектов культуры, второй — тем, что вывод осуществляется в обратном направлении — от этнографических данных к фактам языка²⁰. Как полагает Д. Хаймс, с уверенностью можно говорить лишь о наличии параллелизма в свойствах языка и в свойствах других элементов культуры, определенной корреляции языковых моделей и моделей других частей культуры, что, естественно, является продуктом совместного исторического развития. В силу такой корреляции речевая манера в известной мере свидетельствует о познавательном стиле, но не больше: на ее основе нельзя судить о внутреннем содержании познания. Вывод о зависимости мировоззрения от языка можно сделать лишь при абстрагировании фактов языка от контекста употребления, а это недопустимо при разумном подходе²¹.

Взгляды Д. Хаймса нельзя признать типичными для неогумбольдтианства, они занимают, так сказать, периферийное положение в неогумбольдтианском языкознании. Выясняя же философские основы этого научного

¹⁹ D. Hymes. Two types of linguistic relativity. «Sociolinguistics. Proceedings of the UCLA sociolinguistics conference, 1964». The Hague — Paris, 1966, стр. 120.

²⁰ Там же, стр. 114.

²¹ Там же, стр. 157—158.

направления, разумеется, следует ориентироваться на его наиболее характерных представителей, на тех, кто наиболее полно и ярко выражает существо самого направления (на Л. Вайсгербера, Г. Хольца, Э. Сепира, Б. Уорфа).

2

Из учения неогумбольдтианства об особой роли языка по отношению к мышлению и познанию в целом, по отношению к культуре и социальному поведению человека вытекает и особое понимание языка как социального явления.

Выше отмечалось, что Л. Вайсгербер выступает против наивного понимания языка как средства выражения и сообщения мысли, как орудия взаимопонимания. Такая трактовка языка, по мнению Л. Вайсгербера, не вскрывает самого существенного в нем. Положение о сущности языка было сформулировано еще В. Гумбольдтом, который определил его как силу духовного образования²². Будучи не законченным произведением (*ergon*), а всегда деятельной силой (*energeia*), язык создает из разрозненных предметов целостную картину мира, превращая его в собственность духа. При этом язык сам выступает как орудие (инструмент) во власти духа²³.

Как средство формирования картины мира понимает язык и Г. Хольц, который, не отвергая попытки Канта представить язык в качестве посредника между чувственным познанием и понятием (логическим мышлением), квалифицирует язык как границу идеи и действительности, как переход действительности в мысль, как сущность контакта человека с миром в том диалектическом смысле, что через язык человек формирует для себя мир (точнее, картину мира) в определенных границах, в пределах которых может получать от него сведения. При этом человек становится тем, что он есть, так как обретает способ познания мира. Таким образом, язык одновременно оказывается и средством формиро-

²² Л. Weisgerber. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik, стр. 11—13.

²³ Там же, стр. 14—17.

вания самого человека²⁴. Г. Хольц отмечает роль практической деятельности в контакте человека с миром, но эта роль не рассматривается им как ведущая, определяющая существо контакта в целом.

Подобное понимание языка свойственно также Б. Уорфу и другим неогумбольдтианцам.

Разумеется, представители неогумбольдтианского направления в языкознании не отрицают коммуникативной функции языка, но они понижают роль этой функции, считая ее не основной, а производной от функции мышлеобразования, не раскрывающей сущности языка.

Даже Э. Сепир, который придает большое значение процессу коммуникации и первоначально не видит оснований для оспаривания общепринятого мнения о функции общения как первичной функции языка²⁵, в конечном счете признает более правильным утверждение, что «первично язык является реализацией тенденции рассматривать объективную реальность символически, и именно это его качество сделало его пригодным для целей общения»²⁶. Признав язык в первую очередь символическим (т. е. знаковым) средством представления действительности²⁷, Э. Сепир, подобно другим неогумбольдтианцам, трактует его как творческую силу, разграничивающую, упорядочивающую, классифицирующую факты объективной реальности, иначе говоря, обуславливающую характер ее изображения в сознании человека.

Отодвигая на задний план коммуникативную функцию, Э. Сепир сосредоточивает внимание на взаимодействии языка и мышления, языка и объективной действительности. По отношению к мышлению язык, по мнению Э. Сепира, выступает в функции мышлеобразования, которое понимается не только как преобразование формы отражения мира, данного вначале в виде чувственного восприятия, но и как порождение такого содержания, которое отсутствует в чувственном материале.

²⁴ Н. Holz. Sprache und Welt..., стр. 20.

²⁵ Э. Сепир. Язык.— В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1960, стр. 189.

²⁶ Там же, стр. 190.

²⁷ Э. Сепир. Положение лингвистики как науки.— В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, стр. 178—179; Он же. Язык, стр. 186—187.

Номинативная функция (функция обозначения, знаковая функция), в которой язык выступает по отношению к объективной действительности, превращается в функцию идеального преобразования действительности, порождения картины мира, не являющейся более или менее точной копией реального мира. Поскольку, с точки зрения неогумбольдтианцев, мир сам по себе есть лишь совокупность разрозненных вещей, собственно номинативную функцию язык осуществляет лишь по отношению к отдельным фактам (предметам), связи же между предметами и явлениями, их группировки и взаимодействия порождаются творческой силой языка. Поэтому в отношении классов вещей и явлений, их связей и объединений в сложные комплексы в пространстве и времени языковой знак теряет функцию объективной номинации, становясь субъективно-произвольным выразителем идей, не отражающих объективную действительность. Неогумбольдтианская концепция языка ведет к учению о произвольности значения языкового знака, что вполне определенно признается Л. Вайсгербером, трактующим языковой знак в духе философии символических форм Э. Кассирера, который пишет: «Символические знаки языка существуют не для того, чтобы обозначать что-либо существующее помимо них. Напротив, бытие выводится из этих символов»²⁸. Бытие, не существующее независимо от символов и «выводимое» из них, разумеется, есть мнимое бытие, лишь видимость бытия, субъективно-произвольная картина бытия, порождаемая сознанием.

У Э. Сепира нет столь категорических заявлений о произвольности значения языкового знака, однако его высказывания о соотношении языка и познания не допускают какой-либо иной интерпретации знаков языка: «Совершенно ошибочно полагать, что человек ориентируется в действительности без помощи языка и что язык есть просто случайное средство решения специфических проблем общения и мышления. Факты свидетельствуют о том, что «реальный мир» в значительной мере бессознательно строится на языковых нормах данного общества. Не существует двух языков настолько тождествен-

²⁸ *E. Cassirer. Philosophie der symbolischen Formen, T. I. Berlin, 1923, стр. 42.*

ных, чтобы их можно было считать выразителями одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества,— отдельные миры, а не один мир, использующий разные ярлыки»²⁹.

И далее Э. Сепир пишет: «Даже относительно простой акт познания в большей степени, чем мы полагаем, зависит от социальных моделей, называемых словами. Если, например, провести ряд линий различной формы, их можно осознать и подразделить на такие категории, как „прямая“, „ломаная“, „кривая“, „зигзагообразная“, соответственно классификации, которая устанавливается самими существующими в языке терминами. Мы видим, слышим или иным образом воспринимаем действительность так, а не иначе потому, что языковые нормы нашего общества предрасполагают к определенному отбору интерпретаций»³⁰.

Желая наиболее рельефно представить независимость языка от объективной действительности, его способность самостоятельно порождать такое идеальное содержание, которое якобы не находит соответствия в реальном мире (поскольку не отражает его, а существует лишь как семантическая сторона языковых терминов и форм, являясь вместе с ними продуктом системы языка), Э. Сепир проводит аналогию между развитием языка и развитием математической системы. В основе последней лежат объективные отношения, познаваемые опытным путем и отражаемые в виде исходных аксиом. Но в ходе дальнейшего развития математической системы чисто логическим путем создаются такие отношения, которые основываются не на опытных данных, не на непосредственном отражении объективного мира, а на формальных законах самой системы. То же самое, по мнению Э. Сепира, происходит и при развитии языка, который, используя в качестве исходного материала отражение фактов действительности, порождает затем идеальные факты, не обращаясь к объективной реальности³¹.

Действительно, математическая система позволяет, опираясь на исходные опытные данные, выводить новые

²⁹ Э. Сепир. Положение лингвистики как науки, стр. 177.

³⁰ Там же.

³¹ E. Sapir. Conceptual categories in primitive languages. «Science», 1931, v. 74, стр. 578.

отношения без их непосредственного отражения с помощью органов чувств. Однако, будучи выведенными чисто логическим путем, сконструированными по формальным законам системы, эти отношения находят соответствие в материальном мире, если исходные данные были истинными, т. е. соответствовали действительности, и формальные законы, которые есть не что иное, как отражение общих связей и отношений действительности, были правильно применены к ним. «Если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности»,— говорит Ф. Энгельс³². Это же наблюдается и в развитии системы языка, если отправные данные являются верным отражением реального мира.

3

Неоправданное преувеличение роли языка в процессе познания, приписывание языку несвойственной ему функции (рассмотрение языка как средства порождения такого содержания в мышлении, которое не отражает фактов действительности) приводит неогумбольдтианцев к субъективно-идеалистической философии позитивизма. Суть дела не меняется от того, что отдельные представители неогумбольдтианства заявляют о признании объективного существования мира, природы.

Стремясь предупредить возможные обвинения в идеализме, Г. Хольц заверяет читателя, что идеализм в учении о языке наблюдается лишь тогда, когда на передний план выдвигается только творческая деятельность языка, а существование объективной реальности вообще игнорируется. Сам Г. Хольц не считает свои взгляды на язык идеалистическими, поскольку он признает, что язык ориентирован на действительность и что с его помощью познается мир как субстанция, независимая от сознания³³.

Л. Вайсгербер, якобы отвергающий крайности как идеализма, так и материализма, занят поиском третьего, промежуточного пути. Он надеется найти его с по-

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 629.

³³ Н. Holz. Sprache und Welt..., стр. 19.

мощью фактов языка, на основе лингвистического анализа языкового материала и установления подлинной роли языка в процессе познания. Л. Вайсгербер пишет: «В антитезе идеализм—реализм (т. е. материализм.— П. Ч.) лингвистическое решение занимает обоснованное срединное положение: не наивное перетолкование мыслительного мира в смысле простого отражения совокупности явлений «объективного» характера, но также и не уход в область чистых идей, не имеющих никакого отношения к реальному миру»³⁴. Подчеркивая отличие фактов сознания от реального бытия, Л. Вайсгербер в то же время отмечает, что они как-то соотносятся с самим бытием и являются результатом его познания. Эту мысль он излагает следующим образом: «Признавая объективный характер природы, мы должны учитывать и различия, существующие между «реальной» и «мыслимой» природой, и задача как раз и заключается в том, чтобы показать, как эта природа духовно постигается и преобразуется. И обратно: устанавливая, что духовные «реальности» могут принимать форму для сознательного человеческого мышления только тогда, когда они определяются в виде языковых полей, не следует думать, что эти духовные величины имеют только языковое существование»³⁵.

Приведенные заявления свидетельствуют о непоследовательности и эклектизме воззрений их авторов, которые, подобно Канту, признают существование объективного мира, не зависящего от сознания человека и воздействующего на его чувственную (наглядно-образную) сферу, но результатом этого воздействия признается не стройная, целостная картина отраженного мира, а хаотический набор опытных данных о механической совокупности разрозненных явлений. Эти эмпирические факты, по мнению неогумбольдтианцев, благодаря творческой активности языка упорядочиваются, распределяются по классам, вступают друг с другом в пространственные, временные и причинно-следственные отношения. Так конструируется мир как связанное целое. Целостная картина мира, по этой теории, творится человеческим сознанием при помощи языка, не будучи бо-

³⁴ L. Weisgerber. Das Gesetz der Sprache als Grundlage des Sprachstudiums. Heidelberg, 1951, стр. 172—173.

³⁵ L. Weisgerber. Vom Weltbild der deutschen Sprache, стр. 194.

лее или менее точным отражением объективного мира. Таким образом, во взглядах неогумбольдтианцев обнаруживаются все признаки субъективно-идеалистической теории познания в духе Канта, Фихте, неокантианской философии, старого и современного позитивизма.

Представители европейской разновидности неогумбольдтианства опираются непосредственно на Канта и неокантианство. Так, в своей работе «Язык и мир. Проблемы философии языка» Г. Хольц часто прибегает к авторитету Канта³⁶. Л. Вайсгербер, развивая учение о произвольности языкового знака, обращается к философии символических форм Э. Кассирера.

Следует отметить, что в плане субъективистского толкования процесса познания, неогумбольдтианцы идут дальше приверженцев кантианского направления, так как связывают картину мира со структурными особенностями языков, со спецификой их грамматики и лексического состава. Дальнейшие выводы из принципа лингвистической относительности должны вести, по справедливому замечанию Ф. Росси-Ланди, к размножению априорной кантовской трансцендентальной эстетики и логики по числу существующих и существовавших человеческих языков³⁷, что неизбежно связано с множеством картин мира, порождаемых различными языками.

Представители американской разновидности неогумбольдтианства в своих произведениях не ссылаются ни на Канта, ни на других философов-идеалистов, однако их исследования идут в общем русле позитивистской теории познания. Поэтому М. Блэк — критик принципа лингвистической относительности — вполне обоснованно усматривает в положении Б. Уорфа о мире как калейдоскопическом потоке впечатлений, который должен быть организован человеческим сознанием, явное сходство с тезисом американского прагматиста У. Джемса о том, что «мир — это опыт», а опыт — это «поток переживаний»³⁸.

³⁶ См.: *H. Holz. Sprache und Welt..*, стр. 16—17, 20 и др.

³⁷ *F. Rossi-Landi. Ideologies of linguistic relativity. The Hague-Paris, 1973.* — См. также обзор этой работы, сделанный В. Н. Белоозеровым в кн.: «Реферативный журнал». Общественные науки за рубежом. Серия 6 (Языкознание). М., 1975, № 2, стр. 45.

³⁸ *М. Блэк. Лингвистическая относительность. «Новое в лингвистике», вып. I, стр. 210.*

Не вызывает сомнения идентичность указанного положения Б. Уорфа с учением английского позитивиста Г. Спенсера о чувственно воспринимаемых явлениях и их комбинировании с помощью общих законов, являющихся субъективным продуктом сознания³⁹, с соображениями Дж. Беркли об объединении отдельных чувственных впечатлений или представлений в вещи действием ума⁴⁰, с высказываниями махистов об организации субъектом беспорядочного потока ощущений в комплексе ощущений⁴¹.

М. Блэк утверждает, что «лингвистические занятия Уорфа привели его к Бергсону»⁴², который разрывает сознание, обладающее длительностью, и мир неподвижных, неизменных материальных предметов, подобно тому, как Уорф и другие сторонники неогумбольдтианства отрывают целостную идеальную картину мира от реальной совокупности разрозненных явлений.

Естественна близость философских воззрений неогумбольдтианцев к философии неопозитивизма с его двумя фазами — логическим позитивизмом (М. Шлик, Р. Карнап, О. Нейрат, Б. Рассел, А. Айер и др.) и лингвистическим позитивизмом (А. Пап, У. Куайн, Д. Уисдом, Д. Остин, Г. Райл, поздний Л. Витгенштейн и др.), включающим в себя и американских «общих семантиков» (С. Чейз, А. Кожибский, С. Хаякава, А. Рапопорт). Характерной чертой неопозитивизма является стремление «выдать язык (в его естественной и искусственной формах) за главный и даже единственный объект философского исследования; неопозитивизм устремлен в область лингвистической проблематики»⁴³. Неопозитивизм в еще большей степени, чем неогумбольдтианство, преувеличивает роль языка в конструировании картины мира, признавая зачастую, что все элементы этой картины обусловлены языком. В своей крайней форме неопозитивизм рассматривает язык как единственную данную человеку реальность. В этом случае картина мира,

³⁹ «История философии в шести томах», т. III. М., 1959, стр. 429—430.

⁴⁰ Там же, т. I. М., 1957, стр. 443—444.

⁴¹ Там же, т. V. М., 1961, стр. 85—86.

⁴² Там же, стр. 60; М. Блэк. Лингвистическая относительность, стр. 211.

⁴³ «История философии в шести томах», т. VI, кн. 2. М., 1965, стр. 83; см. также стр. 85—105.

создаваемая языком, отождествляется с самим миром. «Тот факт, что мир есть *мой* мир, проявляется в том, что границы языка (единственного языка, который понимаю я) означают границы *моего* мира», — пишет Л. Витгенштейн ⁴⁴.

В основе субъективно-идеалистического взгляда неогумбольдтианцев на язык как на духовную силу, организующую в процессе познания хаос объективной реальности в целостную систему, взгляда, ведущего к противопоставлению, а затем и к разрыву объективного мира и его идеального изображения, лежит игнорирование диалектики отдельного и общего, обусловившее ярко выраженный номиналистический подход к вещам объективного мира. При таком подходе вещи, взятые сами по себе, признаются сугубо индивидуальными образованиями, не содержащими в себе ничего, что объединяло бы их с другими вещами. Вот почему объективный мир представляет собой лишь механическую совокупность разрозненных предметов. Приложение одних и тех же языковых единиц и форм к различным предметам и явлениям объединяет их в классы, при этом начинает мыслиться их общность, порождаемая самим процессом объединения — тем, что к ним прилагаются единицы, воспроизводящие общие идеи широких классов вещей. Номинализм приобретает, таким образом, весьма определенную концептуалистическую направленность. Возникновение общности, однопорядковости позволяет предметам и явлениям вступать в определенные (пространственные, временные, причинно-следственные) связи и отношения с другими предметами и явлениями, соединяться в более крупные образования, благодаря чему создаются связи частей и целых. Все это осуществляется опять-таки с помощью языковых средств, которые выражают соответствующие связи и отношения.

Г. Хольц пытается в известной мере подкрепить метафизический разрыв отдельного и общего, изображение общего только как идеального факта, чуждого хаотической объективности, ссылкой на диалектический материализм — на известные высказывания В. И. Ленина: «*Всякое слово (речь) уже обобщает*» ⁴⁵. «В языке есть

⁴⁴ Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат. М., 1958, стр. 81.

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 246.

только *о б щ е е*»⁴⁶, «Название есть нечто всеобщее, принадлежит мышлению, делает многообразное простым»⁴⁷.

Диалектический материализм действительно признает обобщающий характер единиц языка, однако он решительно отвергает номиналистическую концепцию, отрицающую существование общего в объективной действительности, и рассматривает общее в языке как отражение общего в предметах и явлениях самого объективного мира.

Некоторых представителей неогумбольдтианства не может удовлетворить примитивное номиналистическое объяснение преобразующей функции языка, изображающее эту функцию как свойство объединять ничем не связанные, изолированные факты действительности. Поэтому они развивают более тонкую и более сложную интерпретацию роли языка в процессе познания.

Так, Г. Хольц, до некоторой степени противореча самому себе, говорит о выделении, раскрытии с помощью языка определенных аспектов в самих вещах, которые обуславливают те или иные точки зрения на вещи⁴⁸. В разделе о логическом высказывании Г. Хольц пишет о реальном подчинении общего, отраженного в предикате, отдельному, отраженному в субъекте (эта подчиненность состоит в том, что общее получает реальность только через отдельное). Таким образом, Г. Хольц подходит к признанию существования общего в самих конкретных вещах. Остается сделать один шаг до утверждения, что обобщение, объединение предметов в классы осуществляется на основе реально существующих в них общих признаков. Однако Г. Хольц не делает этого шага, так как не может преодолеть метафизической односторонности в истолковании связи отдельного и общего в конкретных вещах. Вместо того чтобы признать двустороннюю зависимость (взаимоподчиненность) общего и отдельного, он видит только реальную подчиненность общего отдельному, а подчиненность отдельного общему считает чисто логической, поэтому и объединение многих

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 249.

⁴⁷ Там же, стр. 264. См. также: Н. Holz. Sprache und Welt., стр. 19, 32—33.

⁴⁸ Там же, стр. 17—18.

отдельных в классы на основе существующих у них общих признаков рассматривает лишь как логико-языковой процесс, не находящий соответствия в объективном мире⁴⁹. Метафизическое отступление от диалектики отдельного и общего носит, таким образом, более тонкий характер (оно выступает не как разрыв отдельного и общего, а как разрыв двух взаимосвязанных и противоположно направленных отношений между отдельным и общим), но метафизика по-прежнему остается метафизикой. Она не позволяет Г. Хольцу преодолеть номинализм, а значит, и субъективный идеализм в учении о роли языка в познании.

В действительности же отдельное подчинено общему тоже реально, только в ином плане. Общее подчинено отдельному в смысле его совместного существования с отдельным, его бытия в отдельном (так сказать, синтагматически), а отдельное подчинено общему в смысле реального отождествления многих отдельных через общее, объединения отдельных в классы и взаимного соотношения через общее (так сказать, парадигматически).

Общий итог всего сказанного выше можно представить в виде следующего заключения: философия неогумбольдтианства есть субъективно-идеалистическая философия позитивизма, и основывается она на метафизическом преувеличении активности языка и, следовательно, активности абстрактного мышления в процессе познания.

Разумеется, полное отрицание активной роли языка и мышления в познавательной деятельности людей нельзя признать научным решением рассматриваемой проблемы. Оно привело бы к вульгарно-материалистическому (механистическому) пониманию познания как зеркально-мертвого отображения (копирования) действительности сознанием человека, между тем как познавательный процесс является творческим по своему существу. Он связан с активным преобразованием исходных объективных данных, состоящим в аналитико-абстрагирующей и синтетико-обобщающей деятельности человеческого сознания. «...в самом простом обобщении, в эле-

⁴⁹ H. Holz. Sprache und Welt..., стр. 66—67.

ментарнейшей общей идее («стол» вообще) *есть* известный кусочек **фантазии**»⁵⁰,— говорит В. И. Ленин. Раскрывая существо абстрагирующего характера мыслительной деятельности, Л. Фейербах пишет: «Абстрагировать — значит полагать *сущность* природы *вне природы*, значит *сущность* человека полагать *вне человека*»⁵¹. В самом деле, общий признак множества вещей, образующий их сущность большей или меньшей глубины, сам по себе, отдельно от конкретных вещей в природе не существует, в то время как в языке и мышлении, благодаря особой форме отражения, он приобретает самостоятельное существование подобно материальным предметам («смелость», «гуманизм», «протяженность», «масса» и т. д.). Это оказывается возможным потому, что в самих вещах одни признаки противопоставлены другим и вещам в целом, несмотря на их связь и единство. В объективном мире каждый предмет имеет множество определений, благодаря которым он одновременно входит в большое количество различных классов. Но, говоря и мысля, например, что этот человек смел, мы отражаем только одно определение и, следовательно, включение человека только в класс смелых, отвлекаясь от всех остальных определений (умен, молод и т. д.) и от его вхождения во все остальные классы. Это возможно благодаря объективной противоположности самих определений.

Активная переработка объективной информации сознанием состоит не в мысленном порождении тех признаков, которых нет у вещей, не в приписывании вещам несвойственных им определений, не в произвольном отнесении предметов к каким угодно классам (как считают те, кто неоправданно преувеличивает активность языка и абстрактного мышления в процессе познания), а в отвлечении от вещей реально существующих у них признаков, в отчленении одних реальных определений от других, в отграничении объективного вхождения предметов в одни классы от их объективной включенности в другие классы.

⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 330.

⁵¹ Л. Фейербах. Избранные философские произведения. М., 1955, стр. 118. См. также: П. В. Чесноков. Основные единицы языка и мышления. Ростов-на-Дону, 1966, стр. 112.

Свои общетеоретические и философские выводы неогумбольдтианцы делают на основе реальных языковых фактов — случаев так называемого семантического расхождения между языками, которое состоит в том, что лексическим единицам и грамматическим формам одних языков, имеющих вполне определенное значение, в других языках соответствуют слова, фразеологизмы и грамматические формы с отличающимся содержанием и нет лексических единиц и грамматических форм, обладающих тем же самым значением, иногда же вообще невозможно говорить о семантическом соответствии единиц разных языков. Это обусловлено тем, что в разных языках отражаются различные стороны, признаки (свойства, связи, отношения) одних и тех же предметов. А поскольку объединение предметов в классы осуществляется на основе их признаков, разные языки неодинаково классифицируют вещи и явления объективного мира, по-разному делят этот мир на сферы. В одних и тех же предметах могут быть выделены различные части в зависимости от признаков, выступающих в качестве основания расчленения. Поэтому семантическое различие языков связано не только с различным распределением предметов по классам, но и с различным делением целых на части.

Даже в генетически родственных языках наблюдаются подобные различия. Так, русским словам *теща* и *свекровь* в немецком языке соответствует лишь одно слово *Schwiegermutter*, в английском языке — *mother-in-law*, во французском языке — *belle-mère*. Количественное несовпадение слов в указанных языках связано с определенным семантическим расхождением, но это расхождение порождено не субъективным произволом языков (внутренней творческой силой языков), как полагают неогумбольдтианцы, а реальным многообразием признаков в самих предметах, благодаря которому одни и те же предметы в самой объективной действительности одновременно входят в большое количество различных классов. И поскольку «человек не может охватить=отразить=отобразить природы *всей*, полностью, ее „непосредственной цельности“»⁵², а отражает ее по частям,

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 164.

схватывая то одни, то другие стороны, связи и отношения, реально создаются условия для отражения в одних языках одних признаков вещей и, следовательно, вхождения предметов в одни классы, а в других языках — других признаков вещей и их вхождения в другие классы. В приведенном примере русский язык акцентирует различные признаки тещи и свекрови (то, что одна является матерью мужа, а другая — матерью жены) и показывает их объективную принадлежность к разным классам, в то время как в немецком, английском и французском языках отражается лишь общий признак тещи и свекрови (то, что и та и другая является матерью одного из супругов) и их реальная принадлежность к одному более широкому классу.

С. Ульман утверждает, что французские глаголы производят, как правило, более общие понятия о действиях, чем глаголы в немецком языке, которым свойственны более конкретные значения. Например, фр. *aller* соединяет в себе значения *gehen* ('идти'), *reiten* ('ехать верхом'), *fahren* ('ехать'); фр. *mettre* — значения *setzen* ('сажать'), *stellen* ('ставить'), *legen* ('класть'), *hängen* ('вешать')⁵³. Характеристика французских глаголов, предлагаемая С. Ульманом, не вполне точная. Глагол *aller* не соединяет в себе значения ряда немецких глаголов, так как не выражает специфические особенности действий, обозначаемых этими глаголами, а отражает в своей семантике лишь общий признак, присущий всем этим действиям, — передвижение как таковое, и поэтому может замещать каждый из них, показывая одновременно объединенность самых различных видов передвижения в один общий род. Глаголы немецкого языка отображают специфические свойства отдельных видов перемещения в пространстве и в связи с этим указывают лишь на объединенность действий в более узкие группировки, не касаясь их вхождения в широкий класс передвижений вообще.

⁵³ С. Ульман. *Дескриптивная семантика и лингвистическая типология*. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 26—29. См. об этом же: Ш. Балли. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М., 1955, стр. 378. О семантических расхождениях между словами разных языков см. также: П. В. Чесноков. *Слово и соответствующая ему единица мышления*. М., 1967, стр. 77—78.

Равным образом французский глагол *mettre*, отражая только общий признак помещения предмета в определенное место, раскрывает факт вхождения любых действий, связанных с таким помещением, в один широкий класс, между тем как соответствующие ему немецкие глаголы со значением 'сажать', 'ставить', 'класть', 'вешать' воспроизводят отличительные признаки различных видов действий, связанных с помещением предмета в какое-либо место, и потому отображают реальную распределенность действий лишь по подклассам внутри одного широкого класса, который не нашел отражения в языке.

Л. Вайсгербер обнаруживает семантические расхождения не только между разными языками, но и между различными историческими ступенями в развитии одного языка. Например, в средневерхненемецкий период слово *tier* обозначало не класс животных в целом, как в современном немецком языке, а только четвероногих диких зверей, т. е. подкласс внутри этого класса; средневерхненемецкое *vogel* охватывало в отличие от современного немецкого языка, где оно имеет значение 'птица', всех летающих животных (птиц, пчел, бабочек, мух). В то же время в средневерхненемецкий период не было слов со значениями 'животное вообще' и 'птица'⁵⁴. Эти семантические различия между словами двух этапов в развитии одного и того же языка обусловлены наличием в самом животном мире различных группировок, по-разному объединяющих живые организмы на основе их различных признаков. Независимо от человеческого языка и сознания существует в объективной действительности широкий класс животных, обладающих единым общим признаком, отличающим их в пределах органического мира от растений. Внутри этого класса реально выделяется подкласс четвероногих диких зверей, противостоящий другой части класса, куда входят животные, не являющиеся дикими или четвероногими. Вполне реален класс летающих существ, и вполне реально существование в пределах этого класса подкласса птиц, обладающих наряду с общими признаками летающих существ специфическими признаками птиц.

Л. Вайсгербер рассматривает случаи, которые, по его убеждению, свидетельствуют о произвольности клас-

⁵⁴ Л. Weisgerber. Vom Weltbild der deutschen Sprache, стр. 39.

сификаций вещей, осуществляемых с помощью языковых единиц. Ярким примером таких случаев, с его точки зрения, может служить немецкое слово *Unkraut* ('сорняк') ('сорная трава'). В разряд сорняков люди включают лютик, осот и многие другие растения. Между тем в самих этих растениях якобы нет никаких свойств, которые позволили бы объединить их в одну группу. Следовательно, констатирует Л. Вайсгербер, *Unkraut* не существует в природе, а имеет место только в суждении человека⁵⁵. Л. Вайсгербер явно смешивает две вещи: субъективное существование в сознании человека (и, следовательно, в языке) и связанность с человеком, с человеческим обществом, с практической деятельностью человека и его практическими интересами. В сорняках самих по себе, разумеется, нет внутреннего свойства, которое вне всяких связей и отношений делало бы их сорняками, но некоторые их свойства по отношению к сельскохозяйственной практике человека являются не только бесполезными, но даже вредными. И указанные свойства, и сельскохозяйственная практика людей, и отношение свойств растений к сельскохозяйственной практике — все это существует объективно, а не «только в суждении человека».

Субъективное причисление предметов к тому или иному классу ничего не изменяет в самих предметах и поэтому не может быть средством упорядочения предметов и организации мира. Оно может порождать лишь ложную картину мира, являющуюся плодом заблуждения или пустого вымысла.

Эту мысль образно выразил Ф. Энгельс: «От того, что сапожную щетку мы зачислим в единую категорию с млекопитающими,— от этого у нее еще не вырастут молочные железы»⁵⁶.

Случай ложного включения предмета в класс, например, был связан с наименованием кита рыбой. От названий, порождающих искаженное включение предметов в классы, следует отличать традиционно-условное («фразеологическое») употребление слов (обычно в сложных наименованиях), при котором люди сознают, что наименование не соответствует объекту, но употребляют его

⁵⁵ *L. Weisgerber. Vom Weltbild der deutschen Sprache*, стр. 26—27.

⁵⁶ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. 20, стр. 41.

по традиции, изменяя, в сущности, первоначальное значение. Так, *Большое Соленое озеро* называют, соответственно его действительным признакам, озером, в то время как *Мертвое море* зовется морем, хотя оно в действительности тоже озеро⁵⁷ и это вполне осознается людьми, пользующимися данным названием. Тем же самым характеризуются топонимы *Каспийское море* и *Аральское море*.

Как отмечалось выше, семантическое расхождение между языками может быть вызвано различной реальной расчлененностью целого на части, которая позволяет разным языкам отражать различные части одного и того же целого. Основой семантического различия может оказаться и само единство целого и частей, содержащее в себе одновременно их различие и противопоставленность: при этом одни языки могут отражать лишь целое, другие же — только его части. Примером случая, когда семантическое расхождение обусловлено различной объективной расчлененностью целого на части соответственно его различным признакам, служит неодинаковое деление солнечного спектра на цвета в разных языках. «В солнечном спектре француз, как и большинство других европейцев, различает фиолетовый, синий, зеленый, желтый, оранжевый и красный цвета... В той же Европе бретонцы и галлы обозначают одним словом *glas* участок спектра, примерно соответствующий синему и зеленому цветам француза. Наш зеленый цвет часто оказывается поделенным между двумя единицами, одна из которых охватывает ту часть спектра, которую мы именуем синей, тогда как в состав другой входит соответствующая часть нашего желтого цвета. Наконец, существуют языки, которые удовлетворяются обозначением двух основных цветов, в общем соответствующих двум половинам спектра»⁵⁸. Возможность объединения синего и зеленого цветов одним словом в языке бретонцев и галлов обусловлена действительным сходством этих цветов, состоящим в том, что зеленый цвет, будучи смешанным, содержит в себе оттенок синего. В другом случае разделенность зеленого цвета между двумя единицами,

⁵⁷ См.: А. Мартине. Основы общей лингвистики. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 374.

⁵⁸ А. Мартине. Указ. соч., стр. 375.

которые охватывают соответственно синюю и желтую части спектра, допустима потому, что в силу смешанного характера зеленый цвет в одной своей части по оттенку сближается с синим, а в другой — с желтым. Наконец, распределение всего спектра между двумя единицами языка оказывается возможным благодаря наличию у цветов спектра двух наслаивающихся на них тонов — теплого и холодного.

Тип семантического расхождения между языками, основанного на противоположности целого и частей, можно проиллюстрировать с помощью избитого примера с русским словом *сутки*, для которого нет эквивалентной лексической единицы в романских и германских языках. Поскольку *сутки* реально подразделяются на ряд частей (день, ночь, утро, вечер), в языке могут отражаться только их части, что и наблюдается в романских и германских языках.

Есть случаи, когда отображению целого в лексической единице одного языка в другом языке соответствует лишь отражение одной его части. Французское слово *matin* мысленно воссоздает отрезок времени от 12 часов ночи до 12 часов дня⁵⁹. В то время как соответствующее ему русское слово *утро* выражает идею лишь части этого отрезка — перехода от темного времени суток к светлому времени.

От случаев семантического расхождения между языками следует отличать случаи, когда различие касается лишь лексических объемов слов. Такое различие состоит в том, что в одном языке какое-либо слово в силу его многозначности выражает несколько понятий, а соответствующее слово другого языка воспроизводит только одно понятие (или меньшее количество понятий), так как другие понятия воссоздаются иными словами. Например, русское слово *лес* выражает понятие «множество деревьев» и понятие «древесный строительный материал». Соответствующее ему немецкое слово *Wald* воспроизводит только понятие «множество деревьев», между тем как понятие «древесный строительный материал» выражается с помощью слова *Holz*, передающего также понятие «дрова», выражаемое в русском языке

⁵⁹ Б. В. Беляев. О слове и понятии. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 8, 1954, стр. 208—213.

другим словом. Не рассматривая специально вопрос о соотношении значения слова и понятия, примем, что тождество понятий, выражаемых словами, означает тождество их значений как отражений объективной реальности (без учета эмоционально-экспрессивных наслоений). Следовательно, при несовпадении лексических объемов слов двух или большего количества языков различие обнаруживается лишь в распределении значений между звуковыми комплексами слов, а не в самих значениях⁶⁰. Поэтому не правы те ученые, которые стремятся представить различие в лексических объемах слов как различие в сфере сознания (в мысленном распределении предметов по классам, следовательно, в сконструированной картине мира)⁶¹.

При иллюстрации различных типов семантических расхождений между языками до сих пор использовались только факты из области лексики. Но такие расхождения, как уже отмечалось, оказываются не менее значительными и в сфере грамматики.

Ярким случаем семантического расхождения между индоевропейскими языками в области грамматики является смысловое различие форм глагола, обусловленное существованием категории глагольного вида в одних языках и ее отсутствием в других. Во всех индоевропейских языках глаголы имеют формы времени, раскрывающие прежде всего реальное отношение действия к моменту речи и мысли, т. е. к объективному моменту настоящего, с которым совпадает момент речи и мысли, поскольку все существует в момент настоящего, являющийся поэтому моментом существования: прошлое уже не существует, будущее еще не существует. Кроме того, в некоторых индоевропейских языках присутствуют временные формы, отражающие отношения предшествования и последования между отдельными действиями. Каждая форма времени раскрывает объективную включенность обозначаемого действия в определенный класс действий, характеризующийся в момент речи тем или иным временным отношением (совпадением с моментом речи, предшествованием этому моменту или сле-

⁶⁰ См.: П. В. Чесноков. Слово и соответствующая ему единица мышления, стр. 79.

⁶¹ См., например: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. «Новое в лингвистике», вып. I, стр. 312.

дованием за ним, совпадением с каким-либо другим действием во времени, предшествованием какому-либо другому действию или следованием за ним).

В ряде индоевропейских языков (например, в русском) глагол обладает также категорией вида, отображающей характер протекания действия во времени (в русском языке ее образуют значения совершенности и несовершенности действия). Разумеется, в объективной действительности любому действию свойствен тот или иной характер протекания во времени, и в зависимости от этого характера каждое действие реально входит в широкий класс действий, обладающих именно этим характером. Поскольку существуют языки, не имеющие категории глагольного вида (например, немецкий), постольку в этих языках не отражается с помощью грамматических значений и не выражается с помощью грамматических форм характер протекания действий во времени и, следовательно, не раскрывается реальная отнесенность действий к классам, различающимся со стороны характера протекания действия во времени. Налицо семантическое расхождение между языками, обусловленное наличием в одних языках определенных грамматических значений и отсутствием этих значений в других языках.

Гораздо более значительными являются семантические различия между языками, относящимися к генетически не связанным группам. Б. Уорф хорошо показывает эти различия, сопоставляя грамматические системы индоевропейских языков и языков американских индейцев, хотя дает им субъективно-идеалистическое и метафизическое истолкование.

В индоевропейских языках форму множественного числа имени и количественные числительные употребляют как при обозначении сосуществующих предметов или предметов, которые могут быть представлены как сосуществующие (например, русск. *дома, десять домов; люди, десять человек*), так и при выражении цикличности, т. е. последовательного ряда регулярно повторяющихся событий (например, отрезков времени — русск. *дни, десять дней; годы, десять лет; шаги, десять шагов; удары, десять ударов*). В индейском языке хопи множественное число и количественные числительные употребляются только при наименовании предметов, способ-

ных к совместному существованию, которые могут быть представлены в виде целой группы (*множество домов, людей, деревьев, камней, животных* и т. д.). Такие выражения, как *десять дней*, в языке хопи исключаются. Вместо того чтобы сказать *Они пробыли десять дней* говорят *Они пробыли до одиннадцатого дня* или *Они уехали после десятого дня*. Предложение *Десять дней больше, чем девять дней* превращается в предложение *Десятый день позже девятого*. Время исчисляется в языке хопи главным образом днями и ночами, причем соответствующие этим отрезкам времени слова являются не существительными, а особой частью речи. Счет ведется посредством порядковых числительных. Такой способ счета не применяется к группе различных людей или предметов, даже если они следуют друг за другом, так как и в этом случае они могут быть представлены в виде целостной группы. Однако он применим по отношению к последовательному появлению одного и того же предмета или человека, поскольку здесь невозможно даже мысленное объединение в группу⁶².

В результате сопоставительного анализа описанных выше языковых фактов Б. Уорф приходит к выводу, что язык хопи точнее воспроизводит действительность, чем индоевропейские языки, которые порождают ошибочные представления о воображаемой множественности, отсутствующей в самом объективном мире. В действительности же и значение формы множественного числа в языке хопи, и значение формы множественного числа в индоевропейских языках, а также количественные числительные языка хопи и индоевропейских языков отражают реальные множества явлений объективного мира, но это — различные множества, являющиеся результатом объединения явлений в различные классы, причем и тот и другой класс в равной степени объективны. Этого не замечает Б. Уорф в силу односторонне-метафизического подхода к вещам. Множество, отражаемое в значении формы множественного числа языка хопи и его количественных числительных, есть объединение собственно предметов, противопоставленных друг другу в пространстве. Множест-

⁶² Б. Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку, стр. 141—143, 154—155.

во, отображаемое с помощью форм множественного числа имени и количественных числительных в индоевропейских языках, есть более широкая группировка объективных фактов, охватывающая, кроме множества пространственно противопоставленных собственно предметов, выступающего по отношению к ней в качестве подмножества, любые количественно определенные явления, неспособные к соположению в пространстве. Для этого предельно широкого множества важна лишь противопоставленность фактов в каких-либо признаках (внутренних свойствах или внешних отношениях). Не относимые к множеству собственно предметов последовательные отрезки времени (дни, ночи и т. д.) потому могут противопоставляться друг другу и исчисляться, что они чем-то отличаются друг от друга: одни дни могут быть солнечными, другие пасмурными, разные дни могут наполняться разными событиями, наконец, дни различаются хотя бы тем, что одни из них предшествуют другим, а другие следуют за первыми. Все это лишний раз свидетельствует о единстве количественных и качественных определенностей в материальном мире: когда человек выделяет количественную определенность предметов, он отвлекается от их качественной определенности (говоря *пять деревьев*, человек игнорирует качественное различие деревьев), но само установление количества вещей возможно только тогда, когда эти вещи чем-то отличаются друг от друга.

Разумеется, содержание категории числа в индоевропейских языках является более общим и, следовательно, более абстрактным, чем в языке хопи, соответственно более широкому кругу явлений, охватываемых индоевропейским числом.

Б. Уорф обнаруживает различие между индоевропейскими языками и языком хопи в значении существительных, обозначающих вещество. В индоевропейских языках эти существительные не характеризуют форму предмета, состоящего из того или иного вещества, и не указывают на количество вещества. В связи с этим при обозначении предметов с помощью таких существительных их приходится употреблять совместно с другими существительными, определяющими форму предмета или количество вещества (лужа воды, плитка шоколада, миска муки, кусок мяса и т. д.).

В языке хопи вещественные существительные не нуждаются в таком добавлении, потому что они, наряду с веществом, указывают на соответствующую форму, сосуд или количество вещества. По мнению Б. Уорфа, такое различие в содержании вещественных существительных обусловлено целиком особенностями языков, заключенными в них способами видения мира и никак не определяется самими предметами, всегда состоящими из какого-либо вещества, которое, в свою очередь, неотделимо от его конкретного воплощения ⁶³.

Идеалистический вывод и в данном случае обусловлен метафизическим подходом Б. Уорфа к рассматриваемому объекту, непониманием диалектики вещества и его оформленности, которая представляет собой частный случай диалектики формы и содержания. Вещество и его оформление (в том числе и количественная определенность), с одной стороны, находятся в неразрывном единстве (нет вещества без конкретного оформления, нет конкретно оформленной вещи, не состоящей из какого-либо вещества). С другой стороны, они противоположны, а значит, и противопоставлены друг другу: одинаково оформленные вещи (например, скульптура, посуда и т. д.) могут быть созданы из разного вещества (глины, фарфора, камня и т. п.), одно и то же вещество может быть использовано для создания различно оформленных вещей (из шоколада можно сделать плитку, куб, шар, различные фигурки людей и животных, используя то меньшее, то большее количество материала; из одного и того же куска сырой глины можно сначала вылепить посуду, а затем различные скульптурные фигуры). Вещественные существительные языка хопи отражают единство вещества и оформленности, подобные существительные в индоевропейских языках — противопоставленность того и другого. На передний план они выдвигают противопоставленность вещества оформленности, абстрагируя вещество от его оформления. Выдвижение на передний план противопоставленности оформленности веществу порождает существительные, обозначающие оформленность вещества (в том числе и количествен-

⁶³ Б. Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку, стр. 143—145.

ную). Часто оформленность и количество вещества устанавливаются через указание на его вместилище.

Хотя Б. Уорф сосредоточивает внимание на особенностях грамматического строя языков, на связи различия в грамматических формах с различием семантики, он учитывает при сопоставлении языков и особенности лексики, а значит, и те семантические расхождения, которые обусловлены спецификой лексического состава. В языке хопи он обнаружил существительное, которое относится к любому летающему предмету или существу, за исключением птиц. Таким образом, это существительное обозначает класс «Летающие минус птицы». Оно может быть использовано для наименования и насекомых, и самолетов, и летчиков. В современных индоевропейских языках нет существительного с таким широким значением⁶⁴. В этом случае, как и во всех рассмотренных выше, выделение особого класса вещей обуславливается не субъективным произволом языка хопи, а реальной объединенностью большой группы предметов, которая вызвана наличием у всех предметов способности летать и отсутствием у них специфических свойств птиц.

В отличие от индоевропейских языков в эскимосском языке отсутствует слово для выражения общего понятия «снег», вместо него имеется целый ряд слов со значениями «падающий снег», «снег на земле», «снег, плотно слежавшийся, как лед», «талый снег», «снег, несомый ветром» и т. п.⁶⁵ Это семантическое различие между лексическими единицами языков также связано с различным распределением одних и тех же предметов по классам в самом объективном мире: реально объединены в один широкий класс общими признаками снега все его разновидности, но в рамках этого класса столь же реально выделяются более узкие группировки, внутренне объединяемые теми или иными частными признаками — нахождением на земле, таянием, плотностью и т. д. Эти группировки не исключают друг друга взаимно, а в значительной мере пересекаются, так что одна и та же конкретная масса снега одновременно входит в несколько группировок.

⁶⁴ Б. Уорф. Наука и языкознание, стр. 178.

⁶⁵ Там же.

От действительных семантических расхождений между языками нужно отличать случаи мнимого расхождения, которые используются неогумбольдтианцами для преувеличения существующих различий между языками в области семантики. Один из случаев мнимых семантических расхождений связан с преувеличением роли внутренней формы слов и грамматических форм, с неразграничением современного и этимологического значения. Так, в индоевропейских языках для выражения длительности и других временных характеристик широко используются слова и грамматические построения (предложные конструкции), выражавшие изначально пространственные отношения (ср. *длинный путь* и *длинный вечер*, *короткий шест* и *короткий день*, *перед домом* и *перед восходом солнца*, *около сада* и *около часа*). А. А. Потебня установил, что в русском языке большая часть из 17 первичных предлогов с пространственным значением стала использоваться для выражения временных отношений⁶⁶.

Б. Уорф считает, что такое изменение значения является результатом метафорического переноса. Ничего подобного нет в языке хопи, который отличается полным отсутствием такого рода метафор, поскольку в нем есть специальные средства для раскрытия временных характеристик. С описанным различием в способе выражения временных определений Б. Уорф связывает определенное семантическое расхождение между индоевропейскими языками и хопи⁶⁷. Однако фактически это различие носит лишь этимологический характер, семантики современных языков оно в сущности не касается, так как современные временные значения не включают в себя оттенков пространственных значений. Кстати, сам Б. Уорф утверждает, что в рассматриваемом случае метафоричность едва ли осознается⁶⁸. А это значит, что в ходе речевого общения совсем или почти совсем не осознается прежнее пространственное значение.

Второй случай мнимого семантического расхождения наблюдается тогда, когда материальным языковым

⁶⁶ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941, стр. 252.

⁶⁷ Б. Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку, стр. 150—152.

⁶⁸ Там же, стр. 150.

средствам, выполняющим в современном языке чисто строевую функцию, приписываются особые смысловые значения, а затем при наличии этих средств в одних языках и их отсутствии в других делается вывод о семантических различиях между этими языками. Например, можно сделать вывод о расхождении между семантикой русского и семантикой английского языка, если вложить определенное смысловое содержание в чисто материальные формы рода русских неодушевленных существительных, поскольку английский язык категории рода вообще не имеет⁶⁹.

Идеалистический характер вывода о наличии разного видения мира у разных народов, о формировании различных картин мира в языках с различным грамматическим строем и различным словарным составом, сделанного неогумбольдтианцами на основе семантических расхождений между языками, обусловлен не только игнорированием диалектики отдельного и общего, их метафизическим разрывом, но и незнанием диалектики отдельного, которое в свою очередь заключает в себе единство и противопоставленность различных сторон. Благодаря каждой своей стороне отдельное соотносится с другими отдельными, совпадая с ними в одной из своих сторон как в общем, отождествляющем их признаке. При этом разные стороны соотносят его (отождествляют) с разными, неоднотипными отдельными, включая одновременно в разные классы вещей. «...противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.»⁷⁰

Поскольку разные стороны отдельных вещей включают одни и те же отдельные вещи в разные классы,

⁶⁹ См. в связи с этим: *Г. В. Колшанский. Логика и структура языка. М., 1965, стр. 38.*

⁷⁰ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.*

отождествляя их с разнотипными другими отдельными, постольку в самой действительности существуют различные группировки одних и тех же предметов и явлений, частично совпадающие, по-разному пересекающиеся, накладывающиеся друг на друга. Иначе говоря, в самом объективном мире имеют место многочисленные сегментации его содержания, находящиеся в единстве и в то же время противостоящие друг другу. Многообразие этих сегментаций зависит не только от различного распределения одних и тех же вещей по классам, но и от различного членения одних и тех же целых на части, которое также определяется диалектикой отдельного, неразрывно связанной с диалектикой отдельного и общего: всякое отдельное воплощает в себе целый ряд общих, поскольку оно включает в себе много различных сторон; но, с другой стороны, каждое отдельное имеет различные стороны, поскольку оно воплощает в себе целый ряд общих, которые и выступают в пределах одного отдельного как его стороны, взаимно связанные и взаимно противопоставленные. «Конкретное потому конкретно,— писал К. Маркс,— что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразно»⁷¹. Эти же определения конкретного есть не что иное, как его различные признаки, общие и для других конкретных. Диалектика отдельного переходит, таким образом, в диалектику общих, которые в пределах отдельного образуют единство и в то же время противостоят друг другу.

Благодаря наличию различных сторон в одном отдельном оно как целое по-разному делится на части соответственно каждой стороне. Вот эту диалектику отдельного, обуславливающую диалектику целого и частей, поскольку предмет может делиться на части только соответственно одной из его сторон, также игнорируют неогумбольдтианцы в своих теоретических построениях.

Диалектико-материалистическое объяснение семантического расхождения между языками показывает научную несостоятельность субъективно-идеалистической и метафизической трактовки этого явления, но оно не устраняет самого факта семантического расхождения и еще не опровергает основанного на нем учения неогумбольд-

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 727.

тианцев о зависимости познавательных возможностей человека, результатов познания (картины мира, мировоззрения) и обусловленных ими культуры и общественного поведения людей от грамматического строя и лексического состава языка.

В научной литературе предпринимаются попытки разделаться с неогумбольдтианской концепцией языка и познания, языка и культуры путем отрицания или, по крайней мере, преуменьшения самого факта семантических расхождений между языками, сведения этих расхождений к минимуму, не затрагивающему картины мира в ее существенных частях, к дополнению единого логического отражения действительности некоторыми побочными языковыми образами. Принципу лингвистической относительности неогумбольдтианцев Г. А. Брутян противопоставляет сформулированный им принцип лингвистической дополнительности, который гласит: «В процессе познания в связи с активной ролью языка и в силу его специфических особенностей возникает языковая картина мира. Она в целом и главном совпадает с логическим отражением в сознании людей. Но при этом сохраняются периферийные участки в языковой картине мира, которые остаются за пределами логического отражения, и в качестве словесных образов вещей и лингвистических моделей отношения между ними варьируются от языка к языку в зависимости от специфических особенностей последних. Через вербальные образы и языковые модели происходит дополнительное видение мира; эти модели выступают как побочный источник познания, осмысления реальности и дополняют нашу общую картину знания, корректируют ее. Словесный образ сочетается с понятийным образом, лингвистическое моделирование мира — с логическим его отображением, создавая предпосылки воспроизведения более полной и всесторонней картины окружающей действительности в сознании людей»⁷².

Не проводя специального критического анализа общих соображений Г. А. Брутяна о соотношении языка и мышления, логических форм мысли и грамматических

⁷² Г. А. Брутян. Гипотеза Сепира — Уорфа. Ереван, 1968, стр. 57; см. также: С. А. Васильев. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев, 1974, стр. 10—11.

форм языка, сошлемся на статью В. З. Панфилова «Язык, мышление и культура»⁷³, в которой проводится такой анализ. Для нас важно то, что принцип лингвистической дополнительности, с одной стороны, неправомерно затушевывает значительные семантические различия между языками, сводя их в сущности к различиям лишь в добавочных образах тех же вещей, свойств и отношений, которые представлены в логическом отражении мира, а с другой — не показывает, как неогумбольдтианство, отправляясь от бесспорных фактов языка (действительных семантических расхождений между языками), приходит к ложным идеалистическим выводам, не заметив, что в ходе языковой деятельности семантические различия между языками снимаются.

Определенной заслугой неогумбольдтианцев является то, что они сосредоточили внимание на смысловой стороне языка, получили некоторые положительные результаты в изучении этой стороны (исследование семантических полей, построение содержательной грамматики и т. д.), выявили семантические расхождения между языками, изучили их и привлекли к ним внимание широкой лингвистической общественности. Знакомство же с этими семантическими расхождениями важно не только в теоретическом, но и в практическом отношении. Оно необходимо в первую очередь переводчикам и преподавателям иностранных языков, т. е. людям, которые имеют дело с несколькими (по меньшей мере с двумя) языками и должны уметь преодолевать существующие между ними семантические различия, что невозможно без знания самих различий. Естественно, положительным моментом в теоретической деятельности неогумбольдтианцев является решительное отстаивание идеи единства языка и мышления, хотя нужно иметь в виду, что у неогумбольдтианцев идея единства языка и мышления фактически перерастает в идею их тождества. Разумеется, избегая отождествления языка и мышления, не следует впадать в другую крайность и допускать словесную невыраженность отдельных элементов мысли и тем более возможность возникновения понятий до появления слов, что в тенденции ведет к разрыву языка и мышления⁷⁴.

⁷³ В. З. Панфилов. Язык, мышление, культура, стр. 10—11.

⁷⁴ См. в связи с этим: «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка». М., 1970, стр. 40—42, 387—391.

Бесспорна мысль о том, что всякое новое изучение окружающего мира, приобретение, оценка и обобщение новых опытных данных осуществляется в свете уже имеющих знаний, которые закреплены с помощью средств языка и без него существовать не могут⁷⁵, что в своих действиях люди руководствуются знаниями о мире, закрепленными в языке, который, следовательно, играет важную роль в практической деятельности и общественном поведении людей. Однако эта мысль в неогумбольдтианской концепции языка превращается в учение о слишком жесткой зависимости познания и общественного поведения людей от языковой системы, которая их якобы целиком обуславливает.

5

Ошибочные общетеоретические и философские выводы неогумбольдтианцев относительно роли языка в человеческом обществе порождены не ложностью исходных фактических данных, а методикой их рассмотрения и исследования, которая порочна в своей сущности.

Основной метод исследования языка в неогумбольдтианском языкознании есть метод анализа семантической сферы языка как закрепленной системы путем расчленения этой сферы на семантические поля⁷⁶ и последующего расчленения полей на составляющие их компоненты⁷⁷. Этому членению предшествует анализ языковой деятельности человека в целом — отчленение языка как закрепленной системы (языка в сосюровском понимании) от речи как совокупности всех конкретных процессов функционирования языка (говoreния, общения, формирования мыслей), а затем отчленение семантической сферы от всей системы языка⁷⁸. Такая методика изучения языка отличается метафизиче-

⁷⁵ В. З. Панфилов. Язык, мышление, культура, стр. 7.

⁷⁶ О семантических полях см.: J. Trier. Das sprachliche Feld. «Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Bildung», 1934, № 10.

⁷⁷ См.: В. А. Звегинцев. Очерки по общему языкознанию. М., 1962, стр. 305; F. Rossi-Landi. Ideologies of linguistic relativity, гл. 13, 14. См. обзор работы Ф. Росси-Ланди в «Реферативном журнале» (1975, № 2, стр. 45).

⁷⁸ См. сноску 77, а также: Г. В. Колшанский. Логика и структура языка, стр. 41.

ской односторонностью — отрывом анализа от синтеза, несмотря на декларативные заявления неогумбольдтианцев об использовании ими синтеза при изучении языковых фактов. Между тем анализ и синтез находятся в диалектическом единстве, образуя две стороны единого познавательного процесса, и метафизическое преувеличение роли одного из них приводит к искаженному отражению изучаемого объекта. Сопоставляя необходимую связь синтеза и анализа, с одной стороны, и индукции и дедукции, с другой, Ф. Энгельс писал: «Индукция и дедукция связаны между собою столь же необходимым образом, как синтез и анализ»⁷⁹.

Односторонне-аналитический подход приводит к тому, что представители неогумбольдтианства оперируют лишь элементами закрепленных в системе языка семантических полей, изолируя их не только от речевого процесса, но и от других участков системы. Поскольку именно в элементах семантических полей, закрепленных в системе языка, и воплотились семантические различия между языками, постольку делается вывод о различном видении мира у разных народов. Изолировав конститuentы семантических полей в системе одного языка от речевого процесса и от системы в целом, неогумбольдтианцы проделывают такую же операцию с конститuentами семантических полей другого языка, а затем начинают сопоставлять между собой более или менее соответствующие друг другу конститuentы семантических полей разных языков, а также сравнивать конститuentы семантических полей обоих языков с фактами объективной действительности. Прием сопоставления занимает в неогумбольдтианской методике, таким образом, очень важное место, но применяется он только по отношению к семантической сфере системы языка. С помощью приема сопоставления обнаруживаются различия между семантическими сферами (и отдельными семантическими полями), закрепленными в системах разных языков, а также устанавливается факт неполного соответствия этих сфер участкам самой объективной действительности (т. е. соответствие конститuentов семантических полей одного языка одним сторонам участков объективного мира, одним объективным фактам, а конститuentов се-

⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 542.

мантических полей другого языка — другим сторонам тех же участков, другим объективным фактам). При этом неогумбольдтианцы не замечают того, что и семантические расхождения между сравниваемыми языками, и их неполное соответствие объективной действительности они устанавливают с помощью этих же языков, которые, следовательно, позволяют сознанию овладеть содержанием, отсутствующим в семантических сферах их закрепленных систем.

Неоправданно преувеличенное выдвижение анализа на передний план, ведущее к изоляции единиц языка не только от речевого процесса, но и от языковой системы, мешает увидеть, что даже в рамках самой системы языка единицы одних участков могут возмещать отсутствующие, но необходимые для содержания единицы других участков. Как правило, наблюдается замена недостающих грамматических средств лексическими средствами. Так, отсутствие категории глагольного вида в немецком языке не означает, что в этом языке вообще не выражается характер протекания действия во времени (значение аспекта)⁸⁰, т. е. то, что в других языках, например в русском (совершенство и несовершенство действия), в нивхском (законченность, многократность, обычность, длительность действия)⁸¹, в корякском (многократность и однократность, длительность и мгновенность, интенсивность и неполнота проявления действия)⁸², передается при помощи видовых форм глагола. В немецком языке аспектуальность выражается с помощью лексических средств: завершенность действия — с помощью глаголов *enden*, *aufhören* 'кончить', 'перестать', обычность действия — глаголом *pflegen* 'иметь обыкновение', длительность — наречием *lange* 'долго', мгновенность — наречиями *plötzlich* 'вдруг', *auf einmal* 'внезапно', многократность действия — наречиями *oft* 'часто', *manchmal* 'иногда', *regelmäßig* 'регулярно' и т. д.

⁸⁰ О категории аспектуальности и средствах ее выражения см.: А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967, стр. 49—51; А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола. М., 1971, стр. 4.

⁸¹ В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка, ч. 2. М.—Л., 1965, стр. 65—77.

⁸² В. З. Панфилов [рец. на кн.]: А. Н. Жукова. Грамматика корякского языка. Фонетика и морфология. Л., 1972.—ВЯ, 1974, № 4, стр. 124.

Кстати, не следует преувеличивать познавательную роль грамматической семантики. Грамматические значения, разумеется, необходимы для языка, без них невозможно соединение лексических значений в предложениях и словосочетаниях, но для глубины познания явлений объективного мира, для концентрации внимания на них необходимо их отражение в лексическом значении или сочетании лексических значений. Например, научные понятия пространства, времени и причины раскрываются не через грамматические (синтаксические) значения придаточных места, времени и причины или локальных, временных и причинных предложных конструкций, а в основном при помощи слов (ср. русск. *пространство, время, причина*). Грамматические значения выполняют строевую роль в семантической структуре языковых построений, и в этом состоит их основное назначение.

Однако не любое идеальное содержание, обуславливаемое практической деятельностью людей и процессом познания, может быть выражено средствами закрепленной системы языка, какой бы развитой и богатой она ни была. В общем и целом выразительные возможности системы любого языка весьма ограничены, но это не является препятствием для бесконечно развивающейся познавательной деятельности людей и быстро прогрессирующей практики, потому что познание, стимулируемое задачами, которые ставит перед человеком практика, и получающее благодаря успехам практики новые возможности проникновения в природу вещей, осуществляется не на базе закрепленной системы языка, а на базе бесконечно многообразной, гибкой и подвижной речи, лишь использующей средства языковой системы и создающей из ее единиц, благодаря безграничной возможности комбинирования, любое нужное количество новых единиц для удовлетворения потребностей познания и практической деятельности⁸³. Основная ошибка неогум-

⁸³ В. З. Панфилов. Язык, мышление, культура, стр. 9; Он же. О соотношении внутрилингвистических и экстралингвистических факторов в функционировании и развитии языка. «Теоретические проблемы современного советского языкознания». М., 1964, стр. 89; В. М. Павлов. Проблема языка и мышления в трудах Вильгельма Гумбольдта и в неогумбольдтианском языкознании. «Язык и мышление». М., 1967, стр. 157—158; F. Rossi-Landi. Указ. соч., гл. 12 (см. также упоминавшийся ранее обзор этой работы в «Реферативном журнале»).

больдтианцев состоит как раз в том, что они не замечают этой исключительно важной истины.

Получаемые неогумбольдтианцами некоторые положительные результаты касаются лишь отдельных сторон языка (закрепленной системы и отдельных ее компонентов), а не языковой деятельности в целом. Эти односторонние результаты могут достигаться при помощи анализа и сравнения, которые закономерны и необходимы на своем месте. Когда же исследователи с помощью приемов, достаточных для изучения отдельных сторон объекта, пытаются постигнуть весь объект, результаты оказываются ложными: происходит необоснованное распространение на объект в целом свойств, присущих только отдельным его сторонам. Именно такая ошибочная методика не позволяет представителям неогумбольдтианства установить подлинную роль языка в познании и общественной жизни людей.

Содержание семантической сферы закрепленной системы языка фиксирует лишь некоторые итоги познавательной деятельности народа, говорящего на данном языке, причем эти итоги в какой-то части, особенно в области грамматической семантики, могут относиться к довольно отдаленному прошлому, хотя лексика успевает зафиксировать и недавние результаты познавательной деятельности. Язык дает множество примеров, свидетельствующих о роли практических интересов и реальных условий жизни людей в направленности их познания на определенные факты объективной действительности, что находит прямое отражение в итогах познавательной деятельности людей,— итогах, зафиксированных в семантической сфере языковой системы. Таким является рассмотренный выше пример с множеством наименований для различных видов снега у эскимосов, живущих постоянно среди снегов и крайне заинтересованных в точном знании всех разновидностей снега. У индоевропейских народов есть лишь одно общее название снега, поскольку его многочисленные разновидности для большинства людей, говорящих на индоевропейских языках, какого-либо серьезного практического интереса не представляют⁸⁴. Обобщение фактического материала, собранного Ф. Н. Шемакиным и

⁸⁴ См : *Б. Уорф*. Наука и языкознание, стр. 178.

Е. Д. Любимовой, позволяет сделать вывод, что количество названий цветов, а также их распределение по различным частям спектра в различных языках зависит прежде всего от практической заинтересованности в различении цветов, от частоты, с которой тот или иной цвет встречается в окружающем мире⁸⁵.

Если разделить все цвета на три группы (ахроматические, красно-желтые и зелено-синие), то окажется, что в русском, немецком, английском и французском языках названий для хроматических цветов больше, чем для ахроматических, а для красно-желтой группы больше, чем для зелено-синей, в ненецком же языке названия распределены по всем этим группам равномерно. Сравнительно высокий уровень развития в ненецком языке названий для ахроматических и зелено-синих цветов можно объяснить практической значимостью различения соответствующих окрасок в условиях жизни на Крайнем Севере.

Б. Спенсер и Ф. Гиллен, стремясь выявить причину отсутствия в языке австралийского племени аранта специального слова для наименования синего цвета, обнаруживают, что в окружающей людей этого племени природе, за исключением неба, нет синего цвета. Слово, обозначающее желтый или зеленый цвет, может быть использовано людьми племени аранта также для обозначения синего⁸⁶.

В. Риверс, отмечая отсутствие в языке туземного населения острова Муррей в Торресовом проливе особого названия для синего цвета, объясняет это малой практической значимостью синего цвета для жителей этого острова⁸⁷.

Связь процесса познания и его зафиксированных в семантической стороне языковой системы результатов с практикой и условиями жизни людей позволяет объяснить семантические расхождения между закрепленными системами различных языков. В период, когда формировались системы современных языков, народы, носители этих языков, были в большей или меньшей степени изолированы друг от друга. Это определяло большую или меньшую специфичность условий их жизни, их практи-

⁸⁵ С. А. Васильев. Указ. соч., стр. 46.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же, стр. 47.

ческих интересов, что обусловило большую или меньшую степень своеобразия семантической сферы в закрепленной системе каждого из языков. Чем больше укрепляются связи между народами, чем больше нивелируются различия в их практической деятельности и условиях жизни, тем большее единство приобретают их познавательные интересы, тем большую роль начинает играть процесс преодоления семантических расхождений между системами языков в речи.

Разумеется, снятие этих расхождений в речевом процессе всегда имело большое значение при торговом, культурном и ином обмене между народами, говорящими на разных языках.

С развитием общественной жизни людей семантические сферы всех закрепленных языковых систем, несмотря на их постепенное изменение и обогащение под влиянием речи, все больше отстают от практических и познавательных потребностей человека, которые все в большей степени начинают удовлетворяться за счет семантических единиц, создаваемых в речевом процессе. Благодаря речи уравниваются познавательные возможности людей, пользующихся разными языками, поскольку речь снимает все ограничения в выражении мыслей, обусловленные конечным набором семантических единиц, содержащихся в системе любого языка в данное время. Одна из ответственных задач лингвистики состоит в том, чтобы показать специфические для каждого языка пути преодоления его семантических отличий от других языков и семантической ограниченности его системы в речи.

Попытки устранить разрыв между системой языка и речевым процессом предпринимаются и отдельными представителями неогумбольдтианского направления, но их авторы не доходят до концепции преодоления семантических расхождений между системами языков в речи.

Д. Хаймс указывает на неправомерность рассмотрения фактов языка в отвлечении от контекста их употребления и считает, что такое отвлечение может привести к весьма сомнительным выводам⁸⁸.

Л. Вайсгербер стремится преодолеть разрыв между системой языка и речью, обращаясь к учению В. Гум-

⁸⁸ D. Hymes. Указ. соч., стр. 158.

больдта о языке как произведении и как деятельности⁸⁹. Вслед за Гумбольдтом, Л. Вайсгербер обоснованно трактует язык как внутреннее единство двух названных сторон (двух противоположностей). На первый взгляд, намечается диалектический подход к исследуемому объекту, однако влияние общей метафизической методологии неогумбольдтианского направления не позволяет Л. Вайсгерберу полностью перейти на позиции диалектики. Рассматривая язык как взаимопроникновение (взаимослияние) произведения (продукта) и деятельности, Л. Вайсгербер видит лишь единство, соответствие этих двух сторон и не обнаруживает между ними противоречия, ведущего к борьбе, к взаимоотрицанию, к взаимонесовместимости. Борьба между языком как произведением и языком как деятельностью (современней было бы сказать: между системой языка и речью) обуславливает возникновение в речевой деятельности того, чего нет в системе языка, и снятие того, что имеет место в системе. Языковым системам, как было показано выше, свойственны семантические расхождения, определенные различия в изображении действительности; в речи эти расхождения снимаются и возникают условия для формирования единой, разносторонней, соответствующей уровню современной практики и современного научного знания картины мира.

6

Как уже отмечалось, представители неогумбольдтианства ставят в зависимость от структурных особенностей языка не только содержание мышления, но и логический строй мысли, полагая, что с разными типами языков связаны и разные типы логики. В книге, специально посвященной вопросам философии языка, Г. Хольц развивает идею существования различных типов языкового логоса. Автор ограничивает свою задачу рассмотрением трех таких типов — индоевропейского, китайского (эстетической ядерной логики) и логического типа, связанного с эргативным строем предложения⁹⁰.

⁸⁹ Z. Weisgerber. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik, стр. 14—17.

⁹⁰ H. Holz. Sprache und Welt..., стр. 59 и сл.

Индоевропейский тип логики, по мнению Г. Хольца, подробно описан в логических трудах Аристотеля и всех, кто следовал ему. Сравнивая понятия, выражаемые в индоевропейских языках, с понятиями, воспроизводимыми средствами китайского языка, Г. Хольц приходит к выводу о более абстрактном, лишенном наглядности характере первых и наглядном характере вторых. Такое различие он объясняет следующим образом. В индоевропейских языках понятия формируются на базе чувственных образов с помощью звуков (звуковых комплексов), лишенных всякой наглядности, в то время как в китайском языке образование понятий осуществляется якобы посредством комбинаций графических знаков, которые связаны с определенными эстетическими (чувственными) образами и всякий раз вызывают их, когда понятия воспроизводятся заново. Например, понятие «имя» выражается сочетанием знаков рта и ночи (имя — это то, что выделяет предмет из неизвестности, так сказать, крик в ночи); понятие «честный», «порядочный» воссоздается за счет соединения знаков середины и сердца, личности, духа (порядочность — способность личности держаться правильной середины).

Для выражения понятия «сомнение» используются знаки сердца (личности) и разделительного союза «или» (сомнение — это состояние сердца, когда оно колеблется между несколькими возможностями)⁹¹.

Нет никаких оснований считать, что в китайском языке понятия образуются на основе письменной речи, а не устной, ибо и для китайцев, как и для всех людей, устное общение является основным видом коммуникации, а следовательно, основной формой проявления мыслительной деятельности. Далее, если бы у китайцев, владеющих письменной речью, понятия возникали на базе письменных знаков, обладающих, по мнению Г. Хольца, определенной наглядностью, снижающей абстрактный характер понятий, то мышление грамотных китайцев было бы менее абстрактным, в большей степени связанным с чувственным отражением действительности, чем мышление неграмотных китайцев, выражающих свои понятия только с помощью звуковых знаков, с чем никак нельзя согласиться. Графические зна-

⁹¹ *H. Holz. Sprache und Welt.., стр. 84—86.*

ки китайского письма, как и письменные знаки любого языка, являются вторичным средством выражения понятий. Они могут вызывать в сознании некоторые добавочные представления, сопровождающие понятия в виде вторичной внутренней формы слов, которая по способу существования не отличается от внутренней формы звучащих слов, но отлична от нее с генетической стороны: вторичная внутренняя форма слова не участвует в формировании понятия, а лишь способствует повторному воспроизведению уже сформировавшегося понятия. Вторичная внутренняя форма слова, порожденная графическими знаками, как и внутренняя форма звучащего слова, может поблекнуть и совсем исчезнуть. Итак, использование китайского письма для выражения понятий не создает особого типа понятий, а обуславливает лишь особый способ семантического оформления понятий за счет дополнительных образных напластований.

Имея в виду единство предложения и выражаемой мысли, Г. Хольц считает, что китайское предложение обладает особым логическим строем в отличие от предложения индоевропейских языков. Основу логической структуры индоевропейского предложения составляет отношение между субъектом и предикатом — предикативное отношение, которое представляет собой особый вид зависимости между этими компонентами. Более детальный анализ вскрывает, кроме того, иные зависимости — объектные, атрибутивные отношения и др. В логической структуре китайского предложения, по утверждению Г. Хольца, никаких логических зависимостей нет: там нет структурного центра и подчиненных ему компонентов. Все компоненты равноправны и независимы, никаких изменений, попадая в структуру предложения, они не претерпевают, оставаясь, так сказать, чистыми ядрами, так как якобы отсутствуют грамматические средства для оформления изменений и выражения отношений между компонентами. Соотнесенность между членами логической структуры китайского предложения представляется лишь наглядно-образно (эстетически). Поэтому Г. Хольц считает возможным говорить об особой логике китайского мышления — эстетической ядерной логике. По мнению Г. Хольца, и особый логический строй индоевропейского предложения (предикативное отношение, объектные и проч. отношения),

и специфический логический строй китайского предложения (независимость компонентов мысли, отсутствие логических отношений между ними) полностью зависят от грамматического строя соответствующих языков⁹².

Приписывание особого логического строя китайскому предложению обусловлено тем, что Г. Хольц, метафизически-односторонне понимая единство языка и мышления, за этим единством не может увидеть определенной специфики, различия в строе мысли и языка и в других характеристиках этих явлений. Он явно смешивает особенности строя мысли, заключенной в предложении, и грамматической формы предложения. Неизменяемость слов, входящих в состав предложения, он переносит на компоненты мысли, отсутствие морфологических форм для выражения отношений между компонентами мысли для него равнозначно отсутствию самих отношений. Подобную ошибку в свое время допускал А. Шлейхер, выведивший из отсутствия флексий в китайском языке отсутствие отношений между компонентами мысли, выраженной китайским предложением⁹³.

В логической структуре китайского предложения компоненты точно так же претерпевают изменения, вступая в отношения между собой, как и в логической структуре индоевропейского предложения. Между компонентами мысли, содержащейся в китайском предложении, устанавливаются такие же логические зависимости, какие возникают в строе мысли, воспроизводимой индоевропейским предложением. Однако и изменения компонентов мысли, и отношения между ними выражаются, как правило, не морфологическим изменением слов, а порядком их расположения и логическим ударением, которое является универсальным средством установления логических отношений между компонентами мысли. Этого не замечают ни Г. Хольц, ни А. Шлейхер. Кстати, вопреки бытовавшему ранее мнению, отношения между компонентами логической структуры китайского предложения могут выражаться также с помощью аффиксов и служебных слов⁹⁴.

⁹² Н. Holz. Sprache und Welt..., стр. 95—101.

⁹³ См.: А. А. Потебня. Мысль и язык.— В кн.: А. А. Потебня. Полн. собр. соч., т. I. Одесса, 1922, стр. 18—22.

⁹⁴ См.: А. А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.—Л., 1952, стр. 98, 100, 104—108.

Предикативное отношение и раскрывающийся через него процесс предикации, т. е. соотнесения мысли с действительностью, порождаются не особенностями строя предложения в индоевропейских языках, а диалектикой процесса познания, отражения объективной действительности в мыслительной сфере. Вторичность мышления по отношению к бытию, опосредствованный характер отражения бытия в мысли и, следовательно, опосредствованный характер отношения мышления к бытию определяют двучленность мысли, заключенной в предложении, и своеобразие отношения между ее двумя частями. Эта мысль образует наименьший мыслительный акт, наименьший самостоятельный отрезок мыслительного процесса. Такую мысль мы называем логемой.

Являясь опосредствованным отражением действительности, логема не может относить свое содержание непосредственно к предмету. Поэтому в ней выделяется часть, которая не просто отражает этот предмет, а выступает в качестве его «представителя» в мысли, его идеального «двойника». Этой части противопоставляется другая часть, которая содержит то, что мы относим к предмету, раскрывая одну из его сторон. Вторая часть должна всегда противопоставляться первой так, как если бы она противостояла самому предмету. Благодаря этому первая часть и мыслится как «представитель» предмета, как его «двойник». Это значит, что мыслится ее соответствие самому предмету и существование последнего. Так как вторая часть противопоставляется первой, словно самому предмету, то мыслится и наличие отнесенности второй части к предмету, а следовательно, наличие отнесенности содержания логемы в целом к действительности⁹⁵.

Именно в силу рассмотренных особенностей мышления и возникает процесс предикации и, следовательно, предикативное отношение, а не под влиянием строя того или иного языка. Поскольку предикация и предикативное отношение являются неотъемлемой принадлежностью любого мыслительного акта, они должны иметь место в содержании предложений любого языка, а значит, и китайского. Попытки отрицать предикативные

⁹⁵ См.: П. В. Чесноков. Логическая фраза и предложение. Ростов-на-Дону, 1961, стр. 41—42.

свойства предложения в каком-либо языке — свидетельство непонимания диалектики процесса познания.

Что касается объектных, атрибутивных и других отношений этого плана, то они представляют собой отражение предельно общих отношений самого объективного мира и, значит, должны наличествовать в семантической структуре предложений всех языков при правильном отображении объективных отношений.

Особый логический тип мышления Г. Хольц связывает с эргативным строем предложения и, следовательно, с теми языками, в которых имеется этот синтаксический строй. Г. Хольц полагает, что понятие субъекта действия, выражаемое не именительным, а эргативным падежом, не может быть центром логической структуры предложения, так как занимает якобы зависимое положение. Отсюда делается вывод об отсутствии логического субъекта при эргативном строе, что должно свидетельствовать об ином логическом построении мысли⁹⁶.

Такое заключение является результатом неразличения логических форм (логического строя мысли) и семантических форм (семантического строя) смыслового содержания предложения и иных языковых построений. Логический строй мысли один для всех людей, ибо он вытекает из природы человеческого познания, обусловлен потребностями познавательной деятельности человека и в конечном счете потребностями практики. Поэтому никакие особенности строя языков не могут изменить его⁹⁷. Но на общечеловеческие логические формы наслаиваются семантические формы смыслового содержания языковых единиц, которые могут варьироваться в пределах одних и тех же логических форм в зависимости от особенностей конкретных языков, поскольку они обусловлены спецификой грамматического строя⁹⁸. К логическому строю относятся не все формы мыслительной сферы, а только те, которые вытекают из особенностей процесса познания и являются необходимыми для него.

⁹⁶ *H. Holz. Sprache und Welt...*, стр. 111 и сл.

⁹⁷ См.: *В. З. Панфилов. Язык, мышление, культура*, стр. 9; *Он же. Взаимоотношение языка и мышления*. М., 1971, стр. 66—112; *Он же. Языковые универсалии и типология предложения*.— ВЯ, 1974, № 5.

⁹⁸ См. об этом: *П. В. Чесноков. Логика и грамматика*. «Уч. зап. Таганрогского пед. ин-та», вып. 3, 1957, стр. 3—38.

Формальные видоизменения, происходящие в мыслительной сфере под влиянием специфических структурных свойств конкретных языков, носят национальный характер и не являются необходимыми для познавательной деятельности людей. Смешение тех и других форм ведет к серьезным теоретическим ошибкам.

Особенностью эргативной конструкции является не зависимое положение понятия, отражающего субъект действия, в семантической структуре предложения, а выявление особого содержания субъекта переходного действия в отличие от содержания субъекта непереходного действия. «На глубинно-синтаксическом уровне в качестве эргативной типологии предложения следует рассматривать такую типологию, в рамках которой субъект переходного действия трактуется иначе, чем субъект непереходного»⁹⁹. Особое содержание субъекта действия состоит в его специфическом отношении к действию: при переходном действии деятель не только совершает действие, но и направляет его на определенный объект, в то время как при непереходном действии деятель лишь осуществляет действие. В языках с номинативной типологией предложения такое различие отношения деятеля к действию в понятии субъекта действия не отражается. Налицо семантическое расхождение между языками, однако оно не связано с особым строем мысли в языках, с эргативным строем предложения: логический субъект и субъект действия — нетождественные категории, поэтому для предикативного отношения (т. е. отношения между субъектом и предикатом логемы, составляющего сущность мыслительного акта) особенности в содержании понятия о субъекте действия значения не имеют.

Смешивая логические и семантические формы мысли, Б. Уорф усматривает особый логический строй, отличный от логики индоевропейских народов, в мышлении американских индейцев. Из факта частого отсутствия противопоставленных друг другу подлежащего и сказуемого в семантической структуре предложения языков шауни, нутка и хопи он делает вывод об обычном отсутствии в мышлении соответствующих народов

⁹⁹ Г. А. Климов. Очерк общей теории эргативности. М., 1973, стр. 48. См. также: И. И. Мещанинов. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967, стр. 189—190.

логических субъекта и предиката¹⁰⁰, как будто отсутствие какого-либо семантического элемента в смысловой структуре предложения может сделать его таким, чтобы оно не было высказыванием чего-то о чем-то.

Б. Уорф пытается поставить логический строй мысли даже в зависимость от морфологических особенностей языков. На том основании, что в индоевропейских языках с помощью существительных часто выражаются понятия, воспроизводимые в языке хопи с помощью глаголов (молния, волна, пламя) и наречий (лето, зима и другие обозначения времени), он делает заключение, будто индоевропейские народы опредмечивают события окружающего мира, лишая их подвижности, текучести, движения и развития. У людей, говорящих на индоевропейских языках, якобы возникает особый, предметный строй мысли, искажающий действительность, который несвойствен, например, американским индейцам, отражающим действительность более точно¹⁰¹.

Когда в индоевропейских языках понятия о процессах, событиях, качествах, не являющихся предметами, выражаются с помощью существительных, никто не считает эти явления предметами (такими же, как столы, дома, деревья и т. д.), т. е. материальными вещами, обладающими самостоятельным существованием. Никакого мысленного искажения мира здесь не происходит. Возникает лишь особая семантическая форма отражения явлений вне их отношения к тем предметам, без которых они реально не существуют. Отношения при этом могут отражаться с помощью других (служебных) слов или воссоздаваться благодаря грамматическим значениям тех же или других существительных (*воля — человек с волей, воля человека; честь — человек чести, честь человека*). В языках американских индейцев, например хопи, многие явления, представляющие неотъемлемую принадлежность каких-либо предметов, отражаются совместно с некоторыми отношениями, что в любых языках свойственно всем частям речи, кроме существительных. Так, русск. *волевой* означает 'обладающий волей', *работает* означает 'совершает работу', *глу-*

¹⁰⁰ Б. Уорф. Лингвистика и логика, стр. 193—195.

¹⁰¹ Б. Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку, стр. 145—147, 153—154; Он же. Наука и языкознание, стр. 176—177.

боко означает 'на глубине'. В самом содержании этих слов отображено отношение к признаку, действию, месту¹⁰². Таким образом, различие между отражением явлений с помощью существительных и других частей речи оказывается лишь формально-семантическим. Оно состоит в раздельном или совместном отражении явления и его отношения или отношения к нему. Это различие никакой познавательной роли не играет.

Неразграничение логических и семантических форм мыслительной сферы, отождествление их приводит и Л. Вайсгербера к отрицанию общечеловеческого характера логических категорий (как субъект, предикат и т. п.) в силу национального характера семантических форм¹⁰³.

Как видим, при решении проблемы соотношения логического строя мышления и грамматического строя языка метафизическая односторонность в подходе к структуре мысли мешает неогумбольдтианцам увидеть в ней диалектическое единство двух типов форм — логических форм и семантических форм, которые не только взаимосвязаны, но и противоположны друг другу. Первые носят общечеловеческий характер и находят основу в универсальных структурных свойствах языков, вторые национальны по своей природе и основываются на специфических структурных особенностях каждого отдельного языка. Смещение этих двух типов форм мыслительной сферы приводит неогумбольдтианцев к ошибочному решению проблемы соотношения логического строя мышления и грамматического строя языка.

7

Для разграничения логических и семантических форм мыслительной сферы целесообразно установить основные типы формальных особенностей мысли, не играющих познавательной роли и обусловливаемых лишь структурными свойствами языковых единиц. В силу чи-

¹⁰² См. в связи с этим: П. В. Чесноков. О семантической характеристике членов предложения и способах ее выражения. «Материалы VIII конференции преподавателей русского языка педагогических институтов Московской зоны. Лингвистический сборник», вып. 2, ч. 1. М., 1973, стр. 13—14; Он же. Слово и соответствующая ему единица мышления, стр. 149 и сл.

¹⁰³ L. Weisgerber. Das Gesetz der Sprache., стр. 31.

стой структурности этих формальных особенностей представляется возможным свести их к следующим пяти типам.

1. *Степень расчлененности отражения действительности.* В лат. ато 'люблю' — действие и субъект действия — мыслятся слитно, одновременно. Здесь нет двух отдельных, следующих друг за другом мыслей о деятеле и действии. При произнесении данного слова возникает нерасчлененная мысль о действии некоторого лица. В английском I love 'Я люблю' идея лица возникает в связи с произнесением местоимения, идея действия — в связи с произнесением глагола. Это позволяет мыслить их расчлененно, последовательно. Такое же различие наблюдается при сопоставлении нем. Man klopft и русск. *стучат*.

Особый случай различной степени расчлененности отражения обнаруживается при выражении отношений с помощью синтетических и аналитических средств. В лат. fratris liber и русск. *книга брата* отношение книги к брату (принадлежность) мыслится одновременно с братом в момент появления словоформ fratris и *брата*. Во фр. le livre du frère и англ. the book of the brother это отношение осознается уже при появлении предлога, т. е. до возникновения идеи брата. Если слово, обозначающее брата, почему-либо окажется произнесенным (не написанным), у слушателя (читателя) успеет сформироваться идея принадлежности книги кому-то.

2. *Порядок следования компонентов мысли.* С развитием рамочной конструкции в немецком языке знаменательная часть сказуемого, выраженного сложной глагольной формой, заняла последнее место в предложении. Это привело к тому, что действие стало мыслиться после субъекта действия, объектов и различных обстоятельств, что не свойственно языкам, не имеющим рамочной конструкции. Порядок следования компонентов мысли в значительной степени зависит от порядка следования компонентов речевого построения.

3 *Система отношений между компонентами мысли (т. е. направленность отношений каждого данного компонента в сторону определенных других).* В семантической структуре русского предложения Я слышу, как поет птица от компонента птица отношение направлено к компоненту поет, а от компонента слышу отношение направлено в сторону сложного компонента поет птица.

В семантической структуре немецкого предложения *Ich höre den Vogel singen* (букв. 'Я слышу птицу петь') от компонента *höre* два отношения направлены одновременно к компонентам *den Vogel* и *singen* и еще одно отношение от компонента *den Vogel* к компоненту *singen*. При одном и том же объективном содержании налицо различные системы смысловых отношений. Это оказывается возможным потому, что система объективных отношений всегда богаче ее отражения в речи и мысли: система смысловых отношений в речевом построении на одном языке может отображать одни объективные отношения какой-либо ситуации, а система смысловых отношений речевого построения на другом языке — другие объективные отношения той же ситуации.

4. *Содержание отношений между компонентами мысли.* При различии в системе отношений между компонентами мыслей, отражающих одну и ту же объективную ситуацию, может наблюдаться определенное различие в содержании самих смысловых отношений, поскольку они отражают разные объективные отношения. В приведенном выше примере семантическая структура немецкого предложения имеет смысл «Я слышу птицу в состоянии (в момент) ее пения». В этой семантической структуре определенно представлено обстоятельство отношение между действием «слышу» и действием «петь» — сопровождение первого действия вторым (сопутствие второго действия первому), чего нельзя сказать о семантической структуре русского предложения. Однако это содержательное различие свойственно лишь поверхностной семантической структуре. В силу необходимой взаимозависимости между всеми отношениями, составляющими неотъемлемую принадлежность отражаемой ситуации, непосредственное раскрытие одних отношений влечет за собой опосредствованное выявление других, так что семантическое расхождение снимается на уровне глубинной структуры: направленность слухового восприятия на пение птицы не может не быть связана с сопутствием пения слуховому восприятию, поэтому при непосредственном выражении первого отношения в сознании воссоздается и второе.

Различие в содержании смысловых отношений при отражении одной и той же объективной ситуации может и не быть связано с различием в системе от-

ношений между компонентами мысли: это наблюдается, например, в отношениях понятия субъекта действия к понятию действия при эргативной и при номинативной типологии предложения, о чем говорилось выше. Различие в содержании смысловых отношений возникает в подобных случаях потому, что в одних языках непосредственно выражаются такие стороны объективных отношений, которые в других при отражении тех же самых отношений непосредственного выражения не находят.

5. *Подключение идеи отношения к одному из соотносенных компонентов.* Идея отношения подключается либо к тому компоненту, от которого направлено отношение, либо к тому компоненту, в сторону которого направлено отношение, либо повторяется при том и другом. Это создает структурно-семантическое различие, не имеющее познавательного значения. В немецких предложениях *Er betrat das Zimmer* 'Он вошел в комнату' и *Er bestieg den Berg* 'Он поднялся на гору' идея локального отношения действия к определенному месту присоединяется к понятию о действии. В русском предложении *Он вошел в комнату* идея отношения повторяется дважды, присоединяясь к понятиям действия (*вошел*) и места (*в комнату*), а в предложении *Он шел по лесу* идея отношения подключается к понятию места (*по лесу*).

К логическим формам мысли относятся формы, традиционно изучаемые в логике (понятие, суждение и шире — логема, умозаключение), и их разновидности.

Различая логические и семантические формы мышления, борясь против их отождествления, не следует впадать в противоположную крайность и доходить до их метафизического разрыва, до их отнесения к разным сферам мыслительной деятельности — языковой и надязыковой, что было присуще психологическому направлению в языкознании (А. А. Потебне и др.)¹⁰⁴ и в последнее время частично проявилось в концепции двух сфер преломления действительности при ее отражении — сферы мышления и сферы языка¹⁰⁵. Логические и семантические формы существуют в неразрывном единстве, как две стороны единого процесса организации мысли, протекающего в одной сфере языкового мышления.

¹⁰⁴ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 69—70.

¹⁰⁵ «Общее языкознание...», стр. 80—81.

СОССЮР И СОССЮРИАНСТВО

1

О философских истоках теории Ф. де Соссюра. В данном разделе ставится задача определить те воззрения в области общественных наук, с которыми могло быть связано возникновение лингвистической теории Ф. де Соссюра. По возможности мы оставляем в стороне развитие собственно языковедческих идей предшествующих и современной ему эпох¹.

Скажем сразу, что философские истоки теории Соссюра эклектичны и потому не выявляются достаточно четко, однако в его взглядах ощущается влияние идей в области социологии, психологии и политической экономики, бурно развивавшихся во второй половине XIX в. Вряд ли идеи Соссюра, как полагает Ж. Мунэн, в большей степени связаны с предшествующими периодами развития научной мысли, чем с его эпохой², скорее прав Т. Де Мауро, говоря, что Соссюр должен рассматриваться в полном соответствии со своей эпохой³. Соссюр действительно был сыном своего времени и из всех философских течений был ближе всего к позитивизму, так как его структурный подход противостоял бергсопианскому интуитивизму. Он вобрал многие идеи, которые, как говорится, «витали в воздухе» в те годы, но он столь свое-

¹ См.: Н. А. Слюсарева. Критический анализ проблем внутренней лингвистики в концепции Ф. де Соссюра, ч. I. Докт. дисс. М., 1969; а также: Т. De Mauro. Notes biographiques et critiques.— В кн.: F. de Saussure. Cours de linguistique générale. Paris, 1972 (итальянский оригинал опубликован в 1967 г.); G. Mounin. Saussure ou le structuraliste sans le savoir. Paris, 1968; E. F. K. Koerner. Ferdinand de Saussure. Origin and development of his linguistic thought in western studies of language. Braunschweig, 1972 (см.: «Реферативный журнал», серия 6, «Языкознание», 1974, № 1).

² G. Mounin. Saussure ou le structuraliste..., стр. 26.

³ Т. De Mauro. Introduction. В кн.: F. de Saussure. Cours de linguistique générale, стр. IV.

образно перерабатывал их, что заслужил сравнение с Кантом⁴ и Коперником⁵. Еще при жизни Соссюр стал известен как выдающийся индоевропеист, а по выходе в свет «Курса общей лингвистики» он был провозглашен сначала главой социологической школы во французском языкознании⁶, а затем — предшественником структурализма. В последние же годы все явственнее создается убеждение, что его труды целесообразно рассматривать в плане философии языка. Именно это побудило нас обратиться к более детальному анализу гносеологических истоков, оснований и следствий лингвистической теории Ф. де Соссюра.

Прежде всего следует отметить, что, как выходец из франко-ориентированной части Швейцарии, Соссюр опирался на французские научные традиции, а языкознание во Франции на протяжении веков формировалось в тесном взаимодействии с философскими воззрениями и характеризовалось общим стремлением к генерализации, к широкому охвату проблем, к глубокой постановке отдельных вопросов.

На теории Соссюра, несомненно, сказывается воздействие рационализма XVII—XVIII вв., что выразилось в подходе к языку как математически строгой системе. Еще В. Н. Волошинов писал по поводу Соссюра: «Для рационализма характерна идея условности, произвольности языка и не менее характерно сопоставление системы языка с системой математических знаков. Не отношение знака к отражаемой им реальной действительности или к порождающему его индивиду, а отношение знака к знаку внутри замкнутой системы, однажды принятой и допущенной, интересует математически направленный ум рационалиста»⁷ (выделено нами.— Н. С.). Действительно, Соссюр считал, что «язык — это точная (*seggé*) система и его теория должна быть столь

⁴ А. С. Чикобава. К вопросу о путях развития современной лингвистики.— ВЯ, 1966, № 4, стр. 47.

⁵ С. Ульманн. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 17.

⁶ И. Йордан. Романское языкознание. М., 1971, стр. 411.

⁷ В. Н. Волошинов. Новейшие течения лингвистической мысли на Западе. «Литература и марксизм», кн. 5. М., 1928, стр. 124 (это же повторено в кн.: «Марксизм и философия языка». Л., 1929).

же точной»⁸. Ж. Мунэн особо подчеркнул, что «Соссюр восстановил глубокий и органический контакт логики и лингвистики в то время, когда историческая лингвистика конца 80-х годов... отрезала себя от всех крупных проблем, связанных с языком»⁹.

Идеи Декарта о знаковом характере языка, воспринятые от античности через средневековую схоластику¹⁰, определение языка как исчисления и положение Декарта о дуализме души и тела были основой создания «Всеобщей и рациональной грамматики», написанной А. Арно и К. Лансело в Пор-Рояле в 1660 г.¹¹ Про «Грамматику Пор-Рояль» с большим основанием можно сказать, что она «стоит у истоков и общего, и французского языкознания»¹². Именно к точке зрения «Грамматики Пор-Рояль» Соссюр призывал вернуться, говоря о том, что лингвистика уделяла слишком большое место исторической грамматике.

Непосредственно из «Грамматики Пор-Рояль» была заимствована Соссюром двусторонняя схема лингвистического знака и термины «означающее» (*signifiant*) и «означаемое» (*signifié*). В Грамматике говорилось, что для слов как знаков характерны звуки и черты,

⁸ R. Godel. Les sources manuscrites du «Cours de linguistique générale» de F. de Saussure. Genève — Paris, 1957, стр. 29.

⁹ G. Mounin. Saussure ou le structuraliste..., стр. 10.

¹⁰ См.: R. Robins. A short history of linguistics. London, 1968; E. Coseriu. Die Geschichte der Sprachphilosophie von der Antike bis zur Gegenwart, T. 1. Tübingen, 1970; T. 2, 1972.

¹¹ A. Arnauld, C. Lancelot. La Grammaire générale et raisonnée du Port-Royal. Paris, 1780.

¹² L. Kukenheim. Esquisse historique de la linguistique française. Leiden, 1962, стр. 5.— Интерес к связи картезианства с современной лингвистикой заметно усилился за последнее время, были также сделаны попытки по-новому оценить «Грамматику Пор-Рояль». См.: N. Chomsky. Cartesian linguistics. The Hague, 1964; H. Brekle. Semiotik und linguistische Semantik in Port-Royal, v. II, Bd. 69, H. 2. Berlin, 1964; Он же. Die Bedeutung der Grammaire générale et raisonnée, bekannt als Grammatik von Port-Royal, für die heutige Sprachwissenschaft. «Indogermanische Forschungen», Bd. 72, H. 1/2, 1967; J.-C. Chevalier. La grammaire générale de Port-Royal et la critique moderne. «Langages», № 7. Paris, 1967; Б. А. Ольховиков. Рационализм и эмпиризм в философии языка XVII в. и грамматика «Пор-Рояль». — «Уч. зап. I МГПИИЯ им. М. Тореза», т. 42, 1968; Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. Очерки по истории лингвистики. М., 1975; Н. М. Курманбаев. Заметки о картезианских основаниях генеративной лингвистики. — ВЯ, 1975, № 4.

т. е. то, что присуще им по природе, и их значение, т. е. манера использовать для выражения мысли. В свою очередь особенности звуков «могут рассматриваться двумя способами: или как означающее (signifiant), т. е. просто как звуки, или как помогающее нам понять то, что является означаемым этим звуком»¹³, означаемое разъяснялось также с двух сторон: как предмет и как понятие о предмете.

Рационализм XVII в. проявился у Соссюра и в его рекомендации ориентироваться на содержательную сторону лингвистического знака при отграничении единиц. Однако неопределенное понятие разума было заменено у него понятием психического, как того требовала наука конца XIX в. Кроме того, вывод французских материалистов XVIII в. о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений природы подсказывал возможность определения системного характера языка. Ж. Мунэн писал в связи с этим, что «нельзя недооценить важность влияния теорий картезианства на лингвистику, порожденную Соссюром. Бреаль, к которому Соссюр очень прислушивался, был вскормлен Кондильяком»¹⁴.

Рассмотрение теории слова как знака мы находим и в трудах английских философов-материалистов (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк), вклад которых и воздействие на общее развитие европейской научной мысли трудно переоценить. Проблема возникновения и сущности человеческого разума, особенностей мышления и общения людей при помощи языка глубоко волновала ученых (Лейбниц, Вико) вплоть до французского предреволюционного просветительства, представленного Дидро, Вольтером, Ламетри и Кондильяком.

В таких трудах Кондильяка, как «Опыт происхождения человеческих знаний», «Логика», «Трактат об ощущениях», уже не говоря о составленном им «Словаре синонимов», неоднократно затрагиваются проблемы языка. В «Трактате о системах» Кондильяк развивает идею

¹³ A. Arnauld, C. Lancelot. Указ. соч., стр. 39. Заметим, что в трудах более позднего периода, даже в «Логике Пор-Рояль» (1662 г.), одним из авторов которой тоже был А. Арно, использовались другие названия двух сторон знака: либо «представляющее» (representant) и «представляемое» (representé), либо «обозначающее» (designiant) и «обозначаемое» (designié).

¹⁴ G. Mounin. Histoire de la linguistique des origines au XIX siècle. Paris, 1968, стр. 148.

Декарта о языке как исчислении, а в «Логике» он отмечает, что «уравнения, суждения, предложения суть одно и то же»¹⁵. Особо рассматривается им знаковый характер языка: «Без знаков какого-либо вида невозможно было бы нам раздроблять наши мысли так, чтобы нам самим давать себе отчет в том, о чем мы мыслим, дабы раздельно оное видеть»¹⁶, и вслед за Локком определяется общественный характер языка. «Люди,— пишет Э. Кондильяк,— имеют нужду в помощи, следовательно каждый нуждается в том, чтобы сделать себя другим понятным, а посему понятным для себя самого»¹⁷. Вся интеллектуальная деятельность выводится им из ощущений, которые расчленяют континуум мира, образованный рядоположностью тел, расчленение же мысли, по его мнению, происходит при помощи слов.

Идеи социального характера языка отстаивали и Руссо, и Дидро, учившие, что язык сплотил человеческое общество, существовавшее и до возникновения языка. В «Энциклопедию наук, искусств и ремесел» (1751—1780 гг.), издававшуюся Дидро, включено много статей о языке, в которых рассматриваются такие, например, вопросы, как язык и диалект (*patois*), язык и идиомы, слово как знак мысли и его три стороны — материал, этимология и значение, два типа грамматики — всеобщая и частная, статьи о синонимах, о грамматических категориях и т. д.

Таким образом, идеи социального и знакового характера языка были унаследованы Соссюром из общих традиций французского языкознания, которые развивались далее также в школе А. Мейе¹⁸.

Рассмотрение отношений, определяющих систему языка и подход Соссюра к языку как социальному явлению, соотносимы далее с идеями О. Конта, чьи взгляды были широко распространены во Франции XIX в. В теории О. Конта эклектически сочеталось признание объективно существующего мира с требованием ограничиваться описанием внешнего облика вещей по наимень-

¹⁵ Э. Кондильяк. Логика. СПб., 1805, стр. 190.

¹⁶ Там же, стр. 123.

¹⁷ Там же, стр. 127.

¹⁸ См. об этом: Н. А. Слюсарева. А. Мейе как глава социологической школы французской лингвистики. «Лингвистика и методика», вып. 6. М., 1974.

шему числу связывающих их отношений подобия и последовательности. Последнее положение отражено в установлении Соссюром, вслед за учеными казанской школы, двух типов отношений в системе языка¹⁹. Однако в этом случае была совершена переориентация на модную в то время психологию: так, Н. В. Крушевский назвал эти отношения ассоциациями по сходству и ассоциациями по смежности, а Соссюр, стремясь подчеркнуть лингвистический ракурс проблемы,— ассоциативными и синтагматическими отношениями.

Не без влияния О. Конта и его деления социологии на социальную статику и социальную динамику было введено И. А. Бодуэном де Куртенэ его знаменитое толкование статики и динамики в языке, которое впоследствии было преобразовано Соссюром в противопоставление синхронической и диахронической лингвистики.

Контизм получает большое распространение во Франции в течение последней четверти XIX в., когда после падения Коммуны большая часть французской интеллигенции отошла от ее прогрессивных идей. В этот период значительное влияние начинают оказывать труды И. Тэна, Э. Ренана, Э. Бутру, Г. Тарда, Э. Дюркгейма, связанные с социологией О. Конта и с его позитивизмом. Психологический социологизм стал ведущим направлением в трудах языковедов.

Социологическое влияние было модным, о чем позже, в 1912 г., писал А. Доза²⁰, так как характеризовало ориентацию науки того времени. Оно показало наличие третьей категории явлений в языке — социальной, наряду с фонетическими и психологическими явлениями.

А. Доза и А. Мейе называют имя Э. Дюркгейма, говоря о том, что определение языка как социального явления точно подходит под формулировки французского социолога. А. Мейе писал в 1906 г.: «Внешний характер по отношению к индивиду и принуждение, которыми Дюркгейм определяет социальный факт, обнаруживаются в языке с наибольшей очевидностью»²¹. Сос-

¹⁹ См.: Ф. М. Березин. Очерки по истории языкознания в России в конце XIX — начале XX вв. М., 1968; N. A. Sijusareva. The problem of scientific connections and influence. «Proceedings of the XI Congress of linguists», Т. II. Bologna, 1975, стр. 753—756.

²⁰ См.: A. Dauzat. La philosophie du langage. Paris, 1912, стр. 128.

²¹ A. Meillet. Comment les mots changent de sens. «Linguistique historique et linguistique générale». Paris, 1926, стр. 230.

сюр, по-видимому, выражая те же тенденции французской науки, точно так же подходит к определению языка, хотя сам он не упоминал имен французских социологов и психологов.

Первое указание на связь идей Ф. де Соссюра и Э. Дюркгейма мы находим в рецензии А. Сеше (1917 г.) на только что опубликованный «Курс общей лингвистики». В этой рецензии говорится, что французская школа подвела психологию языка к социальной психологии, а вдохновили ее теории Э. Дюркгейма и Э. Ваксвейлера²².

Соотношением концепций Ф. де Соссюра и Э. Дюркгейма заинтересовался в 30-е годы польский ученый В. Дорошевский, который опубликовал статью, специально посвященную философии и социологии Дюркгейма. Завершая эту работу, В. Дорошевский писал: «Доктрина Дюркгейма оказала весьма значительное влияние на некоторые направления общего языкознания. Программные лозунги Дюркгейма подхватил и усердно распространял А. Мейе в статьях, помещенных в *Année sociologique* и в других местах. Вслед за Мейе, их пропагандировал также и Ж. Вандриес. Однако влияние Дюркгейма на обоих этих ученых было скорее всего поверхностным. Мейе не углублял мысли Дюркгейма. Глубокое же воздействие основ и сущности учения Дюркгейма дает себя знать в посмертной работе Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики»²³. На II Международном съезде лингвистов в Женеве в 1931 г. В. Дорошевский сделал доклад на тему «Несколько замечаний об отношениях социологии и лингвистики: Дюркгейм и Соссюр»²⁴. В. Дорошевский оценивает Соссюра прежде всего как дедуктивиста, утверждающего, что «точка зре-

²² A. Sechehaye. Les problèmes de la langue à la lumière d'une théorie nouvelle. «Revue philosophique», t. 42. Paris, 1917.— Следует заметить, что имя Ваксвейлера не заняло никакого места в истории социологии, так как его труд, весьма компилятивный по своему характеру, был написан под сильным влиянием Г. Тарда. Как раз последнего и следовало бы упомянуть рядом с Дюркгеймом, когда речь зашла о вдохновителях Соссюра.

²³ W. Doroszewski. *Filosofia i sociologia Durkheima* (1930).— В кн.: «*Studia i skicze językoznawcze*». Warszawa, 1962, стр. 100.

²⁴ См.: W. Doroszewski. *Quelques remarques sur les rapports de la sociologie et de la linguistique: Durkheim et Saussure*. «*Psychologie du langage*». Paris, 1933.

ния создает предмет», каковым для лингвистики является язык, «рассматриваемый в самом себе и для себя». Затем он опровергает мнение некоторых ученых об антипсихологизме Соссюра и доказывает, что, наоборот, на основании «Курса общей лингвистики» можно выявить прямые связи лингвистики и психологии, что автономия лингвистики относительна и, наконец, что язык по отношению к индивиду является внешним и принудительным. В. Дорошевский отмечает, что, хотя Соссюр не обходит молчанием понятие «коллективного сознания», он употребляет этот термин гораздо реже, чем Дюркгейм. Объяснение этому В. Дорошевский видит в том, что полупсихический, полусоциальный «язык» Соссюра с его особенностями смоделирован по образцу «коллективных представлений» Дюркгейма, и по существу своему «язык» и «социальное явление» — это одно и то же, точнее — первое иллюстрирует второе, но это, по-видимому, не удовлетворяло самого Соссюра. В. Дорошевский пишет, что Соссюр с живейшим интересом наблюдал за полемикой Дюркгейма и Тарда, и добавляет: «Если принять во внимание не только идею «языка», которая была основной для Соссюра, но и ту, которая ее дополняла — идею речи, то соссюровская концепция в целом предстанет в виде интересной попытки, предпринятой гениальным лингвистом с целью примирить противопоставление доктрин Дюркгейма и Тарда»²⁵. В. Дорошевский возвращается к этой мысли и позже, когда в 50-х годах пишет, что «доктрину де Соссюра можно даже понять как двойную уступку: перед Дюркгеймом — в области *langue* и перед Тардом — в области *parole*»²⁶.

Эти замечания долгое время не были никем отмечены, и в дальнейших трудах, касавшихся истоков соссюровской лингвистики, никто не развивал эту мысль, но и не оспаривал ее, а между тем она заслуживала внимания.

В 50-е годы были опубликованы две работы, в которых довольно подробно анализировались связи между

²⁵ См.: *W. Doroszewski. Quelques remarques...*, стр. 91.

²⁶ См.: *W. Doroszewski. Horizonti współczesnego językoznawstwa. «Studia i szkice językoznawcze»*, стр. 54. Удивляет, однако, то, что В. Дорошевский, указав на воздействие идей Г. Тарда, не проводит более обстоятельного анализа теории Тарда в сопоставлении с идеями Соссюра.

концепциями Соссюра и Дюркгейма: в 1954 г. в Москве вышла книга Р. А. Будагова «Из истории языкознания. Соссюр и соссюрианство», а в 1958 г. в Монтевидео увидела свет книга Э. Косериу «Синхрония, диахрония и история», один из разделов которой специально отведен данной теме. Помимо Дюркгейма, оба автора, говоря о методологических обоснованиях концепции Соссюра, упоминают учение О. Конта о разделении социальной статики и социальной динамики, но обходят молчанием теорию Г. Тарда.

Э. Косериу начинает свои замечания с того, что ставит под сомнение существование социологии как науки и делает отсюда вывод о том, что дюркгеймовское понятие «социального факта» представляет собой чисто софистическое построение, а следовательно, не может служить основанием для каких-либо теоретических построений. Обе характеристики, приписываемые Дюркгеймом социальному факту — его внешний и обязательный характер по отношению к индивиду — опровергаются в книге Э. Косериу. При этом его аргументация против первого положения весьма напоминает возражения Г. Тарда в пользу примата индивидуального над коллективным. Опровержение второго положения в пользу того, что «социальные факты изменяются в результате индивидуальной инициативы», тоже тяготеет к теории изобретений Тарда, составляющей наряду с теорией подражания одну из частей доктрины последнего.

Приведя много текстуальных сопоставлений, Э. Косериу делает знаменательный вывод: «Тот факт, что логические ошибки принадлежат Дюркгейму, а не Соссюру, отнюдь не оправдывает соссюровское понятие языка, а лишь показывает, насколько опасно безоговорочно основываться на понятиях сомнительной ценности, выработанных другими дисциплинами, вместо того, чтобы брать за основу реальность изучаемого объекта. Лишь гениальность и тонкое языковое чутье позволили Соссюру увидеть существенные аспекты языка, несмотря на шаткость его исходного представления о языке»²⁷.

В своей книге Э. Косериу подытоживает многие пункты сходства между теориями французского социолога и

²⁷ Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 163.

швейцарского лингвиста, но не фиксирует внимания на различии их взглядов.

Выше уже было сказано, что В. Дорошевский подметил разницу в отношении Дюркгейма и Соссюра к психологическим явлениям, связанным с индивидом, и намекнул на возможность влияния идей не только Дюркгейма, но и Тарда. К этому можно добавить и различие в осмыслении теории ценности (значимости), которая занимает главное место в теории Соссюра²⁸.

Основные положения Э. Дюркгейма были направлены против другого представителя психологического социологизма — Г. Тарда. Спор между ними привлек внимание всего французского общества конца XIX в., как отмечают многие²⁹. За контрроверзой социологов с интересом следил и Соссюр; об этом свидетельствует В. Дорошевский со слов Л. Кайа, одного из учеников Соссюра³⁰.

Г. Тард в своем учении объявляет примат индивида: «ничего нет в обществе, чего не было бы в индивиде», — гласит один из его постулатов, отстаивающих реальность индивида. Однако Тард не исключает общество,

²⁸ Одна из известных статей Дюркгейма, написанная в 1911 г., тоже посвящена этой проблеме: «О ценности и действительности». В этой работе ставится вопрос о том, чем же определяется ценность вещей, если она не заложена в их природе: часто кусочек дерева или кучка камней ценятся у какого-либо племени или народа, как идола, которым поклоняются и которые чтут, хотя сами по себе эти вещи не имеют никакой цены. Ответ на поставленный вопрос Дюркгейм находит в том, что ценность вытекает из отношений вещей к различным сторонам идеала, заключенного в природе в целом и в ее явлениях, т. е. по существу он поднимает проблемы аксеологии, а не особенностей единиц системы, зависящих от свойств данной системы (см.: *F. Durkheim. Jugements de valeur et jugements de réalité.* — В кн.: «Sociologie et philosophie». Paris, 1924, стр. 137). Надо отметить, что идея ценности (значимости — *valeur*) содержится уже в «Исследовании о первоначальной системе гласных...», т. е. она начала формироваться у Соссюра задолго до публикаций Дюркгейма.

²⁹ *Ch. Blondel. Introduction à la psychologie collective.* Paris, 1928, стр. 36—39.

³⁰ См.: *W. Doroszewski. Le structuralisme linguistique et les études de géographie dialectale.* «Proceedings of the 8-th International Congress of linguists». Oslo, 1958, стр. 543 (сноска 3). Правда, Ж. Мунэн, отметив, что «Правила социологического метода» были опубликованы в 1895 г., когда Соссюр уже уехал из Парижа, полагает, что Соссюр знал Дюркгейма лишь по его трудам и что это влияние могло идти через А. Мейе.

как это делали представители индивидуалистической психологии; индивидуальным он называет все то, что человек делает, не участь на примере других, остальное, по его мнению,— социальное. Сравнивая идеи Дюркгейма и Тарда, известный французский психолог Ш. Блондель отмечает, что если для первого между индивидуальным и социальным нет ни непосредственного перехода, ни причинной связи, то для второго психическая мысль индивида продолжается, развивается и расширяется в социальной жизни, поскольку между индивидуальным и социальным существует непрерывность развития³¹. Вместе с тем и индивидуальное, и социальное Тард, так же как и Дюркгейм, рассматривает в качестве категорий, создаваемых в сознании человека (*les faits sociaux sont les phénomènes mentaux*), а социальная жизнь представляется ему состоящей из изобретений и подражаний. Законы изобретения и подражания составляют два основных звена социологии Г. Тарда, в которой меньшинству людей отводится роль изобретателей, а большинству — подражателей.

В противоположность Дюркгейму, у которого проблемы языка по существу не затрагивались, Тард уделяет языку довольно много места, так как его «взгляд на социологию с особенной легкостью применяется к объяснению языка, его образования, его превращений»³². Тард хорошо знал основную языковедческую литературу тех лет, в его работах мы постоянно находим ссылки на труды Уитнея, Бреалья, Дармстетера, Сайса. В соответствии с французской философской традицией он принимает взгляд на язык как «самое могущественное и самое необходимое средство общения между людьми»³³. Как уже было упомянуто выше, Тард относит язык к коллективному сознанию, рассматривая его в разряде логических категорий: «Язык,— пишет он,— представляет собой заранее данную социальному

³¹ См.: *Ch. Blondel*. Указ. соч., стр. 90.

³² *Г. Тард*. Социальная логика. СПб., 1901, стр. 249 (французское издание вышло в 1895 г.).

³³ *Г. Тард*. Законы подражания. СПб., 1892, стр. 259.— Поскольку французское издание вышло в 1890 г., а Соссюр в письме к А. Мейе в 1894 г. писал, что размышляет об общих особенностях языка, то можно предположить, что влияние Тарда сказалось раньше, чем Дюркгейма.

человеку логическую аранжировку (*arrangement logique*), подобно тому, как пространство и время даны человеку, взятому отдельно»³⁴. Он разъясняет язык как социальное пространство идей, как манеру осознания и расчленения реальности.

Если бы Соссюр шел всецело за Дюркгеймом, он не подчеркивал бы того, что «у речевой деятельности есть и индивидуальная и социальная сторона, причем нельзя понять одну без другой»³⁵. Несомненно, прав был В. Дорошевский, когда предположил, что идея лингвистики речи была навеяна Соссюру мыслями Тарда. Но, думается, что это предположение можно было бы расширить: труды Тарда могли подсказать и некоторые другие положения соссюровской доктрины — о языке как форме и об оппозициях, как одной из характерных черт языковой системы, к мыслям о которой Соссюр пришел еще в период чтения лекций по разным отделам сравнительной грамматики индоевропейских языков.

Возможно, что идея оппозиций в языке была поддержана знакомством с книгой Тарда «Универсальность оппозиции. Опыт теории противоположности»³⁶, в которой проблема оппозиций показана на обширном материале, почерпнутом из математики, биологии, психологии и социологии. В ней Тард, полемизируя с Гегелем, отстаивает положение о том, что два члена, которые находятся в отношении оппозиции, обязаны иметь общее измерение, предполагающее их сходство, если же такового свойства у них нет, то эти члены гетерогенны и не могут рассматриваться как оппозитивные. Из этого делается вывод, что два оппозитивных члена должны быть соединены рядом вариаций, доходящих в середине до нуля, т. е. должны нейтрализоваться. Отношения оппозиции Тард отличает от отношений дифференциации.

Эти положения могли заставить Соссюра задуматься над спецификой оппозиций в системе языка и продемонстрировать ее.

Имя Тарда, наряду с именем Дюркгейма, упоминают и советские ученые, занимавшиеся проблемами социаль-

³⁴ Г. Тард. Социальная логика..., стр. 121.

³⁵ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 34.

³⁶ См.: G. Tarde. L'opposition universelle. Essai d'une théorie des contraires. Paris, 1897.

ного характера языка в 20-е годы и познакомившиеся с «Курсом...» Соссюра³⁷.

В своей работе Р. А. Будагов критикует доктрины Дюркгейма с позиций марксистской философии. Учению последнего об обществе как «своеобразном психическом существе», т. е. «ассоциации многих сознаний» — точнее, «коллективном сознании», Р. А. Будагов противопоставляет марксистский тезис о производственных отношениях как основе общества и особо подчеркивает, что общественные классы и отношения существуют не на базе принуждения социального факта по отношению к индивиду, которому якобы этим предписывается особое поведение. Критические замечания Р. А. Будагова были направлены против идеалистических утверждений Дюркгейма о существовании вселенной «лишь в той мере, в какой она мыслится» и о неизменности категорий разума, против попытки устранить противоречия между материализмом и идеализмом и против идеалистического решения основного гносеологического вопроса философии — о соотношении материи и сознания: «Соссюр в своей общей лингвистической теории опирается на эти идеалистические положения Дюркгейма»³⁸, — читаем мы в этой работе.

Однако некоторые исследователи нашего времени ставят под сомнение влияние французских социологов на теорию Соссюра. В специальном исследовании эпистемологической парадигмы эпохи, в которой формировалась соссюрская концепция, Э. Кёрнер подчеркивает, что в ней были скорее отражены общие веяния времени³⁹. Сопоставив идеи Дюркгейма и его терминологию с соссюрской, Кёрнер показывает, что ключевые термины французского социолога: «социальное принуждение» (*contrainte social*) и «репрезентация» — не используются Соссюром и не служат основой развития его идей.

Текстуальное сходство некоторых отрывков из книги

³⁷ См., например: *М. Н. Петерсон. Язык как социальное явление. «Уч. зап. Ин-та языка и литературы», т. I. М., 1927; А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. М., 1928.*

³⁸ См.: *Р. А. Будагов. Из истории языкознания. Соссюр и соссюрианство. М., 1954, стр. 8.*

³⁹ *E. F. K. Koerner. Ferdinand de Saussure., стр. 45—71.*

Г. Тарда «Психология экономики»⁴⁰ и выдержек из «Курса ...» Соссюра, приводимое Кёрнером, все же оспаривается им на том основании, что Соссюр исходил из чисто лингвистических соображений.

Несомненно, что мимо внимания Соссюра не прошли работы французских лингвистов, занимавшихся философией языка. Следует подчеркнуть, что почти одновременно с формированием младограмматического направления в Германии, отстаивавшего индивидуалистическую концепцию в языкознании, во Франции, как и в некоторых других странах, созревает противоположающаяся тенденция. Философские обоснования проблем языка привлекают наиболее крупных ученых. Об этом свидетельствует интерес к проблемам значения слов, которые А. Дармстетер, например, рассматривал в кругу вопросов философии языка⁴¹. Для него язык был прежде всего инструментом, используемым людьми для общения между собой, а каждое слово трактовалось как «звуковой знак, который благодаря цепи регулярных ассоциаций, вызывает либо образ материального объекта, либо мысль об абстрактном понятии»⁴². Еще раньше, в 1868 г., М. Бреаль назвал соединение экспериментальных данных и философских обобщений в качестве основной задачи грамматики⁴³.

Наиболее философский характер демонстрирует книга В. Анри «Лингвистические антиномии»⁴⁴, на которую ссылается и Соссюр. Изложение глав ее построено по принципу гегелевской триады: тезис, антитезис и синтез, а обсуждались в ней весьма сложные проблемы: абстрактное и конкретное в языке, идеальное и материальное, *energeia* и *ergon*, проблема слов как знаков, т. е. как психо-физиологических явлений, проблема происхождения языка и, наконец, соотношение языка и мысли. Уже простое перечисление этих проблем показывает общую направленность этого небольшого по объему труда, однако гносеологическая ценность его

⁴⁰ G. Tarde. Psychologie économique. Paris, 1902.

⁴¹ См.: A. Darmsteter. La vie des mots. Paris, 1893, стр. VII (из предисловия к 1 изд. 1886 г.).

⁴² Там же, стр. 36.

⁴³ M. Bréal. Mélanges de mythologie et de linguistique. Paris, 1878, стр. 300.

⁴⁴ V. Henry. Antinomies linguistiques. Paris, 1896.

невелика, так как заключена лишь в постановке проблем, а не в их решении; последнее остается в пределах чисто психологических обоснований. Несомненное влияние труда В. Анри на Соссюра было отмечено также Р. О. Шор в ее комментариях к «Курсу общей лингвистики»⁴⁵.

Связь идей Соссюра с мыслями французских лингвистов последней четверти XIX в.— представителей старшего поколения — отмечает и Й. Йордан, который писал, что Соссюр «сфокусировал основные идеи лингвистики тех лет»⁴⁶.

От работ Бреале и Дармстетера во французской лингвистике идет психологизм, о чем свидетельствуют труды их учеников и что один из них — Э. Пишон — особо подчеркивает⁴⁷. Дальнейшее развитие этой линии мы находим у Г. Гийома и других языковедов и психологов⁴⁸.

Обсуждением лингвистических проблем занимались и сами психологи. Интересна в этом отношении книга Е. Леруа «Язык. Очерк нормальной и патологической психологии»⁴⁹, автор которой рассматривает язык с точки зрения знаковой природы и подчеркивает сложный характер языкового знака, содержащего в себе ассоциацию двух рядов психологических явлений, следуя в этом И. Тэню, как он сам об этом говорит. Леруа трактует в качестве знаков любые состояния сознания — восприятия, чувства, образы — в том случае, если они имеют постоянную связь с вызвавшими их явлениями. На книгу Леруа ссылались многие в те годы, например, А. Мейе и А. Доза, который пишет, что «Язык (le langage) — это система знаков, как и мимика, но более гибкая, более сложная и менее несовершенная, служащая для объективации психологических явлений»⁵⁰. Наконец, Ж. Вандриес в книге, написанной им в 1914 г.,

⁴⁵ Р. О. Шор. Примечания.— В кн.: Ф. де Соссюр. Курс..., стр. 239.

⁴⁶ J. Jordan. *Linguistica romanica*. București, 1962, стр. 295.

⁴⁷ E. Pichon. *La linguistique en France*. «Journal de psychologie», t. 34. Paris, 1937, стр. 34.

⁴⁸ G. Guillaume. *Leçons de linguistique* de G. Guillaume. Quebec, 1971 («Реферативный журнал», серия 6, «Языкознание», 1974, № 4).

⁴⁹ E.-B. Leroy. *Le langage. Essai sur la psychologie normale et pathologique*. Paris, 1905.

⁵⁰ A. Dauzat. *La philosophie du langage*, стр. 9.

определяя язык как систему знаков, тоже ссылается именно на книгу Е. Леруа⁵¹.

Другой известной в ту пору работой были «Принципы лингвистической психологии» Я. ван Гиннекена, переведенные на французский язык в 1907 г.⁵², где также затрагивался знаковый характер языка.

Таким образом, мы можем отметить, что две капитальные идеи соссюровской доктрины — системность и знаковость языка — в целом связаны с французской научной традицией, в которой также отчетливо оформилось представление о социальном характере языка. Однако подчеркнем, что есть все основания полагать, что идеи французских социологов сыграли роль катализаторов, стимулировавших и закрепивших положения, почерпнутые Соссюром из книг У. Уитнея, особенно из «Жизни языка», вышедшей в 1875 г. одновременно на английском языке и во французском переводе⁵³.

О связи теорий Соссюра и Уитнея писали уже в первых рецензиях на «Курс ...», например, О. Есперсен⁵⁴, А. Сеше⁵⁵. На зависимость идей Соссюра о социальном характере языка от воззрений Уитнея указывали и советские ученые, например, Г. О. Винокур⁵⁶, а Р. О. Шор отмечает⁵⁷, что школа Соссюра именно через Уитнея связана с социальной теорией происхождения языка у Монбоддо и Руссо, противостоящей ономастической теории Гердера, влияние которой ощутимо в творениях Гумбольдта. Уитней по своему философскому духу был ближе всех к Соссюру, который, однако, не повторил его, как не повторил он и многих других, чьи теории творчески переработал, создав свою собственную. Несколько иной путь взаимодействий прочерчивает Э. Пишон, который считает, что и теория знака у Соссюра унаследована им от Кондильяка через Уитнея⁵⁸. На свя-

⁵¹ Ж. Вандриес. Язык. М., 1937, стр. 21.

⁵² J. van Ginneken. Principes de linguistique psychologique. Paris, 1907.

⁵³ W. D. Whitney. La vie du langage. Paris, 1892.

⁵⁴ O. Jespersen. Compte-rendu du CLG (1916). — В кн.: O. Jespersen. Linguistica. Copenhagen, 1933, стр. 114.

⁵⁵ A. Sechehaye. Les problèmes de la langue à la lumière..., стр. 9.

⁵⁶ Г. О. Винокур. Культура языка. М., 1929, стр. 30.

⁵⁷ Р. О. Шор. Кризис современной лингвистики. «Яфетический сборник», т. V. Л., 1927, стр. 49.

⁵⁸ E. Pichon. La linguistique en France., стр. 29.

зях теории Соссюра с идеями Уитнея останавливался и Р. Годель в своем исследовании рукописных источников «Курса ...»⁵⁹.

Несомненно, что «Жизнь языка» могла привлечь Соссюра, тяготевшего к широким научным обобщениям, поскольку она охватывает главные вопросы общего языкознания: определение языка, проблему индивидуального и социального в языке, язык и общество, язык и мысль, проблему материи и формы в языке, происхождение и развитие языка, причины языковых изменений, задачи науки о языке и ее отношение к другим гуманитарным наукам.

С самых первых страниц «Жизни языка» мы встречаемся с определением языка в плане его знаковой природы: «Язык в собственном смысле слова (*langage*) — это набор знаков, при помощи которых человек сознательно и намеренно выражает свою мысль для другого человека: это выражение, которое предназначено для передачи мысли»⁶⁰. К знакам такого рода Уитней относит жесты, пантомимы, артикулируемые звуки и буквы, при этом он сразу же подчеркивает условный характер звуков и букв, а также и то, что буквы, как и жесты, подчинены звуковому языку.

Знаковый характер языка является у Уитнея отправным моментом, определяющим все особенности его теории: для демонстрации знаковости автор «Жизни языка» привлекает слово со значением 'зеленый' и указывает, что оно может привести нас к различным областям человеческого знания — к оптике, физике, физиологии и т. п., для лингвиста же, по его мнению, важно то, что в данном обществе все его члены ассоциируют этот артикулируемый знак с ощущением определенного цвета, т. е. используют для обозначения. Таким образом, Уитней, подчеркнув знаковый характер языка, немедленно

⁵⁹ R. Codel. *Le sources...*, стр. 33.— Однако отметим, что Р. Годель не прав, полагая, что Уитней был мало известен. Наоборот, его книги были широко известны не только в Лейпциге, но и в России, на них ссылался Ф. Ф. Фортунатов и др. Был даже начат А. Н. Чудиновым (но не закончен — вышли три главы) перевод «Жизни языка» с французского издания, который публиковался в «Филологических записках» (Воронеж, 1885—1886) — см. т. 24, вып. VI; т. 25, вып. III и V. Полный перевод на немецкий язык вышел в 1876 г.

⁶⁰ W. D. Whitney. *La vie du langage*, стр. 1.

связывает его с социальным характером, но все же на первый план у него выступает знаковость: «Язык вообще (la langage) в каждом из своих элементов и в целом есть прежде всего знак идеи (мысли), знак, сопровождающий идею; делать что-либо другое центральной точкой зрения — значит вносить путаницу и разрушать естественные пропорции каждой части»⁶¹.

Эти рассуждения подводят американского лингвиста к постановке вопроса о том, как слова стали знаками идей, которые они представляют. В ответе на него, объясняя процесс овладения языком у ребенка, Уитней определяет две особенности знака: его произвольность и условность: «В очень точном и строгом смысле можно сказать, что каждое сказанное (употребляемое) слово есть произвольный и условный знак (une signe arbitraire et conventionnelle): произвольный, потому что любое другое слово может быть применено к данной идее среди массы слов, которые человек использует, и миллионов, которые он мог бы использовать, условный — потому что причиной использования данного слова, а не другого, является то, что его уже использует общество, к которому принадлежит ребенок»⁶².

Определив эти две основные особенности знака, Уитней обращается к древней античной контрверзе и подчеркивает, что слово существует на основании *thesei*, т. е. «по установлению», а не на основе *fusei*, т. е. не «по природе». Далее, подчеркивая разницу средств коммуникации у человека и у животных, Уитней объясняет ее тем, что у человека они полностью произвольны и условны, а у животных — инстинктивны. Даже там, где у человека выявляется элемент имитации, т. е. в ономотопее, «нет между именем и вещью связи по необходимости, а есть лишь связь условности (*lien de conventionance*)»⁶³, так как в разных языках ономотопеические слова разнятся по составу звуков.

На очень большом материале, составленном из интересных примеров, Уитней показывает обобщающий характер слова как знака и то, как ребенок овладевает постепенно этим свойством слов, дающих возможность абстрагирования.

⁶¹ W. D. Whitney. *La vie du langage*, стр. 13.

⁶² Там же, стр. 15.

⁶³ Там же, стр. 233.

Рассмотрение знака языка как средства выражения мысли вводит читателя в проблему соотношения языка и мышления, которой уделяется довольно много места в книгах Уитнея. Американский языковед высказывается в пользу разобщения обоих явлений. Более того, все свое изложение он направляет на опровержение их отождествления, считая, что «непосредственное отношение языка (*langage*) и мысли породили ошибку отождествления речи (*parole*) с мыслью»⁶⁴. Еще в своей первой книге «Язык и его изучение»⁶⁵ (1867) Уитней весьма категорически высказался: «Язык — это не мысль, а мысль — это не язык» и попытался доказать это на многочисленных примерах. В «Жизни языка» он продолжает отстаивать эти положения, развивая их дальше: «Язык — это не возможность, не способность и не непосредственное упражнение мысли; это непосредственный продукт этой мысли, это инструмент»⁶⁶. Мысль же, сознание рассматриваются им как производное от опыта человека, трактуемое как «те высокие способности, которые влияют на все прочие более, чем что-либо другое, и именно эту совокупность высоких способностей неопределенно называют разумом»⁶⁷, тогда как язык получает характеристику «наиболее явной манифестации этих способностей».

Пытаясь наилучшим образом осветить взаимоотношения языка и мышления, Уитней рассматривает язык как форму (*forme*), как своеобразную изложницу, в которую отливается мысль для своего выражения. По его мнению, наличие этой формы у каждого человека никоим образом не является продуктом внутренних и спонтанных сил, а представляет собой нечто, накладываемое извне на сознание индивида и являющееся результатом внешних влияний, при помощи которых индивид овладевает словарем: «Умственная деятельность индивида формируется, так сказать, в той форме, которую заготовило для него общество, к которому он принадлежит, он усваивает классификации, абстракции и распространенные взгляды этого общества»⁶⁸.

⁶⁴ Там же, стр. 250.

⁶⁵ Цит. по кн.: *W. D. Whitney. Language and the study of language.* N. Y., 1878, стр. 405.

⁶⁶ *W. D. Whitney. La vie du langage*, стр. 229.

⁶⁷ Там же, стр. 250.

⁶⁸ Там же, стр. 16.

Однако Уитней особо оговаривает и обратное воздействие языка на абстрагирующую деятельность сознания, иллюстрируя это положение на примере десятиричной системы исчисления, возникшей на базе счета на десяти пальцах и составившей основы всей математики: «Идея, подсказанная при своем возникновении обобщающим и общим опытом, с помощью языка (*langage*) преобразуется в закон, который в дальнейшем главенствует и определяет человеческую мысль»⁶⁹. К тому же Уитней считает, что все в языке, не только слова, но и добавочный аппарат флексий и других средств служит для целей выражения мысли, а следовательно: «каждый язык имеет свою особую рамку установленных различителей, свои формулы и свои формы, в которые отличаются идеи человека»⁷⁰. В этих словах, несомненно, чувствуется воздействие гумбольдтианских идей.

Уитней высоко оценил вклад Гумбольдта в развитие общепhilософского подхода к явлениям языка, отметив, что в трудах последнего были расширены границы взглядов на язык и обобщены принципы, что дало возможность превратить историю «одной из областей человеческой речи (*human speech*) в систематическое и философское рассмотрение явлений языка вообще (*universal language*) и их причин»⁷¹. Уитней следует за Гумбольдтом, когда пишет, что «язык может быть определен как «внутренняя форма», которая как изложница (форма) прилагается к телу в процессе его роста и моделирует его»⁷².

Уитней подчеркивает активную сторону взаимодействия языка и мысли в процессе обогащающегося опыта человека, говоря, что эта форма, в свою очередь, свободна и даже эластична, так как сознание постоянно изменяет ее и совершенствует группировки, данные в наличных словах, с тем, чтобы дать возможность человеку овладеть такими знаниями и взглядами, которые не были даны заранее. Американский лингвист особо настаивает на том, что если вначале при овладении языком роль человека (ребенка) почти полностью пас-

⁶⁹ *W. D. Whitney. La vie du langage*, стр. 17.

⁷⁰ Там же, стр. 17.

⁷¹ *W. D. Whitney. Language..*, стр. 5.

⁷² *W. D. Whitney. La vie du langage*, стр. 25.

сивна, то в дальнейшем она становится деятельной и созидательной.

Одна из сторон существования, т. е. жизни языка, трактуется Уитнеем как овладение человеком артикулируемыми знаками для выражения того, что формулируется в его представлениях, возникающих в сознании на основе общего опыта. Однако Уитней пишет, что, хотя несомненно наличие консервативных сил, которые сохраняют общую идентичность языка, если бы в жизни языка была только эта сторона, то язык оставался бы вечным и неизменным. Но в то же время, подчеркивает автор «Жизни языка», другой стороной существования языка является наличие изменяющих сил, поскольку каждый живой язык находится в процессе постоянного формирования и развития, и именно это создало впечатление, что язык представляет собой живой организм.

Причину изменений в языке, как в области формы, так и в области смысла, Уитней видит в том, что «артикулируемый знак условен и связан с понятием лишь умственной ассоциацией. Если бы эта связь,— добавляет он,— была естественной, внутренней и необходимой, то каждое изменение в понятии вызывало бы аналогичное изменение в знаке»⁷³. Единственной тенденцией, которая наблюдается в этих изменениях, Уитней считает тенденцию к экономии средств, проявляющуюся двояко — в разрушении и в созидании, а также и к удобству произношения.

Далее, Уитней на большом фактическом материале показывает, что оба типа изменений — внутренний и внешний — основываются на случайной и произвольной (*accidentelle et arbitraire*) связи между смыслом (значением) и формой. История слов, по Уитнею, это история трансмутаций смысла и изменений формы, идущих независимо одно от другого, хотя иногда и параллельных друг другу. Уитней противопоставляет употребление слов и причины называния предметов, которые обычно остаются скрытыми в глубине веков. Новые слова, по его мнению, создаются в том случае, если возникает потребность в них, и этот «процесс внутренне обусловлен существованием особой способности сознания, лингвистическим инстинктом, чувством языка, как его на-

⁷³ W. D. Whitney. *La vie du langage*, стр. 41.

зывают; он представляет собой особо направленное упражнение этой большой и сложной способности, которая более чем что-либо другое характеризует человеческий разум; способность приспособлять средство к цели, иметь намерение и его достичь; по своей природе он не отличается от другого процесса, который не менее характерен для человека — создавать и использовать инструмент»⁷⁴.

Проблема изменений в языке подводит Уитнея вплотную к решению проблемы «индивид и общество». Усвоение языка индивидом рассматривалось американским ученым как творческое овладение речью, при этом он отмечает и то, что индивид не может произвольно изменить язык: «В определенном смысле не индивид, а общество творит и изменяет язык, но надо хорошо себе представлять в каком именно смысле, чтобы не ошибиться глубоко»⁷⁵, — предупреждает он и показывает, что роль индивида и роль общества в создании языка различны. Начав свою книгу с определения языка как инструмента для выражения мысли, именно здесь, в рассуждениях о роли общества в созидании языка, Уитней подходит к тому, что язык существует «прежде всего как средство общения между людьми, все же прочие случаи его использования являются вторичными»⁷⁶. Об этом Уитней писал еще в своей первой книге: «Речь — это не личная собственность, а общественная; она принадлежит не индивиду, а члену общества»⁷⁷. В «Жизни языка» мы находим дальнейшее развитие этой мысли — Уитней подчеркивает, что язык, который ни для кого не понятен, кроме одного лица, не имеет права называться языком, и для того, чтобы артикулируемые звуки могли иметь это название, необходимо, чтобы они были приняты обществом, как бы мало оно ни было. Отсюда он делает вывод, что индивидуальное влияние на язык ограничено и обусловлено, и те нововведения, которые не принимаются обществом и не сохраняются по традиции, умирают. Вместе с тем индивидуальная деятельность в области языка не отрицается Уитнеем категорически, так как, по его мнению,

⁷⁴ W. D. Whitney. La vie du langage, стр. 120.

⁷⁵ Там же, стр. 123.

⁷⁶ Там же, стр. 124.

⁷⁷ W. D. Whitney. Language., стр. 404.

именно индивид продолжает традиции и вводит инновации: «Каждая частичка добавления или изменения имеет свое происхождение в инициативе индивида, но она утверждается и принимается обществом»⁷⁸. Уитней особо подчеркивает то, что общество является той силой, которая сохраняет единство языка: «Необходимость общения противостоит изменениям, но в то же время привычное общение обобщает принятые изменения, и свойство единства языка поддерживается в обществе»⁷⁹.

Уитней приближался к осмыслению системного характера языка, но не раскрыл особенности этого явления. «Жизнь языка» подталкивает читателя к пониманию системных связей в языке. Это вытекает из слов Уитнея о том, что «ни один из фактов языка не может быть понят, если не принять во внимание аналогичный ему факт»⁸⁰; что «мы видим в слове часть системы, кольцо в исторической цепи, член ряда, знак способности, культуры, этнологическую связь»⁸¹. В книге «Язык» мы находим еще более определенные высказывания: «Язык ... не простой агрегат одинаковых частей; это комплекс соотносительных и взаимопомогающих частей»⁸², и более того: «Язык ... это большая система, обладающая весьма сложной и симметричной структурой ... Единство и симметрия этой системы являются бессознательным продуктом усилий человеческого ума, охватывающего факты миров вне и внутри себя и регистрирующего каждый отдельный результат в речи»⁸³.

Краткое изложение взглядов Уитнея позволяет сказать, что влияние трудов американского лингвиста на Соссюра является бесспорным⁸⁴. Отметим особо, что в

⁷⁸ W. D. Whitney. *La vie du langage*, стр. 127.— По мнению Б. Террачини, идея социальности языка сложилась у Уитнея под воздействием работ А. Смита и Дж. Милля (А. В. Terracini. *Guido allo studio di linguistica storica*. Roma, 1969, стр. 91).

⁷⁹ W. D. Whitney. *La vie du langage*, стр. 130.

⁸⁰ Там же, стр. 259.

⁸¹ Там же, стр. 256.

⁸² W. D. Whitney. *Language..*, стр. 46.

⁸³ Там же, стр. 50.

⁸⁴ Подробнее см.: Н. А. Слюсарева. Некоторые полузабытые страницы истории языкознания: Уитней и Соссюр.— В кн.: «Общее и романское языкознание». М., 1968; а также: E. F. K. Koerner. *Ferdinand de Saussure...*, стр. 74—100. Показательно, что Ж. Мунэн начинает свой обзор лингвистики XX в. с анализа концепции Уитнея (см.: G. Mounin. *La linguistique du XX siècle*. Paris, 1972,

«Курсе...», характерном скудостью упоминаемых в нем имен, как раз Уитней назван ученым, давшим первый толчок к осознанию того, что же представляет собой языковая действительность.

Не исключена также связь между Уитнеем и Ч. Пирсом (с его философским рассмотрением теории знака), а затем и Ч. Моррисом. Если это так, то можно бы сказать, что у семиологии Соссюра и семиотики Морриса был один общий провозвестник.

Кроме проблем знаковости, системности и социального характера языка, непосредственно связанных с философскими воззрениями, небезынтересно коснуться обращения Соссюра к примерам из политической экономики, при помощи которых он демонстрирует особенности лингвистического знака и прежде всего ценность (значимость).

Обращает на себя внимание то, что ни в «Курсе ...», ни в новых опубликованных рукописных материалах нет упоминания трудов по политэкономии, которыми пользовался Соссюр⁸⁵. По первому впечатлению он довольно близко следует известной теории А. Смита и Д. Рикардо о меновой и потребительской стоимости товаров, когда вводит понятие ценности (значимости) лингвистических единиц. Кроме этого, с данным понятием Соссюр связывает определение лингвистического тождества и изменение знака в диахронии, т. е. положения, которые подсказывают наличие других обоснований, кроме классических работ по политэкономии, включая книгу Г. Тарда «Психология экономики», где тоже трактуются вопросы стоимости. В этой книге Г. Тард подчеркивает, что место политэкономии среди прочих социальных наук связано с понятием стоимости, которую он характери-

стр. 15—26), как бы заложившей многое, развивавшееся языковедами много позже (не говоря уже о Соссюре) и Сэпиром, и Блумфильдом, и др.

⁸⁵ См.: *F. de Saussure. Cours de Linguistique générale. Ed. critique par R. Engler, fasc. 1—1967; fasc. 2, 3—1968, fasc. 4—1974. Wiesbaden (далее — CLG-E) а также описание библиотеки Соссюра; D. Gambarara. La bibliothèque de F. de Saussure. «Geneva», t. 22. Genève. 1972.— Э. Кёрнер, вслед за Р. Годелем, отмечает, что скрупулезность Соссюра должна была заставить его упомянуть какие-либо имена, а если он этого не сделал, то значит он не вдохновлялся чем-либо за пределами лингвистики (E. F. K. Koerner. Ferdinand de Saussure, стр. 69).*

зует как «самое фундаментальное и самое неопределенное» из всех понятий⁸⁶, и отмечает, что в наиболее широком смысле она охватывает все социальные науки. Далее, развивая эти идеи, он пишет, что это и есть качество, которое мы приписываем вещам и которое основывается на соглашении общих суждений о вещах. Тард, таким образом, склоняется к аксеологическому аспекту понятия ценности, а не к системным его характеристикам.

Первое предположение о влиянии на Соссюра каких-то других идей, кроме теорий французских социологов, было высказано Ж. Парiente⁸⁷, назвавшим имя Л. Вальруса (1834—1911) — главы политэкономической школы в Лозанне. В книге Л. Вальруса «Элементы чистой политической экономии»⁸⁸, вслед за Дж. Миллем, также объясняется понятие меновой стоимости товаров, которая связывается с понятием общественного богатства. В принципе понятие меновой стоимости (*valeur d'échange*) также не отходит от понятий классической английской политической экономии и не в большей степени сопоставимо с идеями Соссюра.

Затем этот вопрос специально изучался Ж. Молино⁸⁹, который, вслед за Т. Де Мауро, проследил связь некоторых положений Соссюра с идеями В. Парето (1848—1923), другого представителя школы политэкономии в Лозанне⁹⁰.

Молино напоминает, что сам Соссюр, сравнивая лингвистические явления (точнее, идею двойственности лингвистики) с фактами политэкономии, говорил о незадолго до того времени вышедших трудах в этой обла-

⁸⁶ *G. Tarde. Psychologie économique*, стр. 63.

⁸⁷ *J.-C. Pariente. Essais sur le langage*. Paris, 1969 (указ. по кн.: *E. F. K. Koerner. Ferdinand de Saussure*).

⁸⁸ *L. Walrus. Éléments d'économie politique pure*. Lausanne, 1874; *Он же. Etudes d'économie politique appliquée*. Lausanne, 1898.

⁸⁹ *J. Molino. Linguistique et économie politique: sur une modèle épistémologique du Cours de Saussure*. «L'âge de la science», 1969, v. II, N 4. Paris.

⁹⁰ Т. Де Мауро указал на возможность связи идей Соссюра и Парето («Учебник политической экономии» Парето вышел на итальянском языке в 1906 г., а на французский был переведен в 1909 г.) в своих комментариях к 1-му изданию «Курса...» на итальянском языке в 1967 г. (см.: *T. De Mauro. Notizie biografiche e critiche su F. de Saussure*.— В кн.: *F. de Saussure. Corso di linguistica generale*. Bari, 1970, стр. 423).

сти, но не назвал имен. Т. Де Мауро сопоставил даты публикации книг Вальруса и Парето и предположил, что именно они имелись в виду. В качестве доказательств Молино прежде всего привлекает теорию ценности (значимости), которую сам Соссюр сопоставлял с категориями политэкономии — системой обмена и системой эквивалентности, затем пытается разъяснить противопоставление языка и речи как социального и индивидуального, поскольку и экономист, изучая обмен, отделяет индивидуальное от социального и интересуется лишь последним. Отметим, что сопоставление чистой и прикладной политэкономии с двойственным характером лингвистики выглядит очень натянутым и вряд ли его можно принять⁹¹.

Помимо этих соссюрских идей, непосредственно возводимых Ж. Молино к трудам Вальруса и Парето, разбираются некоторые темы, которые являются общими у этих ученых. Прежде всего — это история соответствующих наук, поданная в философском гегелевско-конттовском плане, которыми открывается и «Курс...» Соссюра и «Учебник политэкономии» Парето⁹². Затем общим является требование исходить из анализа вещей, а не слов, что особенно важно и для политэкономии, и для лингвистики. Молино подчеркивает, что около 1900 г. это было проявлением скорее не позитивизма, а отражением того положения, которое сложилось в науке логике и выразилось, например, в «Логических исследованиях» Э. Гуссерля⁹³. Как следствие этого положения, можно оценить известный тезис об описании предмета с определенной точки зрения, который имеется и у Соссюра, и у Парето (возможно, как предположил Т. Де Мауро, не без воздействия Гегеля на них обоих).

Наконец, последний пример близости лингвистики и политэкономии Молино видит в возможности использовать логико-математические приемы и схемы, как это

⁹¹ См.: *V. Pareto. Manuel d'Economie politique.* Paris, 1909.— Напомним, однако, что антиномия социального и индивидуального была уже в трудах А. Смита, Дж. Милля и О. Конта.

⁹² Заметим, что композиция канонического текста «Курса...» принадлежит издателям, так что модель учебника Парето могла быть ими использована, например, и в названии первой части «Общие принципы», которым открывается также книга Парето.

⁹³ *E. Husserl. Logische Untersuchungen.* Halle (Salle), 1900—1901.

делают Парето и Вальрус, но, по его мнению, Соссюр, хотя и говорил о необходимости сделать лингвистическую теорию математически точной, не выполнил этого, используя математические приемы лишь эпизодически, и не стал основателем математической лингвистики.

«Совокупности всех этих тем,— пишет Ж. Молино,— в их взаимном единении нет ни в психологии Тарда, ни в социологии Дюркгейма, ни в лингвистике Уитнея, хотя та или другая тема обнаруживается то у одного, то у другого. Единственной дисциплиной, которая представляет нам эти различные элементы объединенными и систематизированными, является чистая политическая экономия Вальруса и Парето»⁹⁴. Но тут же он делает оговорку, что не хотел бы представить Соссюра как нашедшего свою лингвистическую теорию в политической экономии, и уточняет, что вернее говорить об аналогии общего подхода и метода в целом ряде пунктов, объясняемых сходством в определении предметов двух наук. Для более точных выводов о генезисе теории Соссюра необходим, по мнению Молино, более скрупулезный хронологический анализ, который смог бы показать, когда и в каком виде появилось сравнение с данными политической экономии.

Статья Ж. Молино дает основания согласиться с тем, что обнаружена одна из возможных линий, связывающих теорию Соссюра с современными ему учениями в смежных общественных науках. Однако внимательное ознакомление с политэкономическими идеями, изложенными в книгах Вальруса и Парето, не позволяет согласиться с тем, что именно там мы находим совокупность соссюровских проблем, да еще данных в их единении: уж если где-либо можно обнаружить большую близость взглядов ученых, так это в концепциях Соссюра и Уитнея, что дало нам повод подробнее остановиться на анализе взглядов американского лингвиста. Аналогии, которыми оперирует Ж. Молино, либо выглядят натянутыми, как, например, его толкование проблемы связи языка и речи, либо отражают общие веяния той эпохи, такие, например, как первые попытки выделить гносеологическое противопоставление объекта и предмета науки.

⁹⁴ *J. Molino. Указ. соч., стр. 348.*

Подчеркнем также, что основное определение Соссюра, гласящее, что «ценность знаков оппозитивна, негативна и релятивна», не совпадает ни с одним из положений Вальруса и Парето, и укажем, что источником теории ценности (значимости) были не только идеи в области политэкономии, но и его занятия индоевропейскими языками, на которых вырабатывалось это понятие⁹⁵.

Отметим также следующее: если Соссюр действительно опирался на труды Вальруса и Парето, то это — дополнительный аргумент в пользу того, что он ориентировался на французские (или шире — романские) традиции в науке.

Вследствие этого вряд ли можно искать истоки соссюрских идей в философских воззрениях Германии и в других науках этой страны, несмотря на то, что в XIX в. она занимала ведущее положение как в философии, так и в лингвистике. Обратим внимание на то, что во Франции были сильны противоборствующие тенденции. Так, например, М. Бреаль в 1878 г. настаивал на необходимости возродить французскую лингвистику и противопоставить ее немецкой⁹⁶. Да и Соссюр, хотя и получил образование в Лейпциге и Берлине, весьма холодно относился к немецкой науке. В своем обзоре истории лингвистики он отметил в качестве заслуги немецких младограмматиков то, что результаты сравнения языков они включили в историческую перспективу, но добавил: «Однако, сколь бы ни были велики услуги, оказанные этой школой, нельзя все же полагать, будто она пролила полный свет на всю проблему в целом,— основные вопросы общей лингвистики доньше ожидают своего разрешения»⁹⁷.

⁹⁵ См.: *F. de Saussure. Recueil des publications scientifiques. Genève — Heidelberg, 1922*; анализ теории ценности см.: *Н. А. Слюсарева. Главное в лингвистической теории Ф. де Соссюра. «Иностранные языки в школе», 1968, № 4.*

⁹⁶ *М. Bréal. Указ. соч.*

⁹⁷ См.: *Ф. де Соссюр. Курс., стр. 31—32.*— Интересно заметить, что весьма негативную характеристику немецкая школа получила у Уитнея, который писал, что «хотя в Германии была создана школа сравнительной филологии, ученые этой страны гораздо менее отличились в том, что мы называли наукой о языке; по важнейшим пунктам у них нет ни малейшего согласия в мнениях, имеет место такая неопределенность доктрин, такое безразличие в этом отношении и такая непоследовательность, что можно ска-

Несмотря на отдельные попытки возвести идеи Соссюра к немецким научным традициям⁹⁸, все же мы не склонны с этим согласиться⁹⁹.

В литературе говорилось скорее о сходстве, чем о влиянии Гегеля на Соссюра. Так, А. Лефевр, разъясняя, по Гегелю, негативный характер языка, т. е. то, что только при помощи языка возможно отрицание, а через него — переход к положительному знанию и далее, к неосознаваемому и неопределенному понятию (идее), пишет: «Соссюр сохранил или вновь обрел гегелевское понятие негативности языка. Это утверждение отнюдь не возводит соссюровскую мысль к Гегелю, но подчеркивает скорее сходство между этими двумя концепциями, чем влияние»¹⁰⁰. Думается, что с этим можно согласиться, поскольку заслуга Соссюра во введении категории различия в языкознание отмечалась неоднократно, например, об этом писал Р. А. Будагов: «Новое понимание категории отношения и ее частной разновидности — «категории различия» — является важнейшим достижением лингвистики XX в. Это достижение действительно связано с именем Соссюра»¹⁰¹.

2

Философские проблемы теории Ф. де Соссюра. При анализе философской значимости лингвистической теории Соссюра перед марксистом, историком науки о языке, встает проблема выявления закономерности, необходимости процесса развития научного знания и отделения случайных фактов от необходимых для установления их правильного соотношения. Следует прежде всего заметить, что характер необхо-

зат: у них наука о языке еще и не родилась» (см.: *W. D. Whitney. La vie du langage*, стр. 262). В «Курсе...» же Соссюра мы находим как бы смягченный вариант этой идеи.

⁹⁸ См., например: *E. Coseriu. G. von Gabelentz et la linguistique synchronique. «Word», 1969, v. 23, стр. 74—100.*

⁹⁹ См., например: *N. A. Sljusareva. Essai de comparaison des conceptions de F. de Saussure et de W. von Humboldt. «Studi saussuriani per R. Godel». Bologna, 1974; E. F. K. Koerner. Animadversions on some recent claims regarding the relationship between Gabelentz and Saussure.— Там же.*

¹⁰⁰ *H. Lefebvre. Le langage et la société. Paris, 1966, стр. 85.*

¹⁰¹ *Р. А. Будагов. Фердинанд де Соссюр и языкознание нашего времени. «Язык, история, современность». М., 1971, стр. 45.*

димости выявляется в гносеологическом аспекте сосюр-
ровской проблематики. Совершенно справедливо заме-
чено, что «потребность в гносеологическом анализе на-
учных исследований становится ... более острой и неот-
ложной в переломные периоды развития науки, когда,
с одной стороны, налицо богатый и многообразный ма-
териал, подлежащий обследованию и систематизации,
а с другой — возникает необходимость указать пути
дальнейшего познания мира»¹⁰². В развитии лингви-
стической мысли такой период совпал с рубежом XIX и
XX вв., когда возникла необходимость в пересмотре и
переосмыслении всего накопленного наукой о языке.

Переломный момент в развитии языкознания отме-
чали многие. Так, например, румынский языковед
Й. Йордан еще в начале 20-х годов писал: «На повороте
столетия в смежных областях духовной деятельности
наметилось новое движение, которое было направлено
против все еще господствовавших тогда методов. В те-
чение XIX в. все духовное — философия, наука и искус-
ство — было подчинено натурализму в широком смысле
этого слова. Языкознание ... состояло главным образом
из сбора материала, под тяжестью которого оно испу-
скало дух и становилось механическим»¹⁰³. Советский
языковед Г. О. Винокур тоже отметил, что европейская
лингвистика находилась в состоянии кризиса, некотооро
внутреннего разброда, и он сравнил этот момент с
подобным моментом на рубеже XVIII—XIX вв., когда соз-
давалась сравнительная грамматика индоевропейских
языков. Бедой нынешнего положения он называл то, что
«не материал изучения подвержен заболеванию, а сами
методы изучения»¹⁰⁴.

Необходимость введения новой методики анализа
языковых фактов, осмысляемых в плане их системных
отношений, как часто говорят, «витала в воздухе»,
и крупнейшие лингвисты разных стран подошли к это-

¹⁰² См.: Г. А. Курсанов. О характере современной идеалистической
гносеологии. «Современная идеалистическая гносеология». М.,
1968, стр. 4.

¹⁰³ J. Jordan. Der heutige Stand der romanischen Sprachwissenschaft.
«Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft». Heidelberg, 1924,
стр. 585.

¹⁰⁴ Г. О. Винокур. Культура языка. М., 1925, стр. 9 (Предисловие
датировано августом 1924 г.).

му. Можно назвать ряд имен: И. А. Бодуэн де Куртенэ и Ф. Ф. Фортунатов — в России, Г. Габеленц — в Германии, Ф. де Соссюр — в Швейцарии, а его ученик А. Мейе — во Франции, А. Норейн — в Швеции, У. Уитней, а затем Л. Блумфилд и Э. Сепир — в Америке, но, разумеется, этот список не является исчерпывающим. Судьба их теорий также была различной: одни получили всемирное признание раньше, другие — позже, но в развитии науки своих стран все они сыграли выдающуюся роль.

Поскольку задачей лингвистов является философское осмысление разных направлений в истории языкознания, то очень важна оценка научного вклада Ф. де Соссюра, оказавшего большое влияние не только на западноевропейскую лингвистику, но и философию. Воздействие идей Соссюра справедливо оценил А. С. Чикобава, сказав: «Концепция, изложенная в труде де Соссюра, сыграла в развитии общелингвистических воззрений Запада примерно такую же роль, какая отводится в развитии немецкой идеалистической философии критицизму Канта: западноевропейская лингвистика последних 40 лет или строится на идеях де Соссюра, т. е. в той или иной мере восходит к де Соссюру, или же развивается путем преодоления положений и идей де Соссюра»¹⁰⁵.

В философском аспекте главными в науке о языке являются проблемы лингвистического знака и структуры предложения. В начале XX в. обоснование первой проблемы было развернуто в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра¹⁰⁶, который как лингвист-мыслитель внес совершенно новую философскую ориентацию в теорию языка — раскрытие сущности языка как семиотической системы, однако за пределами его концепции осталась вторая линия исследований — теория структуры законченного высказывания.

В развитии языкознания воздействие теории Соссюра на науку XX в. справедливо связывается с изданным в 1916 г. текстом, который на протяжении почти

¹⁰⁵ А. Чикобава. Указ. соч., стр. 47.

¹⁰⁶ Заметим, что еще в 30-е годы XX в. задача философии языка представлялась только в виде первой проблемы. См.: J. Stenzel. Philosophie der Sprache. München — Berlin, 1934; а также: В. Н. Волошинов. Марксизм и философия языка.

полувека был единственным источником сведений о концепции швейцарского языковеда, несмотря на то, что содержал ряд противоречивых мест, недосказанных мыслей и неразвернутых гипотез. В настоящее время после обнаружения Р. Годелем и Р. Энглером рукописных соссюровских материалов¹⁰⁷ мы уже не можем основываться лишь на каноническом тексте «Курса ...», когда ставим перед собой задачу анализа его взглядов. Правда, реконструкция всей теории остается и сейчас гипотетической, коль скоро сам автор ее не завершил, и кажутся справедливыми несколько пессимистические слова Р. Годеля: «Мысль Ф. де Соссюра, судя по его неизданным заметкам и записям курсов, блестяща, хотя улавливается с трудом. Она концентрируется вокруг нескольких основных положений, своего рода геометрических точек, наметивших систему линий, которые должны были в конце концов определить цельную фигуру. Но мы располагаем лишь некоторыми последовательными набросками и фрагментами этой фигуры, которые не дают возможности определить с точностью ее окончательные контуры»¹⁰⁸.

Иногда задают вопрос — кем же был де Соссюр — правоверным индоевропеистом, скрупулезно занимавшимся огромным фактическим материалом и сделавшим на его основе выводы, которые являются неоценимым вкладом в компаративистику, или же он был философом языка? Для своих современников Соссюр был прежде всего индоевропеистом, автором «Мемуара о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках», именно таким он предстает перед нами в некрологах, посвященных его памяти¹⁰⁹. Однако выход в свет «Курса общей лингвистики» заставляет нас посмотреть на него не только как на крупного индоевропеиста, но как на философа языка. Ведь и он сам определил свою задачу именно в этом плане. В письме к А. Мейе еще в 1894 г. он писал: «Будучи уже долгое

¹⁰⁷ См.: E. F. K. Koerner. *Bibliographia Saussureana*. New Jersey, Metuchen, 1972.

¹⁰⁸ R. Godel. *Les sources...*, стр. 249.

¹⁰⁹ См., например, мемориальную книгу: «Ferdinand de Saussure». Morges, 1963; или A. Meillet. F. de Saussure. «Linguistique historique et linguistique générale», t. II. Paris, 1936; а также: R. Gauthiot. F. de Saussure. «Portraits of linguists», v. II. Bloomington — London, 1967.

время занят классификацией этих (языковых.— Н. С.) явлений, классификацией позиций, с которых мы рассматриваем их, я все больше и больше убеждаюсь одновременно и в огромных размерах работы, которую необходимо выполнить, чтобы показать лингвисту, что он делает, доводя при этом каждое действие до его предполагаемой категории, и в тщетности того, что можно в конечном счете сделать в лингвистике»¹¹⁰. Слова Соссюра о категориальных характеристиках языка и о его размышлениях над логической классификацией языковых фактов позволяют говорить, что сам он тоже относил поставленную перед собой задачу к философии языка.

Следует подчеркнуть, что к решению философских проблем языка Соссюр пришел от выяснения характерных особенностей онтологии языка. Для нас сейчас не столь существенно то, что эти свойства языка начали раскрываться в работе над индоевропейским материалом и, следовательно, истоки синхронической лингвистики Соссюра следует искать в его индоевропейских штудиях¹¹¹. Для нас важно, что он пришел к необходимости признать системный характер языка, его знаковую природу и поставил проблему ценности (значимости) языковых единиц, т. е. определил наличие реляционных свойств у них. И, наконец, он был первым среди лингвистов, заговорившим об общей теории знаковых систем как об особой науке, которую он назвал семиологией¹¹².

Роль Ф. де Соссюра в пересмотре традиционных задач философии языка отмечена не только лингвистами, но и философами разных стран и направлений¹¹³,

¹¹⁰ Из письма Ф. де Соссюра к А. Мейе, опубликованного Э. Бенвенистом («Cahiers Ferdinand de Saussure», v. 21, 1964, стр. 95).

¹¹¹ См.: E. *Buysens*. Origine de la linguistique synchronique de F. de Saussure («Cahiers Ferdinand de Saussure», v. 18, 1961).

¹¹² Следует указать на один малоизвестный факт: Соссюр выделил семиологию задолго до чтения курсов общей лингвистики. На основании беседы с Соссюром философ А. Навилль включил семиологию в состав гуманитарных наук (см.: A. *Naville*. Nouvelle classification des sciences. Etude philosophique. 2-eme éd. Paris, 1901. В третьем издании — 1920 г. этих сведений уже нет).

¹¹³ См., например: H. *Wein*. Sprachphilosophie der Gegenwart. Den Haag, 1963; J. *Lohman*. Philosophie und Sprachwissenschaft. Berlin, 1965; A. *Шафф*. Введение в семантику. М., 1963; А. А. *Ветров*. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968, и др. работы.

а книги, посвященные Соссюру, выходят в сериях философских работ¹¹⁴. Во французском философском журнале «La pensée» («Мысль») также появилась статья «Соображения и заметки в свете одного из прочтений Ф. де Соссюра», автор которой К. Норман ставит кардинальный вопрос — имеем ли мы дело, когда речь идет о данной теории, с эпистемологическим разрывом, в результате которого утверждается новая наука, как было, например, в случае с Галилеем, или же это был только подготовительный этап для такого разрыва, или, наконец, его значение имеет лишь внутренний характер по отношению к данной науке¹¹⁵. Эта серия вопросов, подсказанная автору Ж. Кангилемом¹¹⁶, вполне закономерна. Так, в полувековую годовщину смерти Соссюра К. Леви-Стросс в юбилейном номере «Лозанской газеты», разобрав главные идеи женевского лингвиста, патетически заключил: «Вся природа — по Соссюру», на том основании, что передача наследственной информации в клетке подчиняется законам, вскрытым в «Курсе общей лингвистики»¹¹⁷.

Такие диапазоны оценки соссюровской теории заставляют обратиться к основным проблемам «Курса ...» и, оценив их решение (или путь к их решению) с позиций науки о языке, попытаться определить их методологическую и философскую значимость.

Новизна соссюровского подхода заключалась прежде всего в том, что он, разграничив язык и речь, вслед за И. А. Бодуэном де Куртенэ и Н. В. Крушевским,

¹¹⁴ См., например: *G. Derossi. Segno e struttura linguistici nel pensiero di F. de Saussure*. Trieste, 1965 (изд. Università degli Studi di Trieste, Istituto di Filosofia); *G. Mounin. Ferdinand de Saussure*. Paris, 1968 (серия «Philosophes de tous les temps», в которой издаются работы о Лейбнице, Спинозе, Монтене, Гераклите, Платоне, Декарте, Кондильяке, Беркли, Вико, Ясперсе, Сартре, Гуссерле, Расселе и др.); отрывки из соссюровской работы включены в кн.: «Philosophic Library. Classics in semantics». Ed. D. E. Hayden, E. P. Alworth. N. Y., 1965, наряду с отрывками из трудов Бэкона, Гоббса, Локка, Беркли, Юма, Пирса, Джеймса, Эйнштейна и др.

¹¹⁵ *C. Norman. Propositions et notes en vue d'une lecture de F. de Saussure*. «La pensée», 1970, № 154. Paris.

¹¹⁶ *G. Canguilhem. Etudes d'Histoire et de Philosophie des Sciences*. Paris, 1968.

¹¹⁷ *C. Levi-Strauss. Il est aussi important que Copernic*. «Gazette de Lausanne», № 39, 16/17 février, 1963.

принял положение о системном характере языка и раскрыл его, назвав два типа отношений — ассоциативные и синтагматические — как основу выявления системы. Вместо представления системы в виде некоторого порядка элементов, что было свойственно лингвистике XIX в., начиная с Боппа, было введено требование устанавливать характер отношений между элементами и рассматривать эти связи в качестве основы для обнаружения системы языка. К применению новой методики подошел также и Ф. Ф. Фортунатов, и сам Соссюр еще в своих ранних работах над индоевропейским материалом. Эти занятия способствовали обнаружению особых категориальных характеристик языка и дали возможность определить онтологию этого уникального явления. Ж. Мунэн также отмечает, что хотя в «Мемуаре ...» термин «система» используется в старом смысле (т. е. «таблица», «схема» соответствий между этапами развития индоевропейских языков), имплицитно в этой работе присутствует идея отношений единиц¹¹⁸.

Для соссюрской философии языка установление нового метода анализа было чрезвычайно важным подготовительным этапом, так как позволило раскрыть взаимосвязь и взаимообусловленность членов системы языка и выявить реляционные свойства лингвистических единиц. Метод анализа сам по себе представляет лишь технику обнаружения реляционных свойств, однако проблема восстановления системы древнейшего вокализма и акцентуации невольно подводила к выводу, что характер индоевропейских звуков и грамматических форм не восстанавливается в своих абсолютных свойствах, т. е. в материальном облике. Но этого одного вывода было бы недостаточно, и, как было показано выше, толчок к созданию новой теории пришел извне — от знакомства Соссюра с классическими трудами в области политической экономии.

Под влиянием этих идей у Соссюра сложилось понятие ценности (значимости) лингвистических единиц, которой он уделил главное внимание в своей теории, так как считал, что понятие ценности покрывает в конечном счете понятия и конкретной единицы, и сущности, и реальности, так как в ней заключен самый важ-

¹¹⁸ См.: *G. Mounin. Saussure ou le structuraliste*, стр. 61.

ный аспект проблемы определения элементов, которыми оперирует лингвистика. Введение в науку о языке проблемы реляционных свойств единиц явилось своеобразной революцией, так как традиционный позитивистский подход ограничивался рассмотрением абсолютных свойств (значений слов, акустических и артикуляционных свойств звуков и т. п.) как конкретных сущностей языка. Соссюр отдавал себе отчет в новизне вводимой им теории и в лекциях указывал, что своеобразие природы языка раскрывается в ответе на два вопроса — 1) о единицах и 2) о тождествах, и отмечал: «Эти два вопроса ... по сути своей противоречат всему тому, что говорилось о языке до сих пор и никем еще не ставились»¹¹⁹.

Теория ценности лингвистического знака не привлекала сама по себе достаточного внимания к зарубежной научной литературе. В языковедческих трудах в целом после Ш. Балли ценность рассматривалась как виртуальное понятие, соответствующее единицам языка, как членам системы, тогда как значение сопоставлялось с речью. Лишь А. Бюрже показал трудность применения этого понятия к анализу языковых фактов, лежащих за пределами чисто фонологических отношений, в которых ценность наиболее ярко выступает, поскольку значения единиц не затемняют ее. Он взял в качестве примеров грамматические значения суффиксов времен французского глагола и на основе анализа всех форм показал, что ценности эти оппозитивны и дифференциальны и могут быть выражены вследствие этого в виде формул, изображающих наличие (или отсутствие) определенных значений, возникающих в речи (*le discours*)¹²⁰.

Т. Де Мауро интерпретирует понятие ценности в соответствии со своей теорией¹²¹, полагая, что ценности звуков — фонов (*phonie*) — это означающие, а ценности значений — это означаемые, именно они, отграничивая друг друга, составляют систему языка, которая в диалек-

¹¹⁹ *F. de Saussure. CLG-E, стр. 242.*

¹²⁰ См.: *A. Burger. «Significations» et valeur du suffix verbal français -e- («Cahiers Ferdinand de Saussure», v. 18, 1961); Он же. Essai d'analyse d'un système de valeurs.— Там же, v. 19, 1962.— Обе статьи перепечатаны в сб.: «A Geneva School Reader in Linguistics». Bloomington — London, Indiana Univ. Press, 1969.*

¹²¹ См.: *T. De Mauro. Senso e significato. Bari, 1971.*

тическом и трансцендентальном плане отличается от звуковых и значимых реализаций в акте речи. Де Мауро добавляет, что следовательно эта система «не формируется из фонико-акустической или логико-психологической материй, а точнее трансформирует эти материи в определенные фигуры: в этом смысле она является формой»¹²², абстрактной с точки зрения конкретно воспринимаемого, но конкретной с точки зрения сознания говорящих, которые придерживаются ее, когда говорят. Отметив тут же мысль Соссюра о социальном характере языка как нормы, Де Мауро подчеркивает, что признание сущностей языка, с одной стороны, абстрактными, а с другой (по эффекту) — конкретными, было направлено на преодоление одной из терминологических трудностей соссюрской эпохи и культуры.

По его мнению, в этом Соссюр оставляет на заднем плане кантовскую идеалистическую и позитивистскую философию, для которой абстрактное рассматривалось как негативное (Кант), фальсифицирующее (Гегель). Истоки переоценки абстрактного Де Мауро связывает с открытием роли условных и абстрактных символических сущностей, которое имело место в общей философии (Пирс, Мах, Кассирер, Дьюи, Карнап, а также Марти) и в психологии восприятия, к которой примыкает и Соссюр. Однако поскольку в те времена, по мнению Де Мауро, термин «абстрактный» означал скорее «маргинальный», «нереальный», «ошибочный», Соссюр был вынужден заявить, что сущности языка «ни в коей мере не абстрактны»¹²³, а для обозначения неконкретного избрать термины «духовный» (*spirituel*), или «психический»¹²⁴.

Разбирая далее идею ценности в сопоставлении с идеей произвольности и исходя из своей концепции о примате произвольности в структуре соссюрской концепции, Де Мауро обращает внимание на слова Соссюра, приводимые из рукописи Р. Энглером: «Поскольку наличествует произвольность (между означаемым и означающим.— *H. C.*), ценности полностью относительно (ре-

¹²² *T. De Mauro. Notes biographiques.*— В кн.: *F. de Saussure. Cours de linguistique générale*, стр. 421.

¹²³ *Ф. де Соссюр. Курс...*, стр. 131—132, 168 и сл.

¹²⁴ *T. De Mauro. Notes biographiques...*, стр. 426.

лятивны)»¹²⁵. По нашему мнению, это, однако, раздваивает проблему ценности, потому что становится неясным, как же устанавливаются ценности: по отношению двух сторон знака друг к другу или по отношению каждой из сторон знака к соответствующим сторонам других знаков, т. е. на основании синтагматических и ассоциативных связей¹²⁶. Этот ракурс сосюрговской постановки проблемы совсем не затрагивается у Де Мауро, а именно он является весьма важным, так как связан с методикой вычленения конкретных единиц и на ее основе установления абстрактных сущностей.

К. Норман в своей работе полагает, что понятие ценности является фундаментальным, поскольку на его фоне яснее выявляется критика традиционных представлений и при помощи него можно ответить на те вопросы, которые до этого оставались открытыми. В этой статье также отстаивается мысль о равновесии в системе, которое и создает ценности ее членов.

Разобрав подробно все возможности прочтения сосюрговских идей в «Курсе...» и отметив противоречивые места, К. Норман приходит к выводу, что все теоретические утверждения Соссюра служат «вехами в стремлении полностью противопоставить свои идеи эмпиризму и установить принцип определения предмета науки»¹²⁷. Этот принцип, по мнению автора статьи, шел вразрез со здравым смыслом говорящих и с распространенными тогда идеями грамматистов, обращавшихся лишь к тому, что очевидно. Таким образом, «если мы имеем дело с эпистемологическим разрывом, то он находится в установлении понятия ценности в той мере, в какой оно входит в совокупность постулатов: различия, синхрония — диахрония и язык — речь, определение языка как системы»¹²⁸, — заключает К. Норман.

Категория различия действительно настолько захватила Соссюра, что интерес к абсолютным свойствам единиц языка отошел на второй план. Все знают слова Сос-

¹²⁵ Цит. по кн.: *F. de Saussure*. CLG-E, стр. 254.

¹²⁶ Подробнее об этом см.: *Н. А. Слюсарева*. Главное в лингвистической концепции Ф. де Соссюра; а также в кн.: *Н. А. Слюсарева*. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975, гл. 3.

¹²⁷ *C. Norman*. Указ. соч., стр. 42.

¹²⁸ Там же, стр. 44.

сюра о том, что «важен в слове не звук сам по себе, но те звуковые различия, которые позволяют отличать это слово от всех прочих»¹²⁹.

Обнаружив важность реляционных свойств лингвистических единиц, Соссюр сосредоточил на них все свое внимание и с некоторой осторожностью сделал весьма важный философский вывод: «Мы отваживаемся сказать: главным законом языка является то, что в нем ничто не может существовать в одном члене (прямое следствие того, что лингвистические символы не состоят ни в каких отношениях с тем, что могут обозначать) ... и даже части их (символов.— *Н. С.*) не обладают ценностью сами по себе без этого своеобразного сплетения всегда негативных различий»¹³⁰. Это рассуждение в каноническом тексте «Курса...» приобрело резко сформулированный вид: «В языке нет ничего кроме различий». Правда, тут же включено смягчающее рассуждение: «Однако утверждать, что все в языке отрицательно, верно лишь в отношении означаемого и означающего, взятых в отдельности; как только мы начинаем рассматривать знак в целом, мы оказываемся перед чем-то в своем роде положительным»¹³¹. Эта своеобразная уступка была сделана потому, что для Соссюра, открывшего реляционные свойства лингвистических единиц, язык в сути своей раскрывался прежде всего как система, состоящая из элементов, между которыми устанавливаются отношения, порождающие ценности этих членов; ведь он сам говорил, что система языка основывается на противопоставлении его конкретных единиц. Уместно заметить, что совершенно прав был Р. Годель, указав, что понятие члена (*terme*) системы является одним из ключевых слов соссюрской лингвистики, но многие комментаторы Соссюра не обратили на это достаточного внимания¹³². Более того, Годель, проанализировав ряд источников, высказал предположение, что для пояснения понятия ценности можно воспользоваться равенством¹³³.

$$\frac{\text{ценность}}{\text{член}} = \text{знак} \begin{matrix} \text{означаемое} \\ \text{(означающее)} \end{matrix}$$

¹²⁹ *Ф. де Соссюр. Курс...*, стр. 117.

¹³⁰ См.: *F. de Saussure. CLG-E*, стр. 261.

¹³¹ *Ф. де Соссюр. Курс...*, стр. 119.

¹³² *R. Godel. Les sources...*, стр. 220.

¹³³ Там же, стр. 242.

Оно, однако, позволяет провести аналогию между ценностью и означаемым и дает повод рассмотреть их как две стороны одного явления — содержания знака, рассмотренного с разных точек зрения.

В свете такого решения, которое было более подробно развернуто Р. Годелем в статье «От теории знака к членам системы»¹³⁴, написана статья Р. Амакера «О понятии ценности (значимости)», в которой автор также определяет ценность как означаемое, рассмотренное с точки зрения системы. В связи с этим Амакер выдвигает две гипотезы, одну из которых он называет теоретической, а вторую — интерпретирующей. Согласно первой следует рассматривать означаемое как сложное явление, состоящее из комплекса ценностей; согласно второй — в теории Соссюра следует различать семиологический уровень отражения и собственно языковой уровень; первый объясняет ценность через отношение двух сторон знака друг к другу, а также возможность разделения субстанции содержания синонимами, переход на второй уровень связан с обращением к принципу произвольности, а следовательно, к языковой мотивированности знаков, т. е. их грамматическому разделению на основе действия ассоциативно-синтагматического механизма. Эти соображения позволили Амакеру выделить два типа ценности: лексическую — на семиологическом уровне и грамматическую — на языковом уровне, и провести их анализ. Автор заключает, что «это отражает новый аспект двойственного характера естественного языка, а теоретическое его выражение представит собой новую дихотомию»¹³⁵.

Выводы Р. Годеля, А. Бюрже и Р. Амакера, которые отождествляют ценность и означаемое, были бы верны, если бы Соссюр не привлек, помимо концептуальной ценности, также и ценность материальную, т. е. фонологическую. Кроме того, в рассмотренных работах не проводится различия абсолютных и реляционных свойств единиц языка, а именно в этом заключен пафос соссю-

¹³⁴ R. Godel. De la théorie du signe aux termes du système. («Cahiers Ferdinand de Saussure», v. 22, 1966).

¹³⁵ R. Amacker. Sur la notion de «valeur». «Studi saussuriani per Robert Godel», стр. 30; *Он же*. Linguistique saussurienne. Genève, 1975.

ровского подхода, воспринятый из работ по политической экономии. Лингвистике конца XIX — начала XX в. подход к явлениям языка в этом аспекте был совершенно чужд.

Заметим, что четкое противопоставление абсолютных и реляционных свойств вещей было сформулировано в марксистской философии, и не удивительно, что в стихийной соссюрловской диалектике мы не находим строгих формулировок, а — лишь разнообразные попытки подойти к проблеме.

Как было отмечено выше, еще Э. Буиссенс возвел истоки синхронической лингвистики Соссюра к его занятиям сравнительной грамматикой индоевропейских языков и в этом заключается, по его мнению, один из соссюрловских парадоксов¹³⁶. Э. Буиссенс называет гениальным нововведением Ф. де Соссюра то, что в своем «Мемуаре ...» он определил гласные по тем отношениям, которые позволяют идентифицировать их, независимо от звуковой субстанции¹³⁷. К этому правильному замечанию Э. Буиссенса следует добавить, что уже в первом курсе лекций по общей лингвистике в Женеве в 1907 г. Соссюр изложил свое знаменитое определение ценности опять-таки в связи с рассуждениями о цели и точности реконструкции форм и восстановления фактов. Он указал, что надо «рассматривать не абсолютную, а относительную ценность оппозитивную, релятивную, негативную»¹³⁸. Кроме того, в текстах записей лекций Соссюра гораздо больше места, чем в каноническом «Курсе...», уделено разъяснению того, что система ценностей, т. е. семиологическая система — это прежде всего социальная система, состоящая из членов разного рода (суффиксы и т. п.), в числе которых слово выступает как наиболее сложная из единиц¹³⁹.

Соссюр отмечал, что ценность с трудом устанавливается и в других науках, например в экономике, потому что она определяется извне, т. е. коллективом. Там же он говорил: «Иными словами, ценность знака в самом

¹³⁶ E. Buissens. Origine., стр. 18.

¹³⁷ F. de Saussure. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes. Leipzig, 1879.

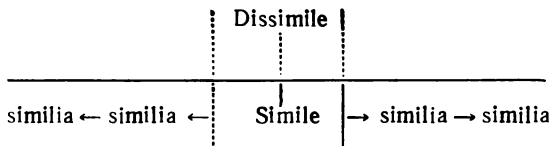
¹³⁸ См.: R. Godel. Les sources., стр. 65.

¹³⁹ F. de Saussure. CLG-E, стр. 225.

личным»), и, следовательно, таблица должна бы принять вид:

$$\frac{\text{similia} > \text{similia} > \text{similia}}{\text{similia} > \text{similia} > \text{similia}}$$

Однако, как раз наоборот, эта последняя и обычная таблица делает ценность похожей на вещь [которая обладает законами в самой себе] и создает ложное впечатление, что она обладает некоторой абсолютной реальностью. Во всех случаях надо следовать схеме:

Отношение simile : dissimile коренным образом отличается от отношения simile : similia, и тем не менее, хотя это отношение и неуловимо, оно является самым сокровенным в понятии ценности»¹⁴¹. Это говорит о том, что ценность в системе определяется прежде всего по означаемому и лишь затем проверяется по означаемому.

Соссюр придавал ценности огромное значение, он считал, что это понятие покрывает в конечном счете понятия и конкретной единицы, и сущности, и реальности; в проблеме ценности выражается, по его мнению, наиболее существенный аспект проблемы определения элементов, которыми оперирует лингвистика.

Сопоставление отдельных высказываний, включенных издателями в текст книги, позволяет говорить о двояком толковании Соссюром термина «ценность»: 1 — как результата соотношений с другими членами системы, и 2 — как результата соотношения двух сторон лингвистического знака. Однако вновь опубликованные материалы дают возможность уточнить это не совсем ясное место. Объясняя понятие ценности, Соссюр подчеркивал, что «схема отношения означаемого и означающего ... является вторичным продуктом по отношению к ценности» (разрядка наша.— Н. С.)¹⁴². Конечно, Соссюр понимал сложность вводи-

¹⁴¹ F. de Saussure. CLG-E, стр. 259—260.

¹⁴² F. de Saussure. Linguistique statique.— В сб.: «Geneva School Reader...» Ed. R. Godel. Bloomington—London, 1969, стр. 49.

мого им несомнения, когда отмечал, что «ценность в лингвистике, как и в прочих областях, устанавливается с трудом, но мы принимаем это слово со всем тем, что в нем и ясно, и туманно»¹⁴³. Сам Соссюр, как указывает Р. Годель, рассматривал проблему ценности после теории ассоциативных и синтагматических отношений, а издатели (Ш. Балли, А. Сеше) сделали из нее введение в изучение системы и механизма языка¹⁴⁴. Когда Соссюр рассматривал два аспекта ценности — концептуальный и материальный, — он по существу имел в виду лишь толкование ценности, устанавливаемой по соотношению с другими членами системы, и этот подход превалирует во всей его работе. Именно это толкование выделяет концепцию Ф. де Соссюра среди прочих теорий его времени, оно определило жизненность соссюрской концепции и ее влияние на последующее развитие науки о языке.

Тем не менее определение места ценности в структуре лингвистического знака чрезвычайно важно, так как надлежит решить вопрос, является ли ценность чем-то внешним по отношению к знаку или, как и значение, она входит в его состав, представляет собой неотъемлемую черту его, без которой немыслимо его существование.

Предложение ввести ценность в состав знака было сделано еще Э. Бюиссенсом при обсуждении проблемы произвольности и возможности обращаться к действительности, определяя означаемое. Бюиссенс высказал мысль о том, что помимо ценности следует определить еще одно понятие, а именно то, что в означаемом составляет связь сознания с действительностью и что Соссюр называл «значением» (*signification*). Однако Бюиссенс использовал данный термин лишь по отношению к значению фразы в целом, а для значения слова как знака предлагал использовать новый термин «десигнант» (*designant*). «Таким образом,— писал он,— можно сказать, что означаемое содержит два элемента: ценность и десигнант»¹⁴⁵. Бюиссенс отмечал, что до Соссюра уче-

¹⁴³ *F. de Saussure. Linguistique statique*, стр. 50.

¹⁴⁴ *R. Godel. Les sources...*, стр. 230.

¹⁴⁵ *E. Buissens. Le structuralisme et l'arbitraire du signe. «Studii si cercetari lingvistice. Omagiu lui Al. Graur»*, № 3, al. 11, 1960, стр. 407.

ные интересовались лишь десигнантом, в котором растворялась ценность, и все это называли «смыслом» (*sens*) или «значением» (*signification*). После Соссюра упор был перенесен на ценность и у структуралистов возникла тенденция растворить в ней десигнант.

Соглашаясь с тем, что ценность составляет неотъемлемую черту знака, без которой он не может быть самим собой, так же как и без значения, мы подчеркиваем, что именно она представляет реляционные свойства знака. Эти реляционные свойства проистекают от наличия прочих членов в системе и, основываясь на абсолютных свойствах, предстают перед нами в виде дифференциальных признаков единиц языка. В наиболее «чистом» виде это свойство выступает у фонологических единиц (ср. *бар — пар* и *бар — вар*, где в качестве дифференциальных признаков выступают разные свойства звуков), поэтому неудивительно, что Соссюр обнаружил его, занимаясь реконструкцией индоевропейских звуков. Но то, что при этом он опирался на данные морфологии, заставило его задуматься над природой обнаруженного им явления, сущность которого ему удалось определить, обратившись к политической экономии.

Кроме этого, неясность и противоречивость отдельных высказываний Соссюра объясняется тем, что в то время еще не была определена иерархия уровней языковой системы, а при их сопоставлении оказывается, что отдельные его выражения могут быть отнесены к свойствам единиц разных уровней.

Критические замечания к теории Соссюра можно развертывать на фоне некоторой модели или схемы построения языковых единиц, в которой развернуто соотношение частей единиц разных уровней¹⁴⁶.

Следует оговорить, что мы исходим из двусторонней природы лингвистического знака. Однако мы прибегаем к схеме, к модели построения знака, как к приему его познания.

¹⁴⁶ Такая модель была нами предложена еще в 1967 г. См.: Н. А. Слюсарева. Теория ценности языковых единиц. «Язык как знаковая система особого рода. Материалы к конференции». М., 1967.— Мысль о том, что соотношение ценности и значения различно у единиц разных уровней, была высказана и В. З. Панфиловым (см.: «Роль естественных языков в отражении действительности и проблема языкового знака». — ВЯ, 1975, № 3, стр. 35).

До настоящего времени остается открытым вопрос о включении материальной стороны в состав знака. Мы полагаем, что материальную форму нельзя исключить из состава знака, так как благодаря ей осуществляется коммуникация; вместе с этим отражение в сознании материальной формы знака также должно быть включено в его состав; их единство образует вместе с материальной формой означающее, или план выражения.

План выражения, таким образом, представлен нами в виде единства двух частей: материальной, т. е. звуковой (или транспонированной в любую другую материю), и идеальной, т. е. отпечатка (образа) материальной стороны в сознании. Благодаря звуковой стороне член системы языка как знак вводится в речь и этим обеспечивается его функционирование, которое, однако, не мыслимо без внутреннего содержания, так как определяется им.

План содержания, или означаемое, в свою очередь, представляется в виде двух частей: значения и ценности. Значение соотносится с областью мышления через смысл, который определяется нами как связь понятий, тогда как ценность устанавливается по месту знака в системе, т. е. по его отношениям с другими знаками, и представляет его реляционные свойства. Значение и ценность, входя в структуру знака, взаимодействуют и взаимно определяют друг друга.

Структура знака может быть представлена в виде схемы (рис. 1).

В приведенной схеме ¹⁴⁷ M, M¹ и S представляют собой абсолютные свойства знака, а V является его реляционным свойством.

Материальная форма, ее отпечаток в сознании, значение и ценность — это необходимые компоненты знака, которые в свою очередь могут быть подразделены на составные части. Так, звуки разлагаются на акустические и артикуляторные свойства; значение тоже неоднородно: лексическое значение подразделяется на номинативное, экспрессивно-стилистическое, фразеологическое и т. п. (мы уже не говорим о семантических признаках — семах).

¹⁴⁷ В нашей статье «Главное в лингвистической концепции Ф. де Соссюра» данная схема по техническим причинам изображена не совсем точно (прим. 95).

словах, словосочетаниях и т. п. Ценность каждой единицы устанавливается через фонологические оппозиции, выявляющие отношения фонем в пределах системы.

На фонологическом уровне ценность единиц является ведущим свойством, составляющим внутреннюю сторону этой единицы. Значение же оказывается в очень своеобразном положении, оно существует как бы на «заднем плане», оно имплицировано в ценности, но вместе с тем нельзя сказать, что оно отсутствует совершенно, так как именно ориентация на него определяет существование фонемы. Нельзя также сказать, что ценность и значение совпадают на этом уровне единиц, ибо значения как такового нет во внутренней стороне фонемы. Отсутствие значения, присущего каждой фонеме, дает право не считать фонему знаком и позволяет рассматривать ее как явление, служащее лишь в качестве опоры для выявления значения у единиц более высоких уровней, т. е. фонемы выступают в виде своеобразного строительного материала, из которого конструируются значимые единицы. Соотношение ценности и значения на фонологическом уровне можно представить в виде схемы (рис. 2).

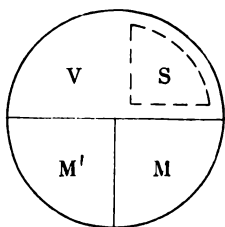

Рис. 2

- I* — М — звуки; т. е. материя;
 М' — отображение звуков в сознании;
 S — значение;
 V — ценность;
II — Пунктир, которым очерчена область значения, указывает, что оно имплицировано в ценности.

Фонологический уровень — это материальная основа всей системы языка, а акустические и артикуляторные свойства звуков выступают как дифференциальные признаки фонем. Звуки же при их функционировании в речи — это и есть не что иное, как фонемы (или их экспоненты) в гносеологическом понимании. Отображение звуков в сознании, их ценность и способность служить опорой для значения, т. е. для выражения смысла — все эти явления вместе рассматриваются нами как звено, служащее для переключения материального в идеальное, потому что последнее не существует и не может су-

ществовать в отрыве от первого, представляя собой не что иное, как преобразование материального в нашем сознании.

То обстоятельство, что ценность фонем выступает на первом плане, а значение лишь имплицитно, т. е. скрыто присутствует в них, дало возможность Ф. де Соссюру сказать, что материальные элементы языка — звуки — определяются не свойственными им положительными качествами, а исключительно тем, что не смешиваются с другими. «Фонемы,— писал он,— прежде всего это сущности оппозитивные, релятивные и негативные»¹⁴⁸. Выше указывалось, что к такому определению Соссюр пришел, работая над реконструкцией праязыковых состояний, для которых точность воспроизведения звуков фактически не существовала. Стремление показать новый ракурс рассмотрения лингвистических объектов отодвинуло на второй план материальную основу их существования, наличие которой не вызывало у Соссюра ни малейшего сомнения¹⁴⁹.

Если учитывать разнородный характер единиц языка, вывод Соссюра, что «в семиологических системах, как, например, в языке, где все составные элементы находятся в обоюдном равновесии согласно определенным правилам, понятие тождества сливается с понятием ценности и обратно»¹⁵⁰, может быть применен без оговорок лишь к фонологическому уровню, на котором ценность выступает в качестве единственного представителя внутренней стороны, поскольку значение имплицитовано в ней. Специфика ценности единиц фонологического уровня, познанная Соссюром, спровоцировала появление еще одной его крылатой фразы о том, что в языке нет ничего, кроме различий.

При переходе к более высоким уровням языковой системы проблема ценности осложняется, так как в двусторонних единицах соотношение ценности и значения выступает иначе, чем на фонологическом уровне.

Основной единицей морфологического уровня является морфема, первая двусторонняя единица, анализу которой посвящено огромное количество работ.

¹⁴⁸ Ф. де Соссюр. Курс..., стр. 164 и 118.

¹⁴⁹ Подробнее об этом: Н. А. Слюсарева. Теория..., гл. 3.

¹⁵⁰ Ф. де Соссюр. Курс..., стр. 111.

Для морфем может быть представлена структурная схема (рис. 3).

Функциональное деление морфем на словообразующие и формообразующие не может не учитываться при выяснении того, как же соотносятся в морфеме ценность и значение, которые вместе представлены в плане содержания этой единицы.

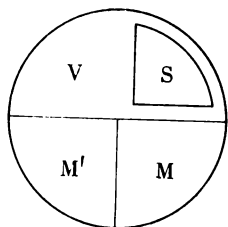

Рис. 3

- М — материальная сторона;
- М' — отражение материальной стороны;
- V — ценность;
- S — значение

В наиболее общем виде можно сказать, что в схеме морфемы значение и ценность сосуществуют, хотя это сосуществование может принимать характер преобладания одной из частей. Корневые и словообразовательные морфемы представляют собой разряд, у которого значение выступает в полной мере и этим достигается приближение этого разряда к единицам лексического уровня, показанным на схеме 1. Действительно, наличие денотативного значения у корней и словообразующих аффиксов является признаком, сближающим эти элементы со словом, однако не приходится забывать, что значение корней существует не столько у каждого отдельного корня, сколько у всего гнезда слов и определяется лишь в его пределах, представляя собой максимальное отвлечение от отдельных слов, значение которых устанавливается в связи с отражением в сознании предметов действительности. У формообразующих морфем ценность доминирует над значением, что показано на схеме 3 включением значения в ценность. Грамматическое значение, вместе с тем, не совпадает с ценностью, хотя несомненно, что они связаны, так как лишь из противопоставления словоформ мы заключаем о наличии у них грамматического значения и, далее, выдвигаем представление о грамматической категории, этим выходя к проблеме соотношения грамматического и логического. Ценность формообразовательных морфем настолько явно выступает на первом плане, что целесо-

образно их определять как знакоподобные единицы. На основе реляционных свойств морфем данного разряда в языкознании утвердилось понятие нулевых морфем.

Знакоподобный характер морфем выявляется в том, что их значение подчинено ценности, производно от нее.

Рассматривая особенности системы языка, Ф. де Соссюр привлекал для демонстрации своих положений главным образом факты грамматики и, наблюдая соотношения явлений этого рода, он делал порой заключения общего характера, как, например, вывод о том, что знак «сам по себе никакого присущего ему значения не имеет»¹⁵¹, так как для знака главным свойством является ценность. Но данное утверждение может касаться лишь уровня морфем, у которых ценность выступает как ведущее свойство. Области морфем касается и высказывание Соссюра о том, что «отличительные свойства единицы сливаются с самой единицей», а затем делается общий вывод о том, что «в языке, как и во всякой семиологической системе, то, чем знак отличается, и есть все то, что его составляет»¹⁵². Данное положение не может касаться уровня слов, оно действительно лишь для морфем, у которых ценность перекрывает значение. Только к области морфем может также относиться замечание Соссюра, сделанное им в одной из лекций, что ценность — это синоним смысла, значения, так как это положение иллюстрируется соотношением множественного числа в немецком и французском языках, с одной стороны, и в санскрите, — с другой. К этому Соссюр добавляет весьма важную мысль, что значение может абстрагироваться от ценности, но не наоборот. Однако это характеризует лишь соотношение между ценностью и значением на лексическом уровне, но не на морфемном.

Уровень слов занимает особое положение в системе языка, так как слово является ее центральной единицей. Слово рассматривается нами как тот элемент в системе, который с полным правом может называться знаком¹⁵³, хотя тут же следует подчеркнуть, что оно кардинальным образом отличается от знаков прочих се-

¹⁵¹ Ф. де Соссюр. Курс., стр. 126.

¹⁵² Там же, стр. 120.

¹⁵³ Ср.: В. М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование. М., 1971. См. также: А. А. Уфимцева. Типы словесных знаков. М., 1974.

миотических систем, поскольку значение слова присуще ему и составляет его естественную часть, тогда как в знаки искусственных систем значение привносится извне, создается за их пределами при помощи естественного языка и на его основе.

Для слова, как и для морфемы, ценность прежде всего концептуальна. Но в слове ценность зависит от значения, последнее же создается в процессе номинации. В структуре слова как знака ценность появляется как зависимый элемент, хотя весьма важный, так как вводит слово в лексическую систему языка.

Структура слова в наибольшей степени отвечает идеальной схеме знака (см. рис. 1). Остальные схемы позволяют показать, что понятие ценности не может рассматриваться лишь в применении к значимым единицам языка, а важно для всех уровней системы языка.

Новизна открытия реляционных свойств заставила Соссюра поставить эти свойства на первое место, отдав им основное в характеристике языка. Соссюр определил лингвистическое тождество как тождество ценности, а затем ввел определение: «Весь лингвистический механизм вращается вокруг тождеств и различий. Заметим только, что ставить вопрос о единицах или о тождествах, это одно и то же»¹⁵⁴. Соссюр поставил принцип дифференциации на первое место в определении системы языка. Но, отодвинув абсолютные свойства на второе место, он этим сделал шаг в сторону идеализма. Вместе с этим, важность сделанного шага нельзя преуменьшать. Изучение теории отношения стало к середине XX в. главным в лингвистических исследованиях.

В зарубежной философии эта сторона учения Соссюра привлекла значительное внимание. Отмечается, что соссюровский принцип дифференциации может рассматриваться как принцип противоречия в формальной логике познания, а два других ее закона — исключенного третьего и достаточного основания — содержатся в его фразе о том, что в языке есть только различия без положительных членов¹⁵⁵. Как бы в полемике с этим утверждением высказывается мнение о том, что акцент на

¹⁵⁴ *F. de Saussure*. CLG-E, стр. 245. Ср.: *Ф. де Соссюр*. Курс., стр. 109.

¹⁵⁵ См.: *J. Lohmann*. Philosophie und Sprachwissenschaft. Berlin, 1965, стр. 39.

дифференциации показывает недостаточность старой логики и позволяет А. Лефевру сблизить Соссюра с Гегелем, так как в учении Соссюра появляется некоторая диалектизация¹⁵⁶, которую отмечает и Т. Де Мауро. Однако принцип дифференциации, по Соссюру, не содержит присущей диалектическому противоречию идеи развития. Проблема противоречия решена Соссюром скорее в формально-логическом, а не в диалектическом плане, хотя нельзя отрицать того, что элементы стихийной диалектики вкраплены в его рассуждения о сущности языка. Проблема противоречия была впервые применена Соссюром к лингвистическому материалу, но получила новый импульс, реализованный в лингвофилософских учениях последующих поколений ученых.

Перед лингвистами-марксистами теперь стоит задача рассмотреть проблему противоречия в свете диалектической логики, поскольку язык представляет собой огромное поле для ряда сложнейших антиномий-проблем¹⁵⁷.

По нашему мнению, Соссюр трактует теорию ценности прежде всего по отношению к двум сторонам знака, взятым в отдельности, так как именно этот ракурс освещает системность языка. На это обращает внимание и С. Д. Кацнельсон, который, оценивая критически идею значимости в целом, пишет, что Соссюр «впервые отметил существование парадигматических рядов, в которых значение каждого элемента связано со значениями всех других элементов данного ряда. Он впервые выделил значимость как особый момент, отражающий семантические расхождения между языками»¹⁵⁸. Критические замечания С. Д. Кацнельсона были вызваны отождествлением соссюровской концептуальной ценности (значимости) с «общим значением», что, видимо, не соответствует идеям автора «Курса...», однако несомненно, что именно эта область является наиболее сложной, так как в теории Соссюра осталось неразъясненным соотношение ценности и значения. В одной из лекций было сказано: «Наверное, в лингвистике наиболее тонкой операцией является рассмотрение того, в чем же смысл за-

¹⁵⁶ *H. Lefebvre*. Указ. соч., стр. 78.

¹⁵⁷ См.: *И. С. Нарский*. Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969.

¹⁵⁸ *С. Д. Кацнельсон*. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965, стр. 69.

висит и чем в то же время он отличается от ценности»¹⁵⁹, а Ш. Балли даже заметил, что «фактически Соссюр нигде не определил значение»¹⁶⁰.

Сложность проблемы концептуальной ценности объясняется тем, что она связана с проблемой значения и подводит к философскому вопросу соотношения материального и идеального¹⁶¹.

Соссюра также привлекала проблема соотношения идеального и материального опять-таки с точки зрения лингвистической природы знака. В своих лекциях он разъяснял структуру знака в виде схемы¹⁶²: (рис. 4).

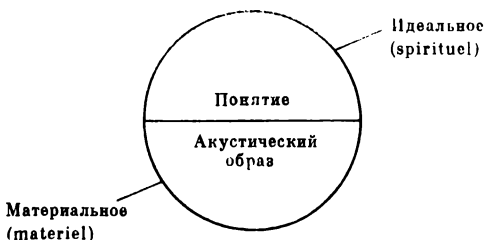

Рис. 4

В этой схеме было специально отмечено, что надо понимать «материальное» — в смысле «чувственное», т. е. получаемое при помощи органов чувств, как абстракцию от конкретно-чувственного. Нетрудно заметить, что в каноническом тексте это философское противопоставление снято и остается неясным, почему в дальнейшем, разъясняя соотношение языка и мышления, Соссюр настаивает на том, что не происходит ни спиритуализации звуков, ни материализации идей¹⁶³. Издатели ввели в текст и фразу о параллелизме между звуковым и психическим, хотя ни в одной из записей этого нет, и нет, следовательно, оснований говорить, что Соссюр следовал теории психо-физического параллелизма¹⁶⁴.

¹⁵⁹ *F. de Saussure*. CLG-E, стр. 258, текст V.

¹⁶⁰ Там же, стр. 261, текст VI.

¹⁶¹ Из последних работ см.: *В. З. Панфилов*. Указ. соч.

¹⁶² См.: *F. de Saussure*. CLG-E, стр. 149.

¹⁶³ Ср.: *Ф. де Соссюр*. Курс., стр. 112.

¹⁶⁴ Ср.: *А. Г. Волков*. О теоретических основаниях дихотомической гипотезы языка и речи Ф. де Соссюра. «Вестник МГУ», серия VII, 1964, № 2, стр. 45.

В личных заметках о философском подходе к языку Соссюр полемизировал с теми, кто отстаивает первичность объекта и вторичность имени. Он отмечает, что философы, рассуждая о языке, упускают из виду то, что язык состоит не из одних имен, а случаи, когда лингвистическому знаку соответствует единичный объект, типа «лошадь», «огонь», «солнце», являются чрезвычайно редкими; в таком рассуждении, замечает Соссюр, таится подход к языку как номенклатуре. По его мнению правильной является обратная схема, начинающаяся с имен, т. е. имена позволяют человеку определять объекты и расчленять окружающую действительность. В этом рассуждении Соссюра чувствуется влияние Кондильяка и предваряется гипотеза лингвистической относительности Сэпира — Уорфа¹⁶⁵. В другом месте Соссюр, возражая против сравнения языка с вуалью, которая набрасывается на мир, говорит, что «язык скорее похож на стекла очков, через которые мы созерцаем предметы»¹⁶⁶. В этом сравнении содержится признание того, что предметы существуют независимо от языка, но именно через него познаются их особенности.

Следует указать, что в лекциях Соссюр не выделял особого раздела — «Язык как мысль, организованная в звучащей материи» и нигде не употреблял такой формулировки, введенной издателями, а весь материал, собранный в этом параграфе, служил ему для введения концептуальной ценности¹⁶⁷. Рассуждения о связи языка и мышления были разбросаны по всем разделам курса, так как Соссюр стремился раскрыть лингвистическую сторону этой проблемы, понимая, что лишь этот путь доступен для исследования.

Поскольку Соссюр интересовал лингвистический аспект проблемы соотношения языка и мышления, он подходил к нему с разных сторон в своей теории лингвистического знака. Древний спор о вещи и имени он изложил через принцип произвольности знака. Он толковал этот принцип как произвольность связи означающего и означаемого, однако иллюстрация примерами этого принципа подсказывает мысль о том, что произ-

¹⁶⁵ *F. de Saussure*. CLG-E, стр. 148.

¹⁶⁶ Там же, стр. 242, тексты II и IV.

¹⁶⁷ Там же, стр. 151.

вольность лежит и в основе знака в целом, в его соотношении с обозначаемой вещью. Именно это и породило многочисленные упреки Соссюру в ходе дискуссии 1939 г. и в дальнейшем¹⁶⁸.

Соссюр стремился постичь лингвистический аспект проблемы и, отодвинув в сторону вещь и понятие, звук и акустический образ, он подчеркнул, что связь между означающим и означаемым обуславливается не только наличием этих двух компонентов, но и тем, что есть в языковой системе вокруг них. В тексте книги сказано: «Великим заблуждением является взгляд на языковой элемент просто как на соединение некоего звука с неким понятием. Определить его так, значило бы изолировать его от системы, в состав которой он входит: это повело бы к ложной мысли, будто возможно начинать с языковых элементов и из их суммы строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путем анализа доходить до заключенных в нем элементов»¹⁶⁹. Философская ориентация этого рассуждения направлена против позитивистского атолизма и тяготеет к устремлениям гештальт-психологии, начало формирования которой относят к 90-м годам XIX в. Неудивительно, что это требование, совпавшее с феноменологией Э. Гуссерля, было впоследствии подхвачено Л. Ельмслевом.

В центре интересов Соссюра была лингвистическая природа явления, что следует также из замены двух особенностей знака, произвольности и условности (которые были определены еще в дососсюровской науке), на одну, ибо условность как раз предполагает связь имени с вещью. Условность находится за пределами языковых фактов и является внешним свойством слова, т. е. она иррелевантна для его внутренней природы, произвольность же — это внутреннее свойство знака, как связь его двух сторон. Мы полагаем, что именно поэтому Соссюр заменил эти два свойства одним и вместо произвольности и условности знака в «Курсе...» говорится лишь о первой.

¹⁶⁸ См.: «Acta Linguistica», v. 1. Copenhagen, 1939, и др. тома; «Zeichen und System in der Sprache», Bd. 1 (1961), Bd. 2 (1962), Bd. 3 (1966). Berlin; E. F. K. Koerner. Contribution au débat post-saussurien sur le signe linguistique. The Hague — Paris, 1972.

¹⁶⁹ Ф. де Соссюр. Курс., стр. 113.

Произвольность трактуется Соссюром прежде всего как немотивированность, т. е. отсутствие естественной связи между означающим и означаемым. Он рассматривал произвольность как принцип, реализующий основные семиотические свойства языка¹⁷⁰, но с другой стороны, по его мнению, именно произвольность резко отличает язык от прочих социальных явлений, так как с нею связана проблема «изменчивости и неизменчивости знака»¹⁷¹. В противовес законам принуждения (Э. Дюркгейм) и законам подражания (Г. Тард), которые, по мнению французских социологов, определяют социальный факт, Соссюр выдвигает закон традиции, господствующий в языке как социальном явлении. С другой стороны, отличие языка от прочих социальных явлений, связанное с принципом произвольности, заключено в характере развития единиц языка, так как обе стороны лингвистического знака могут изменяться независимо одна от другой. Это положение было для Соссюра весьма важным для обоснования внутренней двойственности лингвистики. Говоря об этом, он с сожалением писал: «Этот взгляд, внушенный нам исторической лингвистикой, не был известен традиционной грамматике, которая своими методами и не могла его сформулировать. Равным образом и большинство философов языка ничего о нем не знает, между тем ничто столь не важно с философской точки зрения»¹⁷² (выделено нами.— Н. С.).

В своем предисловии в «Курсу...» Соссюра Т. Де Мауро подчеркивает, что «Соссюр видел в произвольности фундаментальный принцип всей лингвистической реальности»¹⁷³, поскольку она, являясь основой организации (правда, в разной степени) любой семиотической системы, определяет оппозитивный характер сущностей как означаемого, так и означающего. По мнению Де Мауро, оппозитивность вместе с линейностью выступают в качестве двойной основы того, что Соссюр называл равновесием языка, и в этом плане язык состоит из мельчайших сегментов означающего и означаемого и основ-

¹⁷⁰ Там же, стр. 79.

¹⁷¹ Ф. де Соссюр. Курс..., стр. 81 и сл.

¹⁷² Там же, стр. 92.

¹⁷³ Т. De Mauro. Introduction, стр. IX.

ных схем их возможных комбинаций, т. е. «язык есть система структур минимальных знаков»¹⁷⁴. К этому Де Мауро добавляет возможность производства новых знаков на основе аналогии как созидательной силы языка. Из произвольности он выводит два важных свойства языка, отмеченных Соссюром,— изменчивость во времени и социальный характер: «Произвольность и социальный характер языка, соединенные в комплексе оппозитивных и синтагматических отношений, обуславливают полную непредсказуемость появления и исчезновения различий в языке с течением времени»¹⁷⁵. Таким образом, понятие произвольности было положено в основу толкования и синхронии с диахронией. Де Мауро подчеркивает, что соссюровская концепция языка как синхронической системы не только не отрицает, но, наоборот, наиболее строгим образом подкрепляет диахронические исследования.

Де Мауро ставит произвольность в центр универсальных свойств всех языков; отдельные же языки он рассматривает как в плане означающего, так и означаемого, с точки зрения случайного характера их природы и значимости их устройства, детерминированного человеческим обществом на протяжении их развития во времени и пространстве. Именно так, по мнению Де Мауро, Соссюр подходил к языку и определял его как историческое явление, не потому, что он развивается, а потому, что мотивированность в языке носит случайный характер, детерминированный по месту и времени. Произвольность, по мнению Де Мауро, это свойство, в котором то, что унаследовано человеком в биологическом плане, благодаря социальной и временной случайности, стыкуется с исторической случайностью: «Произвольность — это форма, благодаря которой природа становится историей»¹⁷⁶, — заключает он. В непонимании этих проблем, выдвинутых в «Курсе...», Де Мауро видит причину того, что эта книга, которую так часто цитируют, в сущности осталась в своеобразной изоляции, а ее критики на протяжении полувека вместо того, чтобы анализировать концепцию в целом, «предпочитали выдергивать из нее отдельные фрагменты, кото-

¹⁷⁴ *T. De Mauro*. Introduction, стр. IX.

¹⁷⁵ Там же, стр. XIII.

¹⁷⁶ Там же, стр. XIV.

рые можно было использовать в качестве оружия либо защиты, либо нападения»¹⁷⁷.

В помещенных после канонического текста комментариях к «Курсу...» Де Мауро еще несколько раз обращается к проблеме произвольности. Например, он связывает ее с проблемой идентификации единиц на основе их ценности (*valueur*): «Ценности звуков — это означающие какого-либо языка, а ценности значений — это их означаемые», — пишет он и считает, что эти ценности произвольны как с точки зрения фоонико-акустической, так и логико-психологической, и, определяя друг друга, составляют систему. Де Мауро вводит свое толкование сосюрговской концепции языка как формы, которая четко трансформирует в определенные фигуры весь фоонико-акустический и логико-психологический материал. «Эта форма абстрактна с точки зрения конкретно-воспринимаемого..., но она конкретна с точки зрения сознания говорящих, которые держатся за нее, когда говорят»¹⁷⁸. Формальные характеристики языка синхроничны, но являются продуктом развития во времени, поэтому «язык как форма глубоко историчен». К этим рассуждениям Де Мауро присоединяет оговорку: «Если наша интерпретация верна, можно понять, что хотел сказать Сосюр, называя принцип произвольности первым и первой истиной. Произвольность стоит на первом месте в порядке вещей (*ordo rerum*), она является основой, на которой воздвигается здание языка как формы, и является основным правилом всей языковой игры».

В связи с этим Де Мауро полагает, что книга Сосюра «должна была открываться страницами 243—244 и 109—110»¹⁷⁹ о диахроническом и синхроническом тождестве, затем должен был следовать переход к признанию произвольного характера знака и, следовательно, формального характера языка, и, наконец, завершаться в своей первой части методическим определением лингвистического явления в той мере, в какой оно представляет определенную ценность (значимость, *valeur*), или в той мере, в какой оно является фоонико-акустическим или психологическим проявлением речи (*parole*)»¹⁸⁰.

¹⁷⁷ Там же, стр. XV.

¹⁷⁸ *T. De Mauro. Notes biographiques...*, стр. 421.

¹⁷⁹ Дано по русскому изданию.

¹⁸⁰ *T. De Mauro. Notes biographiques...*, стр. 421.

Де Мауро отмечает, что в противоположность этому издателя, основываясь на записи беседы Соссюра с Ридлингером о примате разграничения языка и речи, поместили его в начало книги без каких-либо оговорок или разъяснений, и именно из-за этого многое осталось неясным, в частности вопрос о примате принципа произвольности, а прочие положения «повисли в воздухе», как критически заметил К. Рогер¹⁸¹. Де Мауро, более того, считает, что решение издателей нарушило внутреннюю логическую стройность изложения идей Соссюра и текст «Вульгаты» (так Де Мауро именуется канонический текст «Курса») представил мысль женеvского теоретика разорванной на куски, которые были размещены по разным частям книги. Де Мауро полагает, что произвольность является тем принципом, который лежит в основе всей теории Соссюра, однако нам представляется, что в центр следует ставить идею ценности, так как она ранее не ставилась ни в лингвистике, ни в философии, а идея произвольности знака ведет свое начало от античного спора «fusei» и «thesei»¹⁸². Новым в науке было и введение второго принципа языкового знака. Этот принцип — линейность означающего — занимает в «Курсе...» меньше места, чем первый, но Соссюр придавал ему очень большое значение и отмечал, что на этот принцип обращали меньше внимания, имея, по-видимому, в виду то, что первым принципом занимались философы.

Одним из важных следствий принципа линейности является наличие в языке синтагматических отношений, которые показывают зависимость языка от речи. Речевые характеристики — развертывание звуковой цепи и законы расположения единиц — оказываются возведенными Соссюром в систему языка, но четкость противопоставления языка и речи оказывается смазанной. Линейность выявляется как черта, присущая не самому знаку, а сочетаемости знаков, последовательности их расположения, причем Соссюр рассматривал не только расположение слов, но и аффиксов. На лекциях он поднимал вопрос: почему порядок их следования строго

¹⁸¹ См.: К. Rogger. Kritischer Versuch über de Saussure's CLG. «Zeitschrift für romanische Philologie», Bd. 61, H. 1—6, 1941.

¹⁸² Э. Косериу заметил, что, например, у Св. Августина и Св. Фомы теория знака, связанная с произвольностью, является более тонкой и глубокой (см.: Э. Косериу. Синхрония., стр. 152).

определен, и отвечал, что причиной этого является линейность слова: «Слово не может иметь начала и конца». И далее: «Линейность языка является первостепенной гарантией того, что порядок этот надо искать в слове; из этой линейности вытекает необходимость того, что слово имеет начало и конец, что оно состоит лишь из единиц, расположенных в последовательности»¹⁸³.

Вторым важным следствием этого принципа Соссюру считал возможность отграничения единиц, что в свою очередь непосредственно связано с методами анализа языка. Р. Гodel отмечает, что отграничение единиц, по Соссюру, основывается на означаемом, а принцип анализа целиком связан с линейностью означающего¹⁸⁴.

Р. Энглер, разбирая второй принцип лингвистического знака, отметил, что линейность также является семиотическим свойством, поскольку синтагматические отношения в такой же мере сохраняются в памяти и психике, как и ассоциативные¹⁸⁵.

Несмотря на то, что Соссюру придавал этому принципу большое значение, он также весьма спорен, так как характеризует не знак сам по себе, а возможность следования знаков, т. е. их сочетаемость, которая не во всех случаях относится к языку, а представляет собой важнейшую характеристику речи.

Соссюру подчеркивал, что синтагматические отношения важны, так как с них начинается анализ языковых фактов. Следовательно, второй принцип лингвистического знака и синтагматические отношения служат связующим звеном при переходе от речи к языку и обратно¹⁸⁶.

Этим подводится база для решения философского вопроса о сущности предмета науки о языке.

Соссюру был лингвистом-философом, и он не случайно ввел противопоставление языка и речи, назвав его

¹⁸³ *F. de Saussure*. CLG-E, стр. 300.

¹⁸⁴ См.: *R. Godel*. De la théorie du signe aux termes du système. «Cahiers Ferdinand de Saussure», v. 22, 1966.

¹⁸⁵ *R. Engler*. La linéarité du signifiant. «Studi saussuriani per R. Godel». Bologna, 1974. См. также: *R. Amacker*. Linguistique saussurienne, где доказывается (не вполне убедительно), что идеи современных синтаксических теорий так же восходят к концепции Соссюра (см. «Реферативный журнал», общественные науки за рубежом, серия 6. «Языкознание», 1976, № 4).

¹⁸⁶ См. также: *В. А. Звегинцев*. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.

первым перекрестком на исследовательском пути ученого. Он подошел к философскому определению языка и речи как абстрактного и конкретного, но диалектика восхождения от абстрактного к конкретному осталась за пределами метафизического подхода, который характеризует его теорию. За пределами взглядов Соссюра осталась также возможность решить соотношение языка и речи на основе диалектики общего и частного.

Поставив проблему соотношения языка и речи в качестве основы для определения языка как системы чистых ценностей, Соссюр ввел лингвистический подход к ряду философских проблем, точнее очертил часть проблем философии языка. Подход Соссюра был прогрессивен в свое время, но философские корни его концепции были весьма нечеткими, из-за чего многие поставленные им проблемы оказались полны парадоксальных, а порой и противоречивых решений.

Такая противоречивость привела к тому, что, с одной стороны, ряд его положений прочно вошел в арсенал современной науки о языке и принимается языковедами, стоящими на позициях диалектического материализма, например, противопоставление языка и речи, синхронии и диахронии, правда, при учете их взаимосвязи, а некоторые положения вызывают широкую полемику, например, теория двустороннего характера языкового знака и его произвольность, вычленение объекта семиологии, допустимость операциональных определений и др. С другой стороны, нечеткость философской базы, корнями своими уходящей в идеализм, привела к тому, что к соссюровской концепции обращаются и экзистенциалист М. Мерло-Понти¹⁸⁷ — приверженец феноменологического метода, и этнолог и социолог К. Леви-Стросс, чья точка зрения на анализ социальных институтов расходится с позицией исторического материализма, и литературный критик Р. Барт, пытавшийся создать надыдеологическую литературную науку. Эти далеко не исчерпывающие примеры показывают, что воздействие идей Соссюра ощутимо далеко за пределами лингвистики, но эта тема требует особого разбора с позиций марксистской философии и выходит за рамки данной работы.

¹⁸⁷ См.: Н. А. Слюсарева. Экзистенциализм М. Мерло-Понти и проблемы языка.— В кн.: «Вопросы романо-германской филологии» (сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца, вып. 91, М., 1975).

ГЛОССЕМАТИКА

1

Как известно, копенгагенский структурализм не отличается ни единством концепции, ни многочисленностью представителей. Основное место в нем занимает учение Л. Ельмслева, разработанное им совместно с Х. Ульдаллем в середине 30-х годов. Это учение, получившее название «глоссематика», на протяжении трех десятилетий излагалось в ряде работ Л. Ельмслева; в систематическом виде оно было представлено по-датски в небольшой монографии «К обоснованию теории языка»¹, через десять лет появившейся в английском переводе², а затем и в русском³. Несколько отличный вариант глоссематической теории — как общей теории науки в целом — содержится в работе Х. Ульдалля «Основы глоссематики»⁴. Распространение некоторых теоретических принципов глоссематики на материал сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического языкознания предпринято в рассчитанной на широкий круг читателей работе Л. Ельмслева «Язык», написанной в конце 1941 г., но впервые опубликованной в 1963 г.⁵

Глоссематика представляет собой крайнее проявление европейского лингвистического структурализма, стремившегося утвердить понимание языка как абстракт-

¹ *L. Hjelmslev. Omkring sprogteoriens grundlaeggelse. København, 1943.*

² *L. Hjelmslev. Prolegomena to a theory of language. Baltimore, 1953.*

³ *Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960.*

⁴ *H. J. Uldall. Outline of glossematics, I. «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague», 1957, v. X/1.*

⁵ *L. Hjelmslev. Sproget. En introduction. København, 1963.* Эта работа вышла в английском переводе (*L. Hjelmslev. Language. An Introduction. Madison (Milw.) — London, 1970*) и в чешском (*L. Hjelmslev. Jazyk. Praha, 1971*).

тной, идеальной системы чистых отношений. К числу активных и относительно последовательных сторонников глоссематики принадлежит лишь несколько ученых, главным образом членов Копенгагенского лингвистического кружка (Х.-Х. Серенсен, Х.-Ст. Серенсен, К. Дидерихсен, К. Тогеби, Ф. Уитфилд). Некоторые другие копенгагенские структуралисты (Э. Фишер-Йоргенсен, Х. Спанг-Хансен) признают не все положения глоссематики или же принимают их с серьезными оговорками (см. ниже). Частично приближались к глоссематике на этапе ее становления структуралистические взгляды рано умершего В. Брендаля.

Сравнительная немногочисленность последовательных сторонников глоссематики объясняется, в первую очередь, значительным своеобразием глоссематической теории, требовавшим от лингвистов со сложившимися научными взглядами резкой методологической переориентации. Тем не менее для основного круга структуралистически настроенных лингвистов Копенгагена глоссематика в послевоенный период стала главным центром притяжения. Именно поэтому, говоря о копенгагенском структурализме, следует иметь в виду прежде всего глоссематику, представленную в работах Л. Ельмслева и Х. Ульдалля.

В опубликованных рецензиях представителей различных направлений мирового языкознания, в том числе и структуралистов, преобладают более или менее резкие отрицательные оценки глоссематической теории в целом или ее отдельных принципиальных положений⁶. Чаше

⁶ См.: В. А. Звегинцев. Глоссематика и лингвистика. «Новое в лингвистике», вып. I (там же дан перечень важнейших отзывов о глоссематике); В. Siertsema. A study of glossematics. Critical survey of its fundamental concepts. 2-d ed. The Hague, 1965; (с приводимыми в библиографии отзывами); см. также: О. С. Ахманова. Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания.— ВЯ, 1953, № 3; А. Rosetti. Sur la glossématique de Louis Hjelmslev. «Prace filologiczne», t. XVIII, cz. 1. Warszawa, 1963; В. Schnau. Kritischer Abriss der Glossematik. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe», XII. Jg. Leipzig, 1963; В. П. Мурат. Глоссематическая теория. «Основные направления структурализма». М., 1964; Т. А. Дегтерева. Пути развития современной лингвистики, кн. 3. М., 1964, стр. 77—86; В. Trnka. Hjelmslevova teorie jazykové analýzy. «Časopis pro moderní filologii», zeš. 1. Praha, 1967; O. Ducrot. [реу.]. H. J. Uldall.

всего повторяется серьезное возражение против главного положения глоссематики, выражающего ее основной смысл, положения о якобы чисто формальной природе языка и об абсолютной независимости формы в языке от оформляемой ею субстанции как в плане выражения, так и в плане содержания. Указывая на практическую невозможность рассмотрения языковой формы в отрыве от материальной субстанции выражения или же от так называемой субстанции содержания, авторы рецензий отмечают ряд противоречий в теории Ельмслева, вызванных его стремлением к последовательному проведению постулированного им исходного положения⁷. Многие авторы указывают на бесперспективность разработанной Ельмсловом теории, которая, согласно его установке, должна иметь чисто произвольный характер и не может оцениваться с точки зрения ее соответствия конкретным фактам языка. И почти все лингвисты, даже наиболее благосклонно относящиеся к глоссематике, признают ее практическую непригодность к исследованию конкретных языков.

Наряду с критическими высказываниями в адрес глоссематики встречаются и одобрительные оценки это-

Outline of glossematics. Copenhagen, 1967.—См.: «La linguistique», 1973, v. 2, fasc. 9. Paris, стр. 149—152; *G. Helbig*. Geschichte der neueren Sprachwissenschaft. Leipzig, 1970, стр. 60—72; *Ф. М. Березин*. История лингвистических учений. М., 1975, стр. 233—248.

⁷ См.: *A. Martinet*. Au sujet des Fondaments de la théorie linguistique de Louis Hjelmslev. «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», v. 42, 1946, стр. 19, 37—38 (см. также: «Новое в лингвистике», вып. I, стр. 437, 455—456); *F. Hintze*. Zum Verhältnis der sprachlichen «Form» zur «Substanz».—«Studia Linguistica». Lund—Copenhagen, 1949, v. III, N 1, стр. 95—101; *C. E. Bazell* [рец.]. L. Hjelmslev. Omkring sprogteoriens grundlaeggelse. København, 1943.—«Archivum Linguisticum», v. I. Glasgow, 1949, стр. 91; *P. L. Garvin* [рец.]. «Prolegomena to a theory of language. By Louis Hjelmslev».—«Language», 1954, v. 30, N 1, стр. 91—93; *B. Siertsema*. A study of glossematics, стр. 121—129 и др.; *Она же*. Further thoughts on the glossematics idea describing linguistic units by their relations only. «Proceedings of the VIII International congress of linguists». Oslo, 1958, стр. 143; *В. А. Звегинцев*. Глоссематика и лингвистика, стр. 229—234; *E. Fischer-Jørgensen* [рец.]. L. Hjelmslev. Omkring sprogteoriens grundlaeggelse. København, 1943.—«Nordisk Tidsskrift for Tale og Stemme», Arg. VII, 1943, стр. 92; *Она же*. Form and substance in glossematics. «Acta Linguistica Hafniensia», 1966, v. X, № 1, стр. 10—11.

го структуралистического направления. Однако единого обоснования таких оценок их авторы не дают. Иногда в качестве положительных моментов теории Ельмслева, имеющих значение для дальнейшего развития языкознания, называются применяемые в глоссематике понятия «коммутация», «катализ», «фигура содержания»⁸ и некоторые другие. Но большинство языковедов справедливо считают, что эти понятия либо существовали в науке задолго до Л. Ельмслева и были им лишь несколько иначе определены и использованы (как, например, понятие коммутации, отражающее общеизвестное положение о том, что изменение означающего влечет за собой изменение означаемого и наоборот⁹), либо же являются научно несостоятельными (как, в частности, понятие фигуры содержания, т. е. простейшего семантического компонента содержания, неразложимого на более простые компоненты и параллельного в этом отношении фонеме как фигуре выражения¹⁰).

В своей пространной рецензии на книгу Л. Ельмслева «Пролегомены к теории языка», опубликованную в английском переводе, П. Гарвин писал, что ни одно из многочисленных подробных правил процедуры лингвистического анализа, изложенных Ельмсловом, не представляет собой чего-либо нового в мировом языкознании¹¹. Подобного мнения придерживается и ряд других лингвистов.

Иногда высказывается мысль, будто глоссематика в последнее время приобретает практическое значение для разработки проблемы машинного перевода¹². Но говорить о практическом значении какой-либо теории можно лишь в том случае, если ее применение уже дало кон-

⁸ Ср.: Ю. Д. Апресян. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966, стр. 65; Н. Ch. Sørensen. The problem of linguistic basic elements. «Acta Linguistica Hafniensia», 1967/1968, v. XI, № 1, Copenhagen.

⁹ См.: Ю. С. Маслов. Основные направления структурализма. «Вопросы общего языкознания» (см.: «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 354), 1967, стр. 77—78; В. Schnau. Указ. соч., стр. 151.

¹⁰ См.: А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева. «Новое в лингвистике», вып. I, стр. 458—459; P. L. Garvin. Указ. соч., стр. 93—94; В. Siertsema. A study of glossematics, стр. 157—161.

¹¹ P. L. Garvin. Указ. соч., стр. 95.

¹² В. Schnau. Указ. соч., стр. 152—153.

кретные результаты. Пока же речь идет только о необходимости построения абстрактной теории языка, на основании которой можно было бы создавать языки-посредники для машинного перевода¹³.

Таким образом, явно преобладающее среди лингвистов мира мнение сводится к тому, что многолетняя разработка глоссематической концепции не принесла лингвистике никаких непосредственных результатов ни теоретического, ни практического характера. Уделяемое этому направлению до сих пор внимание объясняется, в первую очередь, той ролью, которую оно выполняет как наиболее последовательное выражение идей лингвистического структурализма, и той популяризацией, которую оно получило в многочисленных печатных выступлениях самого Л. Ельмслева и его сторонников.

И все же сделанный вывод не может стать основанием для того, чтобы полностью отказать глоссематике в каком-либо значении для развития науки о языке. Необходимо признать, что разработанная Л. Ельмсловом и Х. Ульдаллем теория языка в специально-научном плане явилась первой, хотя и во многом неудачной, попыткой последовательного применения к анализу языковой структуры соответствующих идей математической логики¹⁴ и тем самым в значительной степени способствовала развитию математической лингвистики. С другой стороны, глоссематика представляет определенный интерес и своей отрицательной стороной — как яркий пример обусловленности коренных недостатков научной теории ложными философско-методологическими предпосылками, из которых она исходит. Именно с этой точки зрения целесообразно рассмотреть истоки философских и методологических принципов датского структурализма, в частности глоссематики.

¹³ Ср.: О. С. Ахманова, Г. Б. Микаэлян. Современные синтаксические теории. М., 1963, стр. 42—43; В. П. Мурат. Указ. соч., стр. 167.

¹⁴ Критический анализ недостатков глоссематической теории в плане использования возможностей математической логики дается в работах: Ю. К. Лекомцев. Основные положения глоссематики. — ВЯ, 1952, № 4, стр. 96—97; В. П. Мурат. Указ. соч., стр. 168—169; G. Ungeheuer. Logischer Positivismus und moderne Linguistik (Glossematik). «Språkvetenskapliga Sällskapetets Förhandlingar, 1958—1960». Uppsala, 1961, стр. 9—22.

Общеметодологические принципы глоссематики формировались постепенно в течение ряда лет, и в них нашли свое отражение различные более или менее близкие между собой теории и взгляды. При этом определенную роль сыграли также личные интересы и склонности создателей глоссематики.

Непосредственной предпосылкой развития копенгагенского структурального языкознания и, в частности, глоссематики стал рано проявившийся у Л. Ельмслева и некоторых его будущих коллег интерес к практическому изучению языков и одновременно к разработке единой общелингвистической теории. Поиски научных основ для этой теории с естественной неизбежностью вели прежде всего к лингвистическим учениям, наиболее распространенным и влиятельным на том этапе в Дании и в Европе вообще. Так, например, первый период научной деятельности Ельмслева прошел под влиянием датского языковеда Х. Вивеля (считавшего, что в языке следует признавать только такие грамматические категории, которые имеют специальные формальные выражения, и что описание языка должно быть чисто синхроническим), а также учения Э. Сепира, русских формалистов (особенно М. Н. Петерсона и А. М. Пешковского) и французско-швейцарской лингвистической школы, настаивавшей на необходимости создания всеобщей грамматики¹⁵. Впоследствии Ельмслев и Ульдалль испытали значительное влияние со стороны пражской фонологической школы.

Изучение и использование в собственных работах специально лингвистических положений различных авторов уже на ранних этапах сопровождалось и усвоением (вместе с этими лингвистическими положениями или же из других источников) определенных философских установок, которые могли впоследствии повлиять на развитие у датских лингвистов, и в частности у В. Брендаля, структуралистического подхода к языку. На формирование лингвистических взглядов В. Брендаля решаю-

¹⁵ E. Fischer-Jørgensen. Obituary: Louis Helmslev. «Acta Linguistica Hafniensia», v. IX, № 1, 1965, стр. V—VI; Она же. Form and substance in glossematics, стр. 2.

щее влияние оказали труды датских языковедов В. Томсена, О. Есперсена, Х. Педерсена, а также А. Мейе, М. Граммона, Ф. де Соссюра, Н. С. Трубецкого и ряда западноевропейских философов¹⁶. Однако В. Брендалль с самого начала своей научной деятельности едва ли не в большей степени, чем языкознанием, интересовался проблемами философии. В числе философов, оказавших на него существенное влияние, можно назвать Аристотеля, Спинозу, Лейбница, Канта, Бергсона, Гуссерля, Геффдинга, Мейерсона, Лаланда и др. Во взглядах В. Брендалля на язык как целостную систему, или структуру, можно проследить отражение идей Спинозы о целостности природы и о познании как раскрытии целостной картины природы¹⁷. Феноменологическое учение Гуссерля о сознании и познании как целостной структуре принималось В. Брендалем в качестве философской основы для изучения реальных категорий, являющихся содержанием системы языка и обладающих, как полагал Брендалль в отличие от Ельмслева и Ульдалля, относительной независимостью от системы¹⁸. В учении Аристотеля и Лейбница о пассивности материи и активности формы можно усматривать один из источников поддерживаемого Брендалем структуралистического положения об определяющей роли структуры языка как его формы по отношению к составляющим его элементам. Особое значение для развития представлений Брендалля о роли отношений в определении сущности соотносящихся элементов языка имели взгляды датского философа, сторонника позитивизма Х. Геффдинга. Лаландовская критика теории эволюционизма Спенсера была использована Брендалем для подкрепления принимаемого им положения о преобладающем значении для науки устойчивого, постоянного и тождественного по сравнению с изменяющимся и развивающимся.

По словам Л. Ельмслева, его собственные методологические принципы начали оформляться уже на первом

¹⁶ М. Ivić. Pravec i lingvističci. Ljubljana, 1963, стр. 122—123.

¹⁷ См.: «Философская энциклопедия», т. 5. М., 1970, стр. 112—114 (там же дальнейшая библиография).

¹⁸ В. Брендалль. Структуральная лингвистика.— В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1960, стр. 46.

этапе его научной деятельности, еще до знакомства с теорией Ф. де Соссюра, которое состоялось в 1925 г.¹⁹ Следует, однако, подчеркнуть, и это признает сам Ельмслев, что наиболее глубокое влияние на развитие копенгагенского структурализма и, в частности, на формирование глоссематики оказали методологические принципы лингвистической теории Соссюра.

Из сложного комплекса идей, составляющего учение Соссюра о языке, глоссематика восприняла с более или менее значительными видоизменениями различие языка и речи, понимание языка как системы знаков и понимание знака как единства означающего и означаемого, положение о том, что язык есть форма, а не субстанция и в языке нет ничего, кроме различий, а также о том, что в лингвистике должен рассматриваться язык в самом себе и для себя. Большинство этих идей Соссюра, при всей самостоятельности и относительной целостности его теории, в свою очередь, восходит к предшествующим или современным ему лингвистическим и философским концепциям.

Различие языка и речи у Соссюра принято объяснять влиянием позитивистско-идеалистических взглядов французского социолога Э. Дюркгейма²⁰. Действительно, соссюровское понимание языка как социального продукта, пассивно регистрируемого индивидом, и речи как индивидуального акта полностью совпадает с пониманием «социального факта» и «индивидуального акта» у Дюркгейма. Но сходство между Соссюром и Дюркгеймом в данном случае касается только социологического осмысления противоположности языковой системы и речевого акта и вовсе не предполагает, что само различие этих двух аспектов языка заимствовано Соссюром у Дюркгейма. Известно, что эти два аспекта различал уже В. Гумбольдт²¹. Связь этих понятий в концепции Соссюра с теорией Гумбольдта проявляется даже в употреб-

¹⁹ Л. Ельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике.— В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания..., ч. II, стр. 53.

²⁰ См.: W. Doroszewski. *Filosofia i sociologia Durkheima*. «*Studia i szkice językoznawcze*». Warszawa, 1962, стр. 100—101; E. Hildenbrandt. Versuch einer kritischen Analyse des *Cours de Linguistique générale* von Ferdinand de Saussure. Marburg, 1972, стр. 9; и др. работы.

²¹ Ср.: Ф. М. Березин. Указ. соч., стр. 50, 60, 183.

лении Соссюром соответствующих гумбольдтовских выражений: заявляя, что «в любую минуту язык есть и живая деятельность и продукт прошлого»²², Соссюр явно имеет в виду утверждение Гумбольдта о том, что «язык есть не продукт деятельности (ergon), а деятельность (energeia)»²³. Правда, формулировка приведенного положения Гумбольдта может быть понята в том смысле, будто наличие устойчивой системы языка как продукта языкового развития вообще отрицается²⁴. Но это не так. «По своей действительной сущности,— говорит Гумбольдт там же,— язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент переходящее»²⁵. И дальше: «Я намереваюсь исследовать функционирование языка в самом широком плане — не только в его связях с речью и составом его лексических элементов, как непосредственных продуктов речи, но и в отношении к деятельности мышления и восприятия»²⁶. Понятие системы языка представляется в теории Гумбольдта даже в двух планах. Во-первых, это понятие содержится в гумбольдтовском определении языка «как совокупности его продуктов», который «отличается от отдельных актов речевой деятельности»²⁷. Но данное здесь определение языка допускает и другое понимание — как совокупности текстов, т. е. зафиксированных результатов речевых актов на данном языке, принадлежащих по существу к плану речи. С большей определенностью понятие системы языка обнаруживается в том виде, который оно получило у Гумбольдта под названием «внутренняя форма языка». Достаточно сопоставить лишь несколько из тех признаков, которыми Гумбольдт характеризует понятие внутренней формы языка, чтобы увидеть, что речь идет именно об абстрактном научном понятии языковой системы. «Постоянное и единообразное»²⁸ в этой деятельности духа,— пишет Гумбольдт в

²² Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 34.

²³ В. Гумбольдт. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода.— В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания..., ч. I. М., 1960, стр. 73.

²⁴ Ср.: К. Hordlek. Filosofie jazyka. Praha, 1967, стр. 22.

²⁵ В. Гумбольдт. Указ. соч., стр. 73.

²⁶ Там же, стр. 78.

²⁷ Там же, стр. 81.

²⁸ Ср. аналогичные формулировки копенгагенских структуралистов (например: Л. Ельмслев. Прологомены..., стр. 269).

характерном для него идеалистическом ключе,— возвышающей артикулированный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка ... Характерная форма языка зависит от его мельчайших элементов, и, с другой стороны, каждый из этих элементов тем или иным и не всегда ясным образом определяется языком ... Из всего сказанного с полной очевидностью явствует, что под формой языка разумеется отнюдь не только так называемая грамматическая форма... Понятие формы языка выходит далеко за пределы правил словосочетаний и даже словообразования... Образование основ само должно быть объяснено формой языка, так как без применения этого понятия останется неопределенной и сущность языка... для того, чтобы составить представление о форме языка, необходимо обратить особое внимание на реальные свойства его звуков. С алфавита начинается исследование формы языка, он должен служить основой для исследования всех частей языка... По самой своей природе форма языка, в противоположность материи, есть восприятие отдельных элементов языка в их духовном единстве»²⁹. Нет никаких принципиальных различий между приведенными характеристиками внутренней формы языка у Гумбольдта и общим пониманием языковой структуры в современном языкознании. Именно эти характеристики нашли свое отражение в выделенном Соссюром понятии языка как устойчивой системы, все элементы которой обусловлены их взаимными связями.

В отличие от Брендаля, допускавшего применение к языковой системе (структуре) дюркгеймовского понятия «социального факта»³⁰, Ельмслев освободил разработанное Соссюром понятие языка как системы от его социологического аспекта, придав этому понятию более абстрактный и «имманентный» характер. Тем самым в глоссематику не были включены связи, соединявшие сосюррианское понятие языка с социологическим учением Дюркгейма, и поэтому стала более четкой прямолинейная связь, соединяющая глоссематическое понятие языка через теорию Соссюра с теорией Гумбольдта.

²⁹ В. Гумбольдт. Указ. соч., стр. 74, 75, 76.

³⁰ В. Брендаль. Указ. соч., стр. 43.

Философское понимание языка в глоссематике определяется воспринятым Ельмслевом через Соссюра от Гумбольдта идеалистическим положением о том, что язык есть форма, а не субстанция. «Если мы сохраним терминологию Соссюра,— писал Л. Ельмслев,— и будем исходить именно из его предположений,— станет ясным, что субстанция зависит от формы в такой степени, что существует исключительно благодаря ей и никоим образом не имеет независимого существования»³¹. Соответствующая мысль у Соссюра формулируется следующим образом: «Характерная роль языка в отношении мысли не заключается в создании материального звукового средства для выражения идей, но в том, что он служит посредником между мышлением и звуком и притом таким образом, что их объединение неизбежно приводит к обоюдному разграничению единиц ... Лингвист, следовательно, работает в пограничной области, где сочетаются элементы обоих порядков; *это сочетание создает форму, а не субстанцию*»³². «Ведь ясно,— говорится у Ф. де Соссюра дальше,— что звук, элемент материальный, не может сам по себе принадлежать к языку. Он для языка нечто вторичное, лишь используемый им материал»³³. Идеалистическая сущность такого понимания языка особенно четко выражена в другом месте работы Соссюра: «Иначе говоря,— подчеркивается здесь еще раз,— *язык есть форма, а не субстанция* ... Необходимо как можно глубже проникнуться этой истиной, ибо все ошибки нашей терминологии, все неточные наши характеристики явлений языка коренятся в том невольном предположении, что в лингвистическом феномене есть *какая-то субстанциальность*»³⁴. Это понимание представляет собой лишь незначительное видоизменение мыслей Гумбольдта о природе языка. «Форме,— писал В. Гумбольдт,— противостоит, конечно, материя, но чтобы найти материю формы языка, необходимо выйти за пределы языка... Действительная материя языка — это, с одной стороны, звук вообще, а с другой — совокуп-

³¹ Л. Ельмслев. Пролегомены..., стр. 308.

³² Ф. де Соссюр. Указ. соч., стр. 112, 113.

³³ Там же, стр. 117.

³⁴ Там же, стр. 120.

ность чувственных впечатлений и произвольных движений духа, предшествующих образованию понятия, которое совершается с помощью языка»³⁵.

Следует отметить, что идеи Гумбольдта проникали в глоссематику, по-видимому, не только в преломлении через концепцию Соссюра, но и непосредственно из первоисточника. Это касается, в частности, наметившегося у Гумбольдта различия двух планов формы в языке, соотносимых с двумя планами «материи» — звуковой материей и не оформленной в понятия сферой психики³⁶. У Соссюра фигурирует вместо этого единое понятие формы, общее для плана идей и для плана звуков. В отличие от Соссюра и следуя за Гумбольдтом, Л. Ельмслев говорит о двух противопоставлениях: формы и субстанции в плане содержания и формы и субстанции в плане выражения³⁷. При этом, стремясь к абсолютному отрыву интеллектуального содержания языка от внеязыковой действительности, Ельмслев придает терминам «содержание» и «выражение» чисто произвольное значение, допуская возможность свободного употребления одного из них вместо другого и наоборот.

Представления Гумбольдта о формальной, т. е. идеальной, природе языка как проявлению народного духа, осуществляющего творческий анализ действительности, в известной степени перекликаются с учением Канта о категориях чистого разума, при помощи которых формируются понятия о непознаваемом в принципе внешнем мире. Однако говорить о прямой зависимости взглядов Гумбольдта от «критической» философии Канта нет оснований. Скорее можно предположить, что учение Гумбольдта о внутренней форме языка явилось результатом разработки в аспекте, близком к философии Канта, проблемы роли языка в духовной жизни общества, обстоятельно сформулированной И. Гердером³⁸. Что же касается положения об определяющей роли формы языка по отношению к его материи (субстанции), то оно имеет глубокие корни в истории идеалистической

³⁵ В. Гумбольдт. Указ. соч., стр. 75, 76.

³⁶ Там же, стр. 83—84 и сл.

³⁷ Л. Ельмслев. Пролегомены..., стр. 306, 310—314.

³⁸ См.: Н. Arens. Sprachwissenschaft. Der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. Freiburg — München, 1955, стр. 104—105.

философии и восходит к хорошо известным соответствующим взглядам Аристотеля и Платона.

Понимание формы как основной сущности языка получает в глоссематике и более конкретное выражение, заключающееся в сведении языка к системе чистых отношений, именуемых здесь функциями. Связываемые этими отношениями элементы языка объявляются лишенными самостоятельного существования и признаются лишь результатами пересечения пучков отношений. «Зависимости,— писал Л. Ельмслев,— которые наивный реализм рассматривает как вторичные, предполагающие существование объектов, становятся с этой точки зрения первичными, предопределяемыми взаимными пересечениями... Постулирование объектов как чего-то отличного от терминов отношений является излишней аксиомой и, следовательно, метафизической гипотезой, от которой лингвистике предстоит освободиться»³⁹. Именно такой подход к языку как к системе чистых отношений, как к реляционному каркасу, является наиболее характерным признаком европейского лингвистического структурализма, в котором глоссематика заняла ведущее место.

Положение о решающей роли отношений в структуре языка Ельмслев унаследовал от Соссюра вместе с его более общим положением об определяющем характере формы в языке. Непосредственную связь этого положения глоссематики с концепцией Соссюра отмечает сам Ельмслев: «Все указывает на то,— говорится в «Прологоменах»,— что Соссюр, который повсюду искал «зависимости» (гаррот) и утверждал, что язык есть форма, а не субстанция, признавал первичность зависимостей в языке»⁴⁰. Представляется лишь несколько излишней та сдержанность, с которой Ельмслев говорит в данном случае о точке зрения Соссюра. На нее не только «все указывает», но сам Соссюр сформулировал ее вполне определенно в следующих словах: «Весь лингвистический механизм вращается исключительно вокруг тождеств и различий, причем эти последние — только оборотная сторона первых»⁴¹. «Подобно концептуальной стороне, и материальная сторона значимости обра-

³⁹ Л. Ельмслев. Прологомены..., стр. 283.

⁴⁰ Там же; ср. Л. Ельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике, стр. 49.

⁴¹ Ф. де Соссюр. Указ. соч., стр. 109.

зуется исключительно из отношений и различий с прочими элементами языка»⁴². «Все предшествующее приводит нас к выводу, что *в языке нет ничего, кроме различий*. Более того, различие, вообще говоря, предполагает положительные моменты, между которыми оно и устанавливается; но в языке имеются только различия *без положительных моментов*»⁴³. Другое дело, что в посмертно изданном тексте «Курса...» Ф. Де Соссюра нет последовательности ни в оценке характера соотношения тождеств и различий в языке, ни даже в определении их роли по сравнению с реальными единицами языка, поскольку наряду с утверждениями, подобными только что приведенным, «Курс...» содержит и утверждения противоположного смысла, например, о том, что «входящие в состав языка знаки суть не абстракции, но реальные объекты ... их именно и их взаимоотношения изучает лингвистика; их можно назвать *конкретными сущностями* этой науки»⁴⁴. Эта непоследовательность, как одно из проявлений незавершенности работы Соссюра, не снимает того факта, что Соссюр многократно повторял положение о первичном характере тождеств и различий, т. е. чистых отношений при сопоставлении их с соотносящимися элементами. Поэтому представляется несколько неточной мысль Ельмслева о том, что будто «признание того факта, что целое состоит не из вещей, но из отношений и что не субстанция, но только ее внутренние и внешние отношения имеют научное существование, конечно, не является новым в науке, но может оказаться новым в лингвистике»⁴⁵. Ко времени опубликования книги Л. Ельмслева такой подход был известен в лингвистике уже по меньшей мере 27 лет — с 1916 г., когда был опубликован «Курс...» Ф. де Соссюра.

Положение о том, будто «научное существование» имеют не объекты, а только их отношения, впервые было введено в лингвистику Соссюром. Вместе с тем, это положение в науке вообще, точнее в философии, действительно, не является новым. Во времена Соссюра оно было особенно характерно для философских взглядов

⁴² Ф. де Соссюр. Указ. соч., стр. 117.

⁴³ Там же, стр. 119.

⁴⁴ Ф. де Соссюр. Указ. соч., стр. 105.

⁴⁵ Л. Ельмслев. Прологомены..., стр. 283.

неокантианцев Г. Когена, П. Наторпа, Э. Кассирера, Г. Риккерта, позитивиста А. Пуанкаре и др.⁴⁶ Гносеологической основой такого подхода у всех этих философов было неправомерное перенесение математических понятий, свойственных методам исследования в точных науках, на конкретные объекты исследований. «Реальный предмет, как предмет математической науки,— писал Г. Коген,— имеет свою методологическую основу в математике и, стало быть,— в числе»⁴⁷. При этом понятие о числе сводится у Когена к понятию о функции, т. е. об отношении. Функциональные понятия об отношениях, согласно Когену, лежат в основе всех точных естественных наук. Математическое понятие функции, которому Лейбниц придал значение взаимной зависимости между двумя переменными величинами, Коген делает одной из новых логических категорий⁴⁸, подводя под нее одновременно категорию причинности⁴⁹. Наряду с этим он вводит категорию системы, которую делает главной категорией природы⁵⁰. «Только система,— пишет Г. Коген,— способна привести вещь, предмет к завершению, к объединению»⁵¹. «В системе отношение приходит к своему завершению»⁵². Чтобы уяснить подлинный философский смысл этих положений, необходимо иметь в виду, что действительность существует для Когена только в форме мышления⁵³.

В работах Г. Риккерта реальные вещи еще более прямолинейно сводятся к отношениям. Риккерт считает возможным лишь «временно ... придерживаться того мнения, что телесный мир состоит из вещей и что эти вещи суть телесные субстанции — носительницы свойств»⁵⁴. «Итак,— пишет Г. Риккерт,— хотя многие науки и оперируют понятиями вещей, однако следует сказать, что чем более какой-либо науке приходится

⁴⁶ Ср.: «Современная буржуазная философия». М., 1972, стр. 31—32, 41, 45—46, 54, 97, 98.

⁴⁷ *H. Cohen. Logik der reinen Erkenntnis.* Berlin, 1902, стр. 509.

⁴⁸ Там же, стр. 239—240.

⁴⁹ Там же, стр. 246.

⁵⁰ Там же, стр. 280, 289, 292 и др.

⁵¹ Там же, стр. 290; ср. стр. 291.

⁵² Там же, стр. 341.

⁵³ Там же, стр. 12—14, 40, 43 и др.

⁵⁴ *Г. Риккерт. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки.* СПб., 1903, стр. 97.

пользоваться понятиями вещей, тем более она удалена от той цели, к достижению которой стремится всякая естественная наука: от уразумения закономерной связи вещей»⁵⁵. «Вещи, из которых согласно логически совершенной теории только и может состоять телесный мир, фигурируют в науке лишь как пустое нечто (ein leeres Etwas). Собственно говоря, имеют значение лишь те отношения, в которые вступают друг к другу эти вещи»⁵⁶. «Разрешение вещи в необходимые отношения, в которых находятся друг к другу ее свойства, соответствует разрешению понятия в суждения»⁵⁷. Одновременно с разложением вещей на отношения Риккерт вводит в свою теорию понятие ценности как основного критерия при выделении одного исторического индивидуума или одной группы индивидуальных свойств из числа других⁵⁸.

Признание ведущей роли отношений, а не вещей, в научном понимании действительности было характерно и для А. Пуанкаре. По его мнению, то, что может постичь наука, — «не суть вещи в себе, как думают наивные догматики, а лишь отношения между вещами; вне этих отношений не существует познаваемой действительности»⁵⁹. В ряде случаев А. Пуанкаре отождествлял действительность с отношениями, которые он, вместе с тем, считал невозможными без их осмысления умом⁶⁰.

Важное место отводилось категории отношения в философии раннего неокантианца Ш. Ренувье, отрицавшего в связи с этим кантовскую «вещь в себе», и основателя позитивизма О. Конта, включавшего понятие отношения в само понятие «позитивной» науки⁶¹.

Распространение в философии и науке второй половины XIX в. преувеличенной оценки роли отношений в структуре действительности было обусловлено двумя главными факторами. С одной стороны, категории отношения отводится центральное место в учении о категориях Канта, который считал, что все познание сводится к увязыванию предметов путем определения их взаим-

⁵⁵ Г. Риккерт. Указ. соч., стр. 70.

⁵⁶ Там же, стр. 94.

⁵⁷ Там же, стр. 96.

⁵⁸ Там же, стр. 303—315.

⁵⁹ А. Пуанкаре. Наука и гипотеза. М., 1904, стр. 3—4.

⁶⁰ См.: А. Пуанкаре. Ценность науки. М., 1906, стр. 185—190.

⁶¹ См.: Н. Höffding. Der Relationsbegriff. Leipzig, 1922, стр. 10.

ных отношений⁶². Как на своего предшественника в истолковании роли отношений на Канта ссылаются Г. Коген, Г. Риккерт, О. Конт и др.⁶³ Но в философии Канта понимание роли отношений не имело того ярко выраженного идеалистического характера, который оно получило у неокантианцев.

С другой стороны, непосредственным источником понимания отношений в качестве единственной основы действительности у неокантианцев, как и впоследствии у неопозитивистов, было субъективно-идеалистическое истолкование идей и методов успешно развивавшейся в то время математической логики в качестве единой методологии научного познания мира. Эта связь идеализма с необоснованным расширением сферы применения математики не была чем-то абсолютно новым в истории философии. Подобные идеи выдвигались уже в философии пифагореизма, провозглашавшей число онтологической единицей бытия⁶⁴. Что же касается понимания чистых отношений как ведущего фактора в структуре действительности, то оно явным образом перекликается с идеалистической философией Платона, в которой природа вещей объявляется порождением структуры объективно существующих идей⁶⁵.

Если унаследованное глоссематикой от Ф. де Соссюра различие языка и речи имеет специально-научный, собственно лингвистический характер и в зависимости от способа его осуществления может быть полезным для исследования языка, то восходящее непосредственно к тому же источнику положение о том, что язык есть форма, а не субстанция, и связанное с ним утверждение о ведущей роли отношений в структуре языка представляют собой ярко выраженные проявления философ-

⁶² Там же, стр. 7—8.

⁶³ См.: *H. Cohen*. Указ. соч., стр. 185; *Г. Риккерт*. Указ. соч., стр. 96; *A. Comte*. Discours sur l'esprit positif. Paris, 1844, стр. 20.

⁶⁴ Ср.: «Современная буржуазная философия», стр. 31.

⁶⁵ Ср.: *Платон*. Сочинения, т. 3, кн. 1. М., 1971, стр. 34—36 («Филеб», 29—31); комментарий А. Ф. Лосева к «Филебу» там же, стр. 563, 571, 572. Ср. также учение Платона об образовании всех четырех первоэлементов мира из одинаковых идеальных треугольников, по-разному соединяемых (там же, стр. 494—499, «Тимей», 53—56). Близость философии структурализма с идеализмом Платона отмечалась неоднократно; см.: *В. И. Свидерский*. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. М., 1962, стр. 138; *В. Трнка*. Указ. соч., стр. 26; и другие работы.

ского идеализма в языкознании, сводящего лингвистическую теорию к бесплодному фантазированию. Именно в этом заключается важнейшая причина неудачи, постигшей глоссематику как попытку теоретического осмысления языка. Другая причина коренится в неопозитивистской ориентации всего теоретического построения глоссематики.

4

Наряду с соссюрианством логический позитивизм является основным источником, из которого был почерпнут ряд определяющих идей глоссематики. На связь глоссематики с логическим позитивизмом, в частности со взглядами А. Уайтхеда, Б. Рассела и особенно Р. Карнапа, указывает сам Л. Ельмслев⁶⁶. Он же сообщает о широком обмене мнениями, состоявшемся между ним и датскими неопозитивистами Й. Йоргенсенем и Э.-Т. Расмуссенем⁶⁷, хотя, по словам Э. Фишер-Йоргенсен, это произошло тогда, когда теория глоссематики в основном была уже разработана⁶⁸.

Философия логического позитивизма оказала дополнительное воздействие на утверждение в глоссематике восходящего к Соссюру понимания языковой структуры как сети чистых отношений. Л. Ельмслев писал об этом: «В одной из своих более ранних работ⁶⁹ профессор Карнап определил понятие структуры совершенно так же, как я попытался сделать это здесь, т. е. как явление чистой формы и чистых соотношений. По профессору Карнапу, каждое научное утверждение должно быть утверждением структурного порядка в указанном значении; по его мнению, каждое научное утверждение должно быть утверждением о соотношениях, не предполагающим знания или описания самих элементов, входящих в соотношения. Мнение Карнапа вполне подтверждает результаты, достигнутые за последние годы языко-

⁶⁶ См.: Л. Ельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике, стр. 53—54.

⁶⁷ Л. Ельмслев. Прологомены..., стр. 269.

⁶⁸ E. Fischer-Jørgensen. Form and substance in glossematics, стр. 4.

⁶⁹ Вероятно, имеется в виду работа Р. Карнапа «Логическая структура мира» (см.: R. Carnap. Der logische Aufbau der Welt. Berlin — Schlachtensee, 1928), в частности, стр. 3—15, 21.

ведением»⁷⁰. Излагаемая Ельмслевом точка зрения Р. Карнапа является прямым продолжением взглядов неокантианцев и позитивистов начала XX столетия, отразившихся в учении Ф. де Соссюра.

Влияние философии логического позитивизма, однако, проявилось не столько в глоссематическом понимании структуры языка, сколько в принципах построения самой глоссематической теории и в трактовке познавательной роли языка.

Глоссематика была задумана Ельмслевом и Ульдаллем как всеобщая теория языка, приложимая к любому конкретному языку, существующему в действительности или только возможному⁷¹. Стремление к созданию всеобщей лингвистической теории было характерно для научной деятельности Ельмслева на всех ее этапах. Попытки создания такой теории представлены уже двумя крупными работами Ельмслева доглоссематического периода. Это — «Принципы общей грамматики» и «Категория падежей»⁷². Обе эти работы были выполнены с учетом различных семантических (в частности грамматических) категорий, наблюдаемых в отдельных языках. По-видимому, серьезные трудности, с которыми пришлось иметь дело при выполнении этих работ, привели Ельмслева к мысли об отказе от учета содержательной стороны языковых категорий и об ограничении лингвистической теории соссюрианско-неопозитивистским требованием учета одних только чистых отношений в структуре языка. Но и этого оказалось недостаточно для обеспечения той стройности и стабильности, которые Ельмслев и Ульдалль считали необходимыми свойствами разрабатываемой ими теории. Никакая всеобщая теория языка, претендующая на предсказание «любого возможного текста на любом языке», не может быть гарантирована от того, что в каком-нибудь языке обнаружатся структурные особенности, не предусмотренные ею или же противоречащие ей. В этих условиях Ельмслев и Ульдалль с целью сохранения желаемой целостности

⁷⁰ Л. Ельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике, стр. 53—54.

⁷¹ Л. Ельмслев. Прологомены..., стр. 276—277.

⁷² L. Hjelmslev. Principes de grammaire générale. København, 1928; Он же. La catégorie des cas («Acta Jutlandica», v. VII, IX). Aarhus, 1935—1937.

и устойчивости своей теории сочли наиболее удобным объявить ее независимой от конкретных данных языкового опыта. «В упрощенной, преднамеренно наивной форме,— пишет Л. Ельмслев,— проблема может быть сформулирована следующим образом: объект ли определяет теорию и воздействует на нее или же теория определяет свой объект и воздействует на него?» И далее, указав на возможность различного понимания слова *теория*, Ельмслев продолжает:

«1. Теория в нашем смысле сама по себе независима от опыта. Сама по себе она ничего не говорит ни о возможности ее применения, ни об отношении к опытным данным. Она не включает постулата о существовании. Она представляет собой то, что было названо чисто дедуктивной системой, в том смысле, что она одна может быть использована для исчисления возможностей, вытекающих из ее предпосылок.

2. С другой стороны, теория включает ряд предпосылок, о которых из предшествующего опыта известно, что они удовлетворяют условиям применения к некоторым опытным данным. Эти предпосылки наиболее общи и могут поэтому удовлетворять условиям применения к большому числу экспериментальных данных.

Первый из этих факторов мы назовем *произвольностью* теории, второй — *пригодностью* теории. При создании теории необходимо считаться с обоими факторами, но из сказанного следует, что экспериментальные данные никогда не могут усилить или ослабить теорию, они могут усилить или ослабить только ее пригодность»⁷³.

Легко заметить, что даваемая Ельмслевом характеристика справедлива лишь по отношению к чисто формальным, строго дедуктивным теориям типа математических или логических. Теории такого характера не имеют отличного от себя конкретного объекта в виде определенной качественно однородной сферы действительности или определенного класса однородных по своей природе предметов. Их объектами являются их собственные структуры, представляющие собой модели абстрагированных от действительности количественных,

⁷³ Л. Ельмслев. Пролегомены..., стр. 274—275.

логических и т. п. отношений, применимые для выявления и изучения соответствующих отношений в различных сферах. Что же касается теорий предметно-содержательных, специально направленных на освещение определенных конкретных сфер действительности, то их прямая зависимость от освещаемых ими опытных данных не подлежит никакому сомнению. Поэтому постулируемая Ельмслевом свобода его теории по отношению к конкретным данным языка возможна лишь в том случае, если эта теория представляет собой формальное исчисление наиболее общих типов отношений в структуре языка, своеобразную алгебру языковой структуры. Рассматриваемая в таком плане, глоссематическая теория Ельмслева обнаруживает двойственный, не вполне определенный характер. С одной стороны, главной целью и непосредственным содержанием глоссематики является именно разработка исчисления внутриязыковых отношений.

«Можно сказать,— писал Л. Ельмслев,— что теория в нашем смысле слова направлена на создание процедуры, посредством которой объекты определенной природы могут быть описаны непротиворечиво и исчерпывающе... Цель лингвистической теории — создать процедурный метод, с помощью которого можно понять данный текст, применяя непротиворечивое и исчерпывающее описание... В силу своей пригодности работа над лингвистической теорией всегда эмпирична; в силу своей произвольности она связана с исчислением. Исходя из ряда опытных данных, которые по необходимости являются ограниченными..., лингвист-теоретик строит исчисление всех мыслимых возможностей в определенных рамках. Эти рамки он конструирует произвольно: он открывает некоторые свойства, существующие во всех тех объектах, которые люди соглашались называть языками, чтобы затем обобщить эти свойства и фиксировать их посредством определения. С этого момента лингвист-теоретик сам предписывает., к каким объектам его теория может применяться, а к каким нет. Затем он строит для всех объектов, природа которых удовлетворяет определению, общее исчисление, учитывающее все мыслимые случаи. Исчисление, дедуцируемое из установленного определения независимо от какого-либо опыта, создает инструмент для описания и понимания данного текста и

языка, на основе которого этот текст построен»⁷⁴. Характеристика специальных понятий и процедур, из которых строится разрабатываемое Л. Ельмслевом исчисление, составляет центральную часть его главной работы о глоссематике.

Попытку разработки глоссематической алгебры языка, задуманной и как более общий метод изучения других общественных явлений, представляет собой работа Х. Ульдалля «Основы глоссематики». «Мы отмечали,— говорится в этой работе,— что прототипом высказываний в физике является утверждение « a больше чем b »; соответствующую роль в глоссематике играет утверждение « a предполагает b », которое сходным образом служит для установления упорядоченной зависимости, имеющей весьма общий характер. Это упорядоченная зависимость встречается в глоссематике так же, как и в физике, в ряде форм, и глоссематическая теория функций является исчислением видов упорядоченной зависимости, при котором первоначальная простая идея развита в целую алгебру. Эта алгебра была задумана как способ описания (гуманитарного) материала в виде целостной структуры, состоящей из неколичественных функций, структуры, законченной и не нуждающейся в привнесении определений, заимствованных из других наук»⁷⁵. Ульдалль признает известную зависимость своей глоссематической алгебры от символической логики, указывая и на некоторые формальные различия между ними⁷⁶.

Но различие между глоссематической алгеброй и символической логикой имеет значительно более глубокий характер, чем это представлено у Ульдалля. Имеется больше оснований говорить о наличии принципиального сходства в формальном построении обеих систем, но вместе с тем о существенном различии в их содержании: символическая логика строит свои высказывания как всеобщие формы мысли, приложимые к любому конкретному содержанию соответствующей структуры, независимо от его природы, между тем как глоссематическая алгебра представляет собой систему высказываний с определенным конкретным содержанием, касаю-

⁷⁴ Л. Ельмслев. Пролегомены..., стр. 276—278.

⁷⁵ H. J. Uldall. Указ. соч., стр. 414.

⁷⁶ Там же. стр. 414—415.

щимся только структуры языка и приравняваемых к нему явлений как объекта изучения. Именно это обстоятельство лишает каких-либо оснований провозглашение лингвистической теории, хотя бы даже изложенной в форме исчисления, независимой от опытных данных языка. Однако глоссематическая теория не сводится однозначно к предлагаемым Ельмслевом и Ульдаллем системам исчисления. В литературе уже отмечалось, что представители глоссематической теории нередко рассматривают ее «как единственно научную лингвистическую теорию» и что в таком случае формальные принципы глоссематики «приобретают уже характер определенного научного мировоззрения»⁷⁷. Более того, как для обоснования целесообразности предлагаемых исчислений, так и для определения их роли в понимании общественных функций языка Ельмслеvu понадобилось сформулировать и более общую теорию языка, отражающую методологические позиции глоссематики по вопросам, касающимся природы и общественной сущности языка. Требование независимости от данных опыта для этой стороны глоссематической теории ничем не может быть оправдано.

Свойственное глоссематике стремление оторвать лингвистическую теорию от конкретных языковых данных отражает общую тенденцию неокантианской и позитивистской философии к превращению научной теории в имманентную систему положений, вовсе не рассчитанных на отражение конкретной природы изучаемых фактов действительности. Предпринятая в этом направлении попытка сведения лингвистической теории к исчислению представляет собой крайнее проявление начатой неокантианцами и продолженной позитивистами ложной «математизации» философии и гуманитарных наук, имеющей своей целью устранение из этих научных областей материалистического начала⁷⁸. Лингвисты, принимающие логический позитивизм Р. Карнапа, признают глоссематическую алгебру «самой слабой частью глоссематического учения»⁷⁹. Однако с этой оценкой можно

⁷⁷ В. Мурат. Указ. соч., стр. 169.

⁷⁸ Ср.: «Современная буржуазная философия», стр. 31—32, 41, 45—46, 69, 72, 97—98 и др.

⁷⁹ G. Ungeheuer. Указ. соч., стр. 19.

согласиться лишь частично, поскольку другие стороны глоссематического учения не только в такой же степени слабы, но и методологически порочны.

5

Приступая к изложению глоссематической теории, Л. Ельмслев высказывает мнение о том, что «теория во всех ее применениях должна обнаружить результаты, согласующиеся с так называемыми (действительными или предполагаемыми) экспериментальными данными»⁸⁰. Это мнение, находящееся в явном противоречии с рассмотренным выше требованием независимости глоссематической теории от опыта, в принципе может быть согласовано с диалектико-материалистическим пониманием сущности научных теорий, хотя у Ельмслева оно является всего лишь последней данью методологической традиции, восходящей к раннему позитивизму. Но Ельмслев сразу же спешит отмежеваться от высказанного им мнения. «В этом пункте,— пишет он,— каждая теория сталкивается с методологическим требованием, содержание которого должно изучаться эпистемологией. Такое изучение, мы думаем, здесь может быть опущено»⁸¹. И тут же положение о необходимости согласования результатов применения теории с фактическими данными Ельмслев практически заменяет тремя методологическими принципами внутритеоретического характера, которые он, как и Ульдалль, считает необходимым при построении теории поставить «во главу всех остальных»: требованиями непротиворечивости (самоудовлетворительности), исчерпывающего описания (полноты) и предельной простоты⁸². Чтобы не осталось никакой неясности относительно сущности какого-либо из трех принципов, следует подчеркнуть, что принцип исчерпывающего описания касается не описываемого объекта во всей его целостности, а только операций в процедуре анализа: «Каждая операция, входящая в процедуру, должна продолжаться или повторяться до тех пор, пока описание не станет исчерпывающим; эта операция на каждой

⁸⁰ Л. Ельмслев. Пролегомены., стр. 271.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, стр. 272.

ступени должна вести к выявлению наименьшего числа объектов»⁸³. Отдав предпочтение этим трем методологическим принципам имманентно-теоретического плана, занимающим важное место в методологии логического позитивизма, и устранив по существу из оснований своей теории принцип зависимости теории от фактических данных, Ельмслев и Ульдалль поставили свою теорию на почву идеализма.

Произведенную таким образом методологическую перестройку устоявшихся принципов построения теории Ельмслев и Ульдалль завершают своеобразным терминологическим оформлением: совокупность принятых ими методологических требований, по существу не имеющих ничего общего с объективным учетом эмпирических данных, они называют принципом эмпиризма. Странность этого названия вызвала справедливые замечания целого ряда лингвистов, в том числе и тех, кто поддерживает большинство положений глоссематики⁸⁴. Сам Ельмслев предлагал это название с некоторыми оговорками и выражал готовность заменить его, «если эпистемологические исследования покажут его неприемлемость». Но название было сохранено, и для этого у глоссематиков имелись определенные основания. Главное из них заключается в том, что Ельмслев, по словам Э. Фишер-Йоргенсен, «отдает предпочтение этому формалистическому определению «эмпирического», чтобы избежать таких метафизических идей, как «истина» и «реальность»⁸⁵. Таким образом, Ельмслев и Ульдалль в данном отношении до конца удержались на позициях позитивизма, и в частности эмпириокритицизма, прикрывавших эмпирической терминологией свою идеалистическую сущность.

Несостоятельность глоссематического принципа эмпиризма отмечали даже представители логического позитивизма⁸⁶. Наиболее слабой стороной этого общего

⁸³ Там же, стр. 319; ср. также стр. 352—353.

⁸⁴ См.: *E. Fischer-Jørgensen* [рец.]. Louis Hjelmslev., стр. 84; *A. Martinе*. Указ. соч., стр. 441; *B. Siertsema*. *A study of glossematics*, стр. 37 и др.

⁸⁵ *E. Fischer-Jørgensen*. *Danish linguistic activity 1940—1948*. «*Lingua*», v. II, № 1. Harlem, 1949, стр. 99.

⁸⁶ См., в частности, критические замечания по поводу этого принципа, высказанные датским логиком Э. Расмуссеном (*B. Siertsema*. *A study of glossematics*, стр. 234).

«принципа» является включенный в него принцип предельной простоты описания, Известно, что в истории развития науки принцип простоты фигурирует уже давно и понимается самым различным образом, однако решающей роли при выработке или принятии новых теорий он никогда не играл⁸⁷. Между тем Ульдалль делает простоту главным критерием для оценки теории. «Из простоты,— пишет он,— могут быть выведены все остальные научные идеалы: объективность, последовательность, полнота»⁸⁸.

В «Пролегоменах» Л. Ельмслева принцип простоты характеризуется следующим образом: «Если ... лингвистическая теория заканчивается построением нескольких возможных процедур, каждая из которых может обеспечить непротиворечивое и исчерпывающее описание любого данного текста и поэтому любого языка, то тогда среди этих процедур должна быть выбрана процедура, дающая наипростейшее описание. Если несколько методов представляют в равной степени простые описания, должен быть выбран тот метод, который приводит к конечным результатам путем наипростейшей процедуры»⁸⁹. Более четких определений того, что следует понимать под простотой описания, в работах Л. Ельмслева и Х. Ульдалля не дается, однако главным показателем простоты результатов описания они считают возможно меньшее количество элементарных единиц, к которым сводится описание языковой системы⁹⁰.

Один из наиболее последовательных сторонников глоссематики Х. Спанг-Хансен в специальной статье, посвященной принципу простоты, был вынужден признать: «Если очень трудно, как теоретически, так и практически решить, в какой степени описание языковых текстов является непротиворечивым и исчерпывающим, то решение о том, какая из нескольких процедур является простейшей, вызывает специальные проблемы. Такое ре-

⁸⁷ См.: Е. А. Мамчур. Проблема выбора теории. М., 1975, стр. 117—167.

⁸⁸ Н. J. Uldall. Указ. соч., стр. 416.— Правда, сразу же после этого Ульдалль, в согласии с Ельмсловом, ставит простоту в подчинение полноте (исчерпывающему описанию), а полноту — последовательности (непротиворечивости) — Там же, стр. 417.

⁸⁹ Л. Ельмслев. Пролегомены..., стр. 278.

⁹⁰ Н. J. Uldall. Указ. соч., стр. 419.

шение должно предполагать ... объективный критерий для определения того, что такое простота»⁹¹. Вместе с тем автор указывает, что простота описания не может измеряться в рамках самого описания, но должна рассматриваться с точки зрения того общего процесса, частью которого данное описание является, или же с точки зрения той цели, которую данное описание преследует. Э. Фишер-Йоргенсен отмечает, что требование максимальной простоты в глоссематике неосуществимо в принципе, так как увеличение простоты в описании языковой системы неизбежно вызывает увеличение сложности в описании текста⁹².

Сам Ульдалль признает, что глоссематическое описание отдельного языка никогда не может быть предельно простым с точки зрения данного языка, так как дескриптивный аппарат глоссематики рассчитан на наиболее высокую степень сложности, которую только можно предположить в языках⁹³. Таким образом, есть все основания согласиться с Б. Сиртсемой, которая с явно выраженной иронией делает вывод, что «принцип простоты по своей сущности не является простым принципом»⁹⁴. Теоретическая и практическая невозможность последовательного применения этого принципа к построению общелингвистической теории, не говоря уже о неопределенности самого его содержания, существенным образом дискредитирует всю глоссематику, в основания которой этот принцип ложится.

Неудачная попытка включения принципа простоты в число трех основных принципов глоссематической теории восходит непосредственно к философии махизма. Простоту научного знания Э. Мах отождествлял с «экономией мышления», которой он отводил решающую роль в процессе познания. Тождественность глоссематического понятия простоты описания понятию «экономии мышления» осознается и зарубежными лингвистами, касающимися этого вопроса. В частности, С. Безелл

⁹¹ *H. Spang-Hanssen*. On the simplicity of description. «Recherches structurales» («Travaux du Cercle linguistique de Copenhague», v. V), 1949, стр. 61.

⁹² *E. Fischer-Jørgensen*. Remarques sur les principes de l'analyse phonémique. «Recherches structurales», стр. 225.

⁹³ *H. J. Uldall*. Указ. соч., стр. 420.

⁹⁴ *B. Siertsema*. A study of glossematics, стр. 66.

употребляет термин «экономия» в том самом смысле, в котором Ельмслев и Ульдалль употребляют термин «простота». С. Безелл пишет: «Если критерий коммутации или избыточности связан с принципом экономии инвентаря, то критерий произвольности связан с принципом экономии объяснения. Можно, конечно, согласиться, что последний принцип более важен. Если ограничение инвентаря затрудняет объяснение фактов языка, оно более чем бесполезно»⁹⁵. Так схоластическая методология позитивизма, рассчитанная на подкрепление идеалистических установок, вступает в непримиримое противоречие с объективными потребностями развития науки.

6

Таким образом, связь глоссематики с неопозитивизмом в плане понимания природы языковой структуры и принципов построения научной теории оказывается самой непосредственной. Не менее глубокая зависимость глоссематической теории от неопозитивизма обнаруживается и в плане понимания общественной сущности языка, его места и роли в объективной действительности.

Проблема объективного статуса языка занимает в глоссематике значительное место. С нее начинается работа Ельмслева «Пролегомены к теории языка» и определенным ответом на поставленный в ее начале вопрос эта же работа заканчивается.

Уже сама постановка вопроса об объективной сущности языка у Ельмслева отличается некоторой предвзятостью. «Язык — пишет Л. Ельмслев,— настолько глубоко пустил корни в личность, семью, нацию, человечество и саму жизнь, что мы иногда не можем удержаться от вопроса, не является ли язык не просто отражением явлений, но их воплощением — тем семенем, из которого они выросли!»⁹⁶. Заключаящаяся в этом вопросе мысль через несколько страниц формулируется уже в виде одного из программных положений глоссематической теории: «Лингвистическая теория..,— пишет Л. Ельмслев,— должна искать *постоянное*, не связанное

⁹⁵ С. Е. Bazell. The choice of criteria in structural linguistics. «Linguistics today», 1954, стр. 15.

⁹⁶ Л. Ельмслев. Пролегомены.., стр. 265.

с какой-либо внеязыковой «реальностью», то постоянное, что делает язык языком, каким бы он ни был, и что отождествляет любой конкретный язык с самим собой во всех его различных проявлениях. Когда это постоянное найдено и описано, оно может быть спроецировано на «реальность» вне языка, какого бы рода ни была эта «реальность» (физическая, физиологическая, психологическая, логическая, онтологическая), так что даже при рассмотрении «реальности» язык остается главным объектом, и не конгломератом, но организованным целым с языковой структурой как ведущим принципом»⁹⁷.

Попытку подчинить языку внеязыковую действительность Ельмслев старается осуществить не прямолинейно, а через посредство некоторых основных понятий и структурных особенностей самой глоссематической теории. Одним из главных средств, рассчитанных Ельмслевом на растворение действительности в языке, делается своеобразное толкование в глоссематике понятия знака. Ельмслев отрицает традиционное понимание знака как «знака для чего-то» и, ссылаясь на Ф. де Соссюра и Л. Вейсгербера, отстаивает понимание знака как единицы, основанной на знаковой функции, т. е. отношении солидарности между формой выражения и формой содержания⁹⁸. Поскольку и форма выражения и форма содержания понимаются как чисто языковые сущности, не зависящие от каких-либо других сущностей и имеющиеся только в силу наличия знаковой функции (т. е. отношения), знак в таком смысле полностью освобождается от роли репрезентатора элементов внеязыковой действительности. При этом понимание терминов «содержание» и «выражение», входящих в определение понятия знака, Ельмслев уточняет следующим образом: «Термины *план выражения* и *план содержания*, а также *выражение* и *содержание* выбраны в соответствии с установившимися понятиями и совершенно произвольны; их функциональное определение не содержит требования, чтобы тот, а не иной план называли *выражением* или *содержанием*. Они определены только по своей взаимной солидарности, и ни один из них не может быть идентифицирован другим образом. Они определяются

⁹⁷ Там же, стр. 269.

⁹⁸ Л. Ельмслев. Прологомены..., стр. 305—306.

противопоставительно и соотносительно как взаимно противоположные функции одной и той же функции»⁹⁹. Таким образом, содержание знака, основанное на обозначении объективных явлений действительности и их отражений в сознании носителей языка, Ельмслев пытается представить в качестве имманентного свойства самой языковой структуры, не зависящего от обозначаемой действительности. Поскольку знаковость составляет основу специфики языка, тем самым делается решительная, хотя и совершенно искусственная, попытка поставить язык в независимое положение по отношению к внеязыковой действительности.

Последний шаг в направлении подчинения действительности языку Ельмслев делает в конце своей книги. Здесь он выдвигает подготовленное уже в предыдущем изложении утверждение о необходимости считать объектом исследования лингвистики не только естественный язык, но и любую семиотику, аналогичную языку по выдвинутым Л. Ельмслевом наиболее общим признакам, несколько не определяющим действительной специфики языка¹⁰⁰. Из других знаковых систем, которые в этом отношении должны быть приравнены к языку, Ельмслев называет народные обычаи, искусство и литературу. Что касается остальных сфер действительности, то их предлагается рассматривать на уровне метасемиологии в качестве подчиненного языковой форме материала языковой субстанции — в плане содержания или в плане выражения, причем в единицах содержания не делается никакого различия между психическими образованиями, отражающими физические объекты, и самими физическими объектами¹⁰¹. «Таким образом,— пишет Л. Ельм-

⁹⁹ Л. Ельмслев. Прологомены..., стр. 318.

¹⁰⁰ Там же, стр. 361—362.

¹⁰¹ Аналогичная точка зрения, совпадающая с отмеченными выше идеалистическими взглядами неокантианцев и восходящая через все этапы развития идеализма к философии Парменида, проводится и в работе Ельмслева «Язык». «Содержанием языка,— утверждает Л. Ельмслев в этой работе,— является ничто иное, как окружающий нас мир, а минимальные частные значения слов, те частные значения, которые являются индивидами, представляют собой *предметы* действительности (*things of the world*); лампа, стоящая здесь на моем столе, представляет собой частное значение слова *лампа*; я сам представляю собой частное значение слова *человек*» (L. Hjelmslev. Language, стр. 120).

слев,— все те сущности, которые на первых этапах при рассмотрении схемы объекта семиотики временно должны были быть исключены как несемiotические элементы, вводятся вновь в качестве необходимых компонентов семиотических структур высшего порядка. Соответственно мы не находим несемiotик, которые не были бы компонентами семиотик, и на конечном этапе не остается объектов, не освещенных с основной позиции лингвистической теории. Семиотическая структура предстает в качестве такой позиции, с которой могут быть рассмотрены все научные объекты»¹⁰². На этом идеалистическая процедура завершается: в основу всей материальной действительности кладется языковая форма, понимаемая как система чистых, т. е. идеальных отношений.

При всей очевидности идеалистической ориентации глоссематики Л. Ельмслев пытается уверить своих читателей, будто его теорию такие философские вопросы не интересуют¹⁰³. Касаясь открываемых в языковой схеме функтивов как термов языковых функций, т. е. отношений, Ельмслев пишет: «Можно сказать, что они являются физическими сущностями (или синкретизмами последних), определенными по взаимной функции. Поэтому с тем же правом можно заявить, что метасемiotологический анализ содержания минимальных знаков семиологии является анализом физических сущностей, определенных по взаимной функции. В какой мере можно считать в конечном счете все сущности в любой семиотике, в ее содержании и выражении, физическими или сводимыми к физическим, является чисто эпистемологическим вопросом физикализма, направленным против феноменализма. Этот вопрос является предметом развернувшихся в настоящее время споров, в которых мы участвовать не будем и на которых теория языковой схемы не должна задерживаться»¹⁰⁴. Ельмслев даже не упоминает о принципиальной противоположности материализма и идеализма в этом вопросе, ограничиваясь противоположностью двух направлений немарксистской философии. Кому не знаком этот давно устаревший прием позитивистов, упорно провозглашающих свою в

¹⁰² Л. Ельмслев. Пролегомены..., стр. 380.

¹⁰³ Там же, стр. 377—378.

¹⁰⁴ Там же.

большинстве случаев идеалистическую методологию стоящей якобы в стороне от коренных философских различий¹⁰⁵.

Таким образом, идеалистическое истолкование взаимоотношений языка и действительности составляет главную общетеоретическую цель основной работы Л. Ельмслева «Пролегомены к теории языка». Именно этой цели подчинены определяющие аспекты содержания работы, и именно таким подчинением порочной общефилософской установке объясняется большинство коренных недостатков и противоречий глоссематической теории, дискредитирующих даже те из заложенных в нее идей, которые в другой связи могли бы быть признаны перспективными. Одно из самых существенных отличий идеализма от материализма как раз и заключается в том, что при построении широких научных теорий общеметодологического характера последовательная ориентация на идеализм ведет к извращенному представлению фактов и к пустому расточительству научных сил на создание ложных теорий, между тем как последовательная ориентация на материализм ведет к все более глубокому раскрытию объективно-научных закономерностей изучаемых явлений.

Сама пропаганда идеализма путем подчинения объективной действительности идеалистически понимаемому языку связана у Л. Ельмслева с соответствующими взглядами логических позитивистов. В частности, понимание языка (в более узком смысле — языка логики) как первичной системы по отношению к системе мира является одной из определяющих идей «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна¹⁰⁶. Но в своей новой работе — «Философские исследования»¹⁰⁷ Л. Витгенштейн решительно опровергает те мысли, которые обосновывались в «Логико-философском трактате». Мысли, изложенные в работе Л. Ельмслева, как и в аналогичных по своему направлению работах других структуралистов, опровергаются самим ходом поступательного развития науки о языке. «В дискуссии структуралисти-

¹⁰⁵ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 356—362.

¹⁰⁶ Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат. М., 1958; ср.: М. С. Козлова. Философия и язык. М., 1972, стр. 128—131.

¹⁰⁷ L. Wittgenstein. Philosophical investigations. Oxford, 1967.

ческой лингвистики с другими современными теориями филологии и языкознания,— писал недавно Г. Унгехойер,— повторяется тот острый философский диспут, который несколько десятилетий тому назад велся между логицизмом и его противниками. Но если в философском лагере голоса со временем были понижены, антиметафизическая направленность логицизма ослабла вследствие самокритического рассмотрения своих логических оснований, то глоссематика — достойный внимания анахронизм — продолжает строго придерживаться своих старых позиций (*spricht ... die alte Sprache strenger Observanz*)»¹⁰⁸. Следует, однако, отметить, что за 15 лет, прошедших после написания приведенных здесь слов, позиции глоссематики, и до того не отличавшиеся особенной прочностью, еще более пошатнулись. Сейчас глоссематика зашла в глубокий тупик, ставший очередным идеалистическим тупиком на длинном всемирно-историческом пути развития науки.

¹⁰⁸ G. Ungeheuer. Указ. соч., стр. 1.

АМЕРИКАНСКАЯ ДЕСКРИПТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Критический анализ лингвистического направления, определение его места в системе познавательных средств современной лингвистики требует всестороннего учета его исходных посылок, эксплицирования его общеметодологических оснований, оказывающих решающее влияние на понимание как самого объекта исследования, так и системы эвристических процедур конкретного лингвистического направления. Дескриптивная лингвистика, подобно другим структуральным направлениям в лингвистической науке — сосюррианству, копенгагенскому структурализму (глоссематике), пражскому структурализму — характеризуется не только конкретно-научным, но и философско-идеологическим содержанием. По справедливому замечанию французского философа Р. Будана, слово «структурализм» обозначает два различных явления.

Во-первых, оно обозначает зону распространения структуральных методов в гуманитарных науках; во-вторых, оно обозначает систему, или, точнее, мировоззрение, которое якобы выводится из развития гуманитарных наук, но фактически стоит в двусмысленном отношении к этому развитию¹. Совершенно очевидно поэтому, что корректный научный анализ и критика структурализма невозможны, если предается забвению упомянутая двойственность структурализма как этапа в развитии научного познания. Вместе с тем не менее очевидно, что единственной целостной концепцией, которую можно противопоставить в философском, общеметодологическом плане структурализму как мировоззрению,

¹ R. Boudon. Le structuralisme. «La philosophie contemporaine», v. 3. Firenze, 1968—1969, стр. 296.

является философия марксизма-ленинизма, марксистское учение о методе познания.

Для лингвистической науки в целом наиболее существенной и одновременно наиболее сложной является проблема определения своего объекта, а также определение того, что следует интерпретировать как моменты, иррелевантные лингвистическому знанию. Последняя проблема есть по сути дела проблема определения того, что мыслится в качестве языковой реальности в структуре конкретного лингвистического направления, каково отношение этой языковой реальности к тотальной многокачественности и многогранности реального объекта, представленного речью.

При этом нельзя упускать из виду того обстоятельства, что научная картина не просто воспроизводит объект своего исследования, но и реализует в этом воспроизведении вполне определенную точку зрения. Причем точка зрения науки должна детерминироваться природой той реальности, к которой она обращается и соответственно которой должны эксплицитно фиксироваться объективные критерии, позволяющие (или не позволяющие) использовать в науке конкретные системы методов.

Из истории языкознания достаточно хорошо известно, что определенность языка как предмета лингвистической науки зачастую сводилась к определенности явлений, бывших предметом исследования других наук — логики (грамматика Пор-Рояля), психологии (Пауль, Потенбня), физики и физиологии (младограмматики), биологии (Шлейхер), социологии (Вандриес, Сэпир), истории, эстетики и т. п. Лингвистические явления оказывались не самостоятельной областью исследования, а мыслились в качестве прикладной логики, психологии и т. п. Другими словами, научная картина языковой реальности не только воспроизводит тот или иной фрагмент языковой действительности, но и реализует определенную логическую форму, принцип вычленения этого фрагмента, метод его воспроизведения в знании. Позиция «нуль-гипотезы» в лингвистическом исследовании так же фиктивна, как и в других науках. «Ученые,— подчеркивает Л. Бриллюэн,— всегда работают на основе некоторых философских предпосылок, и, хотя многие из них могут не осознавать этого, эти предпо-

сылки в действительности определяют их общую позицию в исследовании»².

Стремление дескриптивной лингвистики создать лингвистическую теорию на основе имманентно присущих языку качеств, свойств, отношений, а не рассказывать о нем на языке физиологии, психологии или логики, нельзя не оценить как естественное стремление науки к самостоятельности, к повышению достоверности и объективности лингвистического знания.

Сомневаться в плодотворности данной тенденции нет никаких оснований, так как это подтверждается самим ходом развития научного познания как специфического вида общественной деятельности человека. Тем не менее борьба лингвистики за свою самостоятельность под эгидой американского дескриптивизма с самого начала была обречена на неудачу из-за ложных методологических установок. Напомним, что, несмотря на декларируемый философский нигилизм, дескриптивная лингвистика, заняв в контрверзе «механисты — менталисты» вполне определенную позицию, тем самым определила свое отношение к философской контрверзе «материальное — идеальное». Так, Л. Блумфилд утверждал, что, в отличие от традиционной, его концепция «научной» лингвистики является «материалистической». Чрезвычайно существенно в связи с этим отметить, что «материалистическая» ориентация Блумфилда проявляется в том, что, по его мнению, феномены ментального плана — это вообще псевдонаучные фикции, так как в действительности они суть «скрытые (*obscure*) и высоко-вариабельные сокращения мышц и секреторная деятельность желез»³. Таким образом, «материализм» Блумфилда, имеющий в качестве своего источника концепцию «систематического монизма» А. Уайса⁴, сродни вульгарному материализму Бюхнера и Молешотта.

В качестве философской базы дескриптивная лингвистика (в значительной мере через посредство бихевиоризма, наиболее четко реализовавшего на конкретно-

² Л. Бриллюэн. Научная неопределенность и информация. М., 1966, стр. 1.

³ L. Bloomfield. Language or ideas? «Language», 1936, v. 12, № 2, стр. 89.

⁴ A. P. Weiss. The scientific basis of human behavior. Columbus, Ohio, 1929.

научном уровне американский подход к логическому освоению действительности) использовала гносеологические постулаты позитивизма и прагматизма. Наряду с этим в дескриптивной лингвистике в последний период ее развития достаточно определенно просматриваются и кантианские, и неопозитивистские моменты.

Гносеологические постулаты позитивизма и прагматизма в дескриптивной лингвистике прежде всего проявляются в требовании «говорить о языке ... в терминах, не допускающих (существования.— В. Б.) чего-либо большего, нежели раскрывается в непосредственном наблюдении (разрядка наша.— В. Б.)»⁵, так как, «что касается языка, то мы должны отличать науку от других фаз человеческой деятельности на основе соглашения о том, что наука будет иметь дело лишь с теми явлениями, которые доступны во времени и дислокации любому и всем наблюдателям (разрядка наша.— В. Б.)»⁶.

Эта установка на наблюдаемость является чрезвычайно характерной и, более того, фундаментальной общеметодологической чертой американского дескриптивизма. На это, в частности, указывает Дж. Гринберг, подчеркивая, что в целом американская дескриптивная лингвистика — это система дескриптивных процедур в их приложении к непосредственно наблюдаемому⁷.

Можно утверждать без какого-либо риска преувеличения, что тезис, отождествляющий понятие научности (а следовательно, и объективности) с понятием непосредственной наблюдаемости, является краеугольным камнем всего здания этого направления лингвистического структурализма.

Принятие этого тезиса в качестве исходного гносеологического постулата имело далеко идущие последствия. С одной стороны, он нашел свое проявление в том понимании языка как предмета языкознания, которое развивалось в дескриптивной лингвистике, а с другой

⁵ B. Bloch. Leonard Bloomfield. «Language», 1949, v. 25, стр. 92, 93.

⁶ L. Bloomfield. Linguistic aspects of science. «International Encyclopedia of Unified Science». Chicago, 1939, v. I, № 4, стр. 13; ср.: Ch. Hockett. A manual of phonology. Baltimore, 1955, стр. 16, 22; J. Greenberg. Linguistics as a pilot science. «Linguistics in 1970's». Washington's centre for applied linguistics, 1970, стр. 11; R. Hall. An essay on language. Philadelphia — N. Y., 1968, стр. 8.

⁷ J. Greenberg. Указ. соч., стр. 11.

стороны (через последнее и в связи с ним) — в системе предлагаемых эвристических процедур.

Сила указанного тезиса состоит прежде всего в том, что он требовал отказаться от псевдонаучных спекуляций, ориентировал лингвистов на исследование конкретных языковых фактов. Эвристическая значимость принципа наблюдаемости хорошо известна, например, в физике. П. Дирак специально подчеркивает, что наука «имеет дело лишь с наблюдаемыми вещами»⁸, а П. Ланжевен отмечает, что «теория (наука.— В. Б.) не должна содержать ничего такого, что не имело бы экспериментального смысла и не соответствовало опыту»⁹.

Слабость этого тезиса предопределена его общеметодологической несостоятельностью, заключающейся в том, что принципу наблюдаемости здесь было придано гносеологическое значение, т. е. непосредственно наблюдаемое отождествлено с объективным. Но весь опыт логического освоения реальности человечеством свидетельствует об ошибочности такого отождествления. Непосредственное наблюдение утверждает истинность системы Птолемея — но объективной истиной является система Коперника. Непосредственное наблюдение говорит о том, что дневной свет является простым — однако объективно он является сложным. Лозунг ориентации лингвистического познания лишь на непосредственно наблюдаемое связан с установками субъективно-идеалистического толка, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В нем находит свое отражение гносеология одного из активнейших представителей прагматистской философии Д. Дьюи, призывавшего освободить ум от «метафизических предпосылок» и принять «простые непосредственные факты: вот перед вами цветные, звучащие, страшные, привлекательные предметы природы, которыми мы наслаждаемся и от которых мы страдаем...»¹⁰.

Надо сказать, что приведенное ранее высказывание Блумфилда, в котором формулируются принципы познания дескриптивной лингвистики, почти слово в слово повторяет «Постулат» радикального эмпиризма Джемса, гласящий: «Нельзя допустить в качестве факта ниче-

⁸ П. А. Дирак. Принципы квантовой механики. М., 1960, стр. 18.

⁹ П. Ланжевен. Атомы и корпускулы. Избранные произведения. М., 1949, стр. 365.

¹⁰ J. Dewey. The quest for certainty. N. Y., 1931, стр. 98.

го ... за исключением того, что может быть испытано в определенное время некоторым воспринимающим существом»¹¹. И другими словами — *esse est percipi*. «Требование, что точная наука в конце концов должна стремиться к описанию наблюдаемого, вовсе не является новым,— замечает Э. Шредингер,— вопросом является лишь то, должны ли мы будем отказаться связывать это описание с какой-либо ясной гипотезой о том, как в действительности (разрядка наша.—В. Б.) устроен мир. Многие (*Sic!*—В. Б.) хотят уже сегодня заявить об этом отказе. Но мне кажется, что тем самым мы несколько уклоняемся от трудностей»¹².

Критикуя идеалистический эмпиризм за отказ от проникновения в сущность изучаемых явлений с помощью средств теоретического мышления, за стремление ограничиться описанием непосредственно данного, В. И. Ленин писал, что «для материалиста реальное бытие лежит за пределами «чувственных восприятий», впечатлений и представлений человека, для агностика же за пределы этих восприятий выходить невозможно»¹³.

Таким образом, «материализм» американского дескриптивизма в своих философских основаниях смыкается с субъективизмом и агностицизмом.

Фетишизация наблюдаемости приводит к тому, что перед лицом калейдоскопа эмпирических лингвистических фактов роль лингвиста сводится к роли бесстрастного стороннего наблюдателя. Лингвист-дескриптивист — это прежде всего наблюдатель, фиксирующий то, что удается увидеть независимо от того, случайны или необходимы выделенные им факты языковой реальности. По мнению Р. Холла, термины «правильность», «неправильность», «грамматичность», «неграмматичность» и т. д. не только бесполезны, но даже вредны для лингвистического изучения языка¹⁴.

Справедливо критикуя такой «регистраторский» подход, У. Вейнрейх в своей рецензии на «Курс современ-

¹¹ W. James. *Essays in radical empiricism*. London, 1912, стр. 160.

¹² В. Гейзенберг, Э. Шредингер, П. А. М. Дирак. Современная квантовая механика. Л.—М., 1934, стр. 59, ср.: F. Heider. *Trends in cognitive theory*. «Contemporary Approaches to Cognition». Harvard university press, 1957, стр. 203.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 112.

¹⁴ R. Hall. *An essay on language*. Philadelphia — N. Y., 1968, стр. 8, 33.

ной лингвистики» Ч. Хоккета отмечает: «Автор пишет, что *outside* представляет собой два слова ввиду того, что ему посчастливилось (разрядка наша.— В. Б.) подслушать разговор, в котором на вопрос *out where?* последовал ответ *side*. Предположим, однако, что автору не посчастливилось. Лингвистическое описание — это не бесконечное ожидание, пока что-то не случится. Вряд ли это можно рассматривать как метод, которому должен следовать лингвист»¹⁵. «Лингвисту,— замечает Мартине,— могут показаться годы тщательных наблюдений, чтобы обнаружить употребление слова *abre* «изолированно»¹⁶.

Постулируя подобный подход, дескриптивисты, перефразируя слова М. Борна, «недалеко ушли от идиллических представлений старомодного натуралиста, который надеялся проникнуть в тайны природы, подстерегая бабочек на лугу»¹⁷. Как справедливо заметил А. Потенбня, при таком подходе «система рушится от всякого не вошедшего в нее факта, а число фактов не может быть исчерпано»¹⁸.

Следует согласиться с М. Бунге, когда он замечает, что «чистое описание, не стесненное теорией», «беспристрастное в отличие от истолкования», «полностью свободное от гипотез, является мифом, изобретенным традиционным позитивизмом, интуитивизмом и феноменологией»¹⁹.

Из изложенного не следует делать вывод, что эмпирический, индуктивный подход, каким фактически и является описание языка, опирающееся на актуализированные языковые феномены, полностью лишен прогнозирующей силы. Однако его ограниченность очевидна, так как, во-первых, внутренняя сущность языка остается при этом не выявленной, а во-вторых, зафиксировав все то, что уже имеется в речи, мы в тот же момент окажемся перед лицом нового, еще не зафиксированного явления,

¹⁵ U. Weinreich [рец.]. Ch. F. Hockett. A course in modern linguistics.— «Romance philology», 1958/59, v. XIII, стр. 334.

¹⁶ A. Martinet [рец.]. E. Nida. Morphology.— «The Descriptive Analysis of Word», 1950, v. 6, № 1, стр. 8.

¹⁷ М. Борн. Физика в жизни моего поколения. М., 1963, стр. 280.

¹⁸ А. Потенбня. Мысль и язык. Одесса, 1922, стр. 165.

¹⁹ М. Бунге. Причинность. Место принципа причинности в современной науке. М., 1960, стр. 339—340.

а описав это последнее,— опять перед новым и т. д. и т. п.

Но именно этим и занималась дескриптивная лингвистика как в своем Йельском, так и Энн-Арборском течениях. Главной проблемой здесь была проблема перевода непосредственно наблюдаемой звучащей речи в корпус научных данных о языке.

Если же взглянуть на утверждаемую в дескриптивной лингвистике позицию с философской точки зрения, то нельзя не видеть, что здесь игнорируется активность субъекта в познании, его ведущая роль. Она фактически сводится к «соприсутствию», к созерцательности.

Утверждение этого гносеологического постулата в качестве исходного означает фактически отказ от построения лингвистической теории. Для дескриптивной лингвистики как раз и характерно стремление к простой регистрации фактов, отказ от их теоретического осмысления, от познания «заднего плана» лингвистического бытия, от разграничения сущностного и явленческого. Хотя само по себе описание и собирание фактов является необходимым этапом в лингвистическом познании, однако лингвистика есть наука не потому, что она собирает и классифицирует факты. Она становится наукой лишь тогда, когда пытается эти факты объяснить. Можно сказать даже больше. В любом лингвистическом исследовании столько науки, сколько в нем объяснения²⁰. Наука, не обладающая объяснительной функцией,— это не наука, а скорее методика. В этом смысле совершенно справедлива мысль Э. Косериу о том, что американский структурализм есть только методика исследования, тогда как европейский представляет собой абстрактное теоретическое построение (гипотезу), которым определяется методика исследования²¹. Методологическая несостоятельность абсолютизации таксономической ориентации в лингвистике, как и в науке вообще, очевидна. Современная методология научного познания, все более ориентирующаяся на марксистско-ленинскую гносеологию, включает в себя принцип активности познающего субъекта.

²⁰ Ср.: *N. Chomsky*. The current scene in linguistics. «The English language in the school program». Ed. R. H. Hogan. 1969, стр. 77.

²¹ *E. Coseriu*. Forma y sustancia en los sonidos del lenguaje. Montevideo, 1945, стр. 146.

Положение «научное — наблюдаемое», которое было введено Блумфилдом в лингвистику под влиянием бихевиористской концепции «систематического монизма» А. Уайса и позитивистской философии, обусловило и специфическую схематизацию языковой реальности, вследствие чего из языка как предмета лингвистики было исключено все то, что не поддавалось непосредственному наблюдению или не могло быть физически измерено. Принятие указанного постулата освобождало лингвистику, по мнению Блумфилда, от неконтролируемого и произвольного психологизирования, спекулятивности и интроспекции. В этой связи как ненаучные и фиктивные рассматривались понятия «идея», «мысль», «понятие», «значение». И хотя Блумфилд и констатирует, что «в языке форма не может быть отделена от значения», что «было бы неинтересно и неплодотворно изучать язык без учета значения»²², однако не эти констатации, а вышеупомянутый постулат оказался доминирующим фактором в развитии дескриптивной лингвистики.

Фактически почти в течение тридцати лет после выхода книги Блумфилда «Язык» проблема значения оставалась за пределами дескриптивной лингвистики. Своей кульминации попытка анализа языка без использования критерия значения достигает в работах З. Харриса, особенно в его работе «Методы в структуральной лингвистике»²³. Правда, в дальнейшем развитии дескриптивной лингвистики этот вопрос подвергся пересмотру.

В чем методологическая несостоятельность дескриптивной установки на отказ от учета значения в лингвистическом анализе? Она заключается прежде всего в том, что здесь с порога отбрасывается то объективное диалектическое единство противоположностей, которое конституируется единством идеального и материального в двусторонних языковых единицах.

Нельзя не согласиться с Л. Лайонсом в том, что «Блумфилд действительно сделал многое для того, что-

²² L. Bloomfield. *Meaning*. «Monatshefte für deutschen Unterricht», 1934, v. 35, стр. 102.

²³ Z. Harris. *Methods in structural linguistics*. Chicago, 1955. Ср.: E. Nida. *Morphology. The descriptive analysis of words*. Michigan, 1946; G. L. Trager, H. L. Smith. *An outline of English structure*. Oklahoma, 1951; B. Bloch. *A set of postulates for phonemic analysis*. «Language», 1948, v. 24, № 1.

бы лингвистика стала автономной и научной. Однако его понимание научности связано с изгнанием из лингвистической науки всего того, что не было доступно непосредственному наблюдению или физическому измерению»²⁴. «Механизм — это не о б х о д и м а я (разрядка наша.— В. Б.) форма научного рассуждения (discourse)», — подчеркивает Блумфилд и соответственно данному постулату приходит к убеждению, что все в человеке, включая сознание, представляет «...часть причинно-следственных отношений, ничем не о т л и ч а ю щ и х с я от тех, которые мы обнаруживаем, скажем, при изучении физики или химии»²⁵, что «л ю б о е (разрядка наша.— В. Б.) научно значащее положение сообщает о движении во времени и пространстве», что «мир науки — есть физический мир»²⁶. «Положение об идеях, — подчеркивает Блумфилд, — должно быть переведено в положение о лингвистических формах»²⁷. Нетрудно видеть, что здесь Блумфилд полностью смыкается с физикалистскими воззрениями Р. Карнапа²⁸. Заметим, что при этом не учитывается то обстоятельство, что сами лингвистические формы в своем существовании обусловлены тем, что выполняют вполне «идейные» функции (множественности, единичности, посессивности и т. д.), не говоря уже о том, что и в самой основе констатации наукой тех или иных форм лежат вполне определенные научные идеи. «Терминология, — замечает далее Блумфилд, — с помощью которой мы сейчас говорим о делах человека, терминология, включающая такие термины, как «сознание», «ум», «ощущение», «идея» и т. д. — вообще терминология ментализма и анимизма будет отброшена в такой же степени, как была отброшена астрономия Птолемея, и будет заменена в меньшей своей части физиологическими терминами и терминами лингвистики»²⁹.

Приведенные установки были направлены, с одной стороны, на то, чтобы исключить из сферы лингвисти-

²⁴ J. Lyons. Chomsky. Fontana/Collins, 1970, стр. 30.

²⁵ Л. Блумфилд. Язык. М., 1968, стр. 47. Ср.: M. Meyer. Psychology of other-One. Columbus. Miss., 1921, стр. 35.

²⁶ L. Bloomfield. Language or ideas?, стр. 89.

²⁷ Там же, стр. 93.

²⁸ См. например: R. Carnap. The logical syntax of language. London, 1937.

²⁹ L. Bloomfield. Указ. соч., стр. 93.

ческого анализа те внутренние процессы, которые Маркс называл «действительным движением», а с другой стороны, на то, чтобы фиксировать в качестве определения языка именно его эмпирическую данность (т. е. то, что «все мы знаем как язык»).

В основе такого подхода лежит стремление ориентировать гуманитарное знание, — а в данном случае знание лингвистическое, — на модель науки, сложившуюся в естественных науках, в науках об объектах. Но принять такие установки — это значит выработать определенную точку зрения на объект, а именно, мыслить язык в качестве естественного объекта.

Безоговорочная ориентация лингвистики на методологию естественных наук не может быть принята, так как в отличие от объектов, изучаемых естественными науками, язык является объектом такого рода, в который в определенных отношениях включается субъект в его связях и опосредствованиях. Безоговорочная ориентация на методологию естественных наук выводит за пределы лингвистики все те ингредиенты языка, без которых он не может быть языком вообще, выводит за пределы языка самого человека.

Нельзя поэтому не согласиться с А. Маслоу, когда он, критикуя подобную ориентацию, отмечает, что модель науки, заимствованная из наук о вещах, объектах, процессах, животных, оказывается ограниченной и неадекватной, когда мы пытаемся понять индивидов³⁰.

Такая откровенно редуccionистская ориентация на непосредственно данное в лингвистике сближает ее в общеметодологическом отношении с неопозитивистским идеалом научного знания, где, как это мыслил в свое время Л. Витгенштейн, нет места тому, что не подтверждено опытом, что не верифицируемо.

Общеметодологическое основание для своей программы «научной» лингвистики Блумфилд ищет в махистских построениях К. Пирсона. «Пирсон, — указывает Блумфилд, — говорит о трех моментах: 1) актуальный (перцептуальный) объект; 2) речевая форма (геометрическое определение) и 3) «идея» или «понятие», например, «понятие прямой линии»³¹. «Мы, — подчерки-

³⁰ A. Maslow. The psychology of science. N. Y., 1966, стр. XIII.

³¹ K. Pearson. The grammar of science. London, 1911, стр. 197.

вает далее Блумфилд,— выдвигаем гипотезу, что третье (3) является лишь традиционным, но бесполезным (разрядка наша.— В. Б.) и дезориентирующим способом говорить о втором (2); т. е. мы находим в нашем мире лишь первое (1) — актуальные объекты, и второе (2) — речевые формы, которые служат в качестве условных реакций на определенные черты, свойственные классу объектов»³². Таким образом, здесь утверждается построение лингвистического знания с опорой на форму, обнаруживающую себя в бихевиористски интерпретируемом явлении человеческой коммуникации. Нельзя сказать, что такими качествами язык не обладает, но не представляется правомерным, как это мыслится дескриптивистам, утверждать, что именно в этих своих качествах язык и является «языком в себе и для себя». Язык здесь взят в одном из своих моментов, в одном из своих определений. Для дескриптивной лингвистики язык содер­жателен постольку, поскольку он выступает в виде речевых форм как реакции на стимулы, совокупность которых, будучи данной в наблюдении, и есть действительный объект дескриптивной лингвистики, соответственно тем ограничениям, которые утверждаются «материалистической», или «механической», лингвистикой в качестве не­пре­менного критерия научности. Таким образом, «материалистическая» лингвистика — это лингвистика, делающая свои обобщения на уровне наблюдения.

Было бы неверным утверждать, что такой подход вообще неприемлем. Однако нельзя не видеть и его узости и ограниченности. Напомним, что Гегель в свое время подчеркивал: «Так как знание хочет познать истину того, что такое бытие *в себе и для себя* (курсив Гегеля), то оно не останавливается ... на непосредственном и его определениях, но *проникает* через него в предположении, что *за* (курсив Гегеля) этим бытием есть еще нечто иное, чем самое бытие, что этот задний план составляет истину бытия»³³.

Важно отметить, что коммуникативность как функция знаковой системы отнюдь не может квалифицироваться в качестве необходимого и достаточного требования для возведения системы в ранг языка. Понимание

³² L. Bloomfield. Language or ideas?, стр. 93.

³³ Цит. по кн.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 115.

коммуникативности в качестве достаточного требования приводит, с одной стороны, к биологизации человеческого языка, а с другой, к гуманизации языка животных. Дескриптивная лингвистика исходит из примата речи, реализуя тем самым основной постулат бихевиоризма, утверждающий примат поведения над системой³⁴. Констатируя в этой связи функционирование в современной американской лингвистике концепций «языка как поведения» и «языка как знания» (первая — блумфилдская, а вторая — хомскианская.— В. Б.), Ф. Девис замечает, что концепция «языка как поведения» не обладает достаточной объяснительной силой, так как отнюдь не все релевантные языку феномены могут быть выявлены в речевом поведении³⁵.

Принимая бихевиористскую схему S→R (стимул — реакция), американская дескриптивная лингвистика молчаливо принимает и ее концепцию сознания как периферического явления, при которой такие аспекты языка, как информативный, сигнификативный, экспрессивный оказываются либо иррелевантными лингвистике, либо просто менталистскими фикциями. Язык признается в качестве объекта лингвистики в той мере, в какой он представлен как поведение, которое соответственно прагматическим и бихевиористским установкам единственно достойно изучения, так как система, не данная в восприятии,— прямой путь к «метафизике», неприемлемой для «истинной» науки.

В таких условиях само понятие языка как системы оказывалось лишенным четкого и недвусмысленного содержания, так как система выступала как отражение обобщенных эмпирических закономерностей, выводимых из актов речи. Определенность языка редуцировалась к определенности речи.

Известное каноническое определение языка, данное Блумфилдом в его «Постулатах», гласит: «Совокупность высказываний, которые могут быть произнесены в речевой общности, есть язык данной речевой общности»³⁶.

³⁴ А. Н. Marckwardt. The structure of operation of language. «The English language in the school programm», стр. 31—32.

³⁵ Р. W. Davis. Modern theories of language. Prentice Hall, 1970, стр. 90.

³⁶ Л. Блумфилд. Ряд постулатов для науки о языке.— В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX вв., ч. II. М., 1960,

На первый взгляд такое определение языка как будто бы вносит диссонанс в довольно последовательно проводимый Блумфилдом принцип ориентации на непосредственно данное при построении лингвистического знания. Речь идет о том, что Блумфилд говорит о совокупности высказываний, которые «могут быть» (разрядка наша.— В. Б.) произнесены. Однако то, что может быть,— это не то, что есть. Следовательно, в языке есть то, чего нет в речи, а отсюда и лингвистическое описание языка, учитывающее то, что есть, то, что уже актуализировано, т. е. акты речи, не покрывает языка *in toto*, а дает его лишь в тех моментах, которые актуализированы. Когда Блумфилд относит к языку не только то, что есть, но и то, что «может быть», это как будто бы сближает его с Н. Хомским, считающим одним из существенных моментов своей теории понятие «*competence*». Но эта параллель оказывается лишь внешней, так как блумфилдовское «может быть» полностью исчерпывается тем, что фиксируется в эмпирическом материале. Как говорит сам Блумфилд, «мы должны уметь предугадывать..., что при определенных стимулах француз (или говорящий на зулу и т. д.) скажет то-то и то-то и т. д.»³⁷.

Хотя Б. Блок, Д. Трейгер и Ч. Хоккет дают определения языка, отличающиеся от вышеприведенного блумфилдовского, отмечая, что язык — это совокупность «речевых символов» (Блок и Трейгер), «совокупность слуховых символов», «совокупность речевых привычек» (Хоккет), однако и у них единственной реальностью является реальность непосредственно звучащей речи. Это, естественно, приводило к утверждению примата чисто таксономического подхода в лингвистической методологии. Л. Блумфилд, Д. Трейгер, Ч. Хоккет подчеркивают, что задачи лингвистики чисто регистрационные и классификационные. По Р. Холлу, основной задачей лингвиста является «идентификация, анализ и формирование отношений между рекуррентными подобиями в как можно большем количестве высказываний»³⁸. «Наши

стр. 145.— Нельзя не видеть, что для Блумфилда язык — это совокупность фиксируемых и прогнозируемых на этой основе данных. Для Ельмслева же язык — это прежде всего теория.

³⁷ Л. Блумфилд. Ряд постулатов..., стр. 145.

³⁸ R. Hall. An essay on language. Philadelphia — N. Y., 1968, стр. 53.

утверждения о языке должны касаться лишь данных и их отношения друг к другу»³⁹.

Подобная узкоэмпирическая позиция имплицитно содержит в себе отрицание объективности существования национального языка. Холл, в частности, полагает, что «существуют лишь индивидуальные лингвистические системы, дислоцированные в головах отдельных индивидов»⁴⁰. Тем самым дескриптивная теория оказывается асоциальной, ибо изучение языка подменяется изучением идиолекта, строится в отрыве от социального контекста. В тенденции, в зародыше эта черта американского дескриптивизма достаточно четко просматривается еще у Ф. Боаса, в частности, в его работах по языку индейцев, построенных на основе изучения языка информанта⁴¹.

Эта асоциальная ориентация дескриптивной лингвистики была подвергнута справедливой критике социолингвистами. Так, было подчеркнуто то обстоятельство, что всякая вариативность, не обусловленная внутрискруктурными отношениями, объявлялась в дескриптивной лингвистике «свободной», а ее зависимость от социальных факторов не принималась во внимание⁴². А отсюда и тенденция к тому, чтобы рассматривать язык как имманентную сущность.

Приведенные мысли Холла являются фактически повторением соответствующих мыслей Блумфилда, видевшего в естественных науках модель, на которую следовало ориентироваться лингвистике. Блумфилд подчеркивает, что «в естественных науках мы изучаем корреляцию событий. Мы находим, что одно событие сопровождается другим. Когда такая корреляция установлена, ученый может предсказывать, что произойдет при определенных обстоятельствах»⁴³. Кроме того, в приведенных выше утверждениях нельзя не видеть и отражения индуктивистских воззрений Блумфилда на характер лингвистического знания.

³⁹ R. Hall. Указ. соч., стр. 75.

⁴⁰ Там же, стр. 50.

⁴¹ M. W. Smith. Boas' «Natural History». Approach to field method. «The anthropology of Franz Boas», 1959, стр. 58.

⁴² См. по этому вопросу стр. 204 и далее в настоящей монографии.

⁴³ L. Bloomfield [рец.]. W. Havers. Handbook of erklärenden syntax.— «Language», 1934, v. X, № 1, стр. 33—34.

Ни субъективно, ни объективно язык непосредственно лингвисту не дан. Он, как и системы иного рода, дается через свое «поведение», каковым в данном случае является речь как физическо-физиологический процесс. Речь является действительно единственным репрезентантом того общего, что именуется языком народа⁴⁴, формой его существования.

В объективной реальности не существует системы вне поведения, так как любая система экологична, т. е. связана с определенной средой, с которой она взаимодействует. Равным образом не существует и поведения вне и помимо конкретной системы. Из этого, однако, не следует, что систему можно полностью свести к поведению и обратно, язык — к речи или речь — к языку. Попытки такого рода являются типичным проявлением редукционизма, когда один предмет исследования подменяется другим. Разумеется, как частный, заранее оговоренный в своих целях прием, подобная редукция не вызывает принципиальных возражений. Совершенно иное положение в том случае, если этот прием вопреки своей эвристической партитивности и недостаточности претендует на исчерпывающее познание изучаемой реальности.

Язык и речь, будучи, по справедливому утверждению Соссюра, «двумя разными вещами», не могут, тем не менее, друг без друга ни существовать, ни функционировать. Принятие дескриптивной лингвистикой в качестве общеметодологического императива ориентации на непосредственно наблюдаемое (а в этом своем качестве выступает поведение) обуславливает то, что ее действительным объектом является речь. Непопулярность у дескриптивистов соссюровского противопоставления языка и речи⁴⁵ обусловлена в конечном счете тем, что понятие языка как системы требует качественного скачка в научном мышлении, скачка на уровень теоретического обобщения, теоретического анализа и синтеза. Вывести систему из поведения путем лишь эмпирических конста-

⁴⁴ См.: Г. В. Колшанский. Проблемы логического анализа структуры языка. Докт. дисс. М., 1964, стр. 173. J. Lotz. Speech and language. «Journal of Acoustic Society of America», 1950, v. 22, стр. 717.

⁴⁵ R. S. Wells. De Saussure's system of linguistics; Z. S. Harris [ред.]. L. Gray. Foundations of language.— «Language», 1940, v. 16, N 3.

таций невозможно так же, как невозможно вывести поведение из системы.

Как же решается вопрос соотношения языка и речи в американском дескриптивизме? Он решается таким образом, что язык оказывается лишенным реального бытия. Так, З. Харрис отмечает, что ««parole» является физическим событием, которое мы принимаем (разрядка наша.— В. Б.) за язык, в то время, как «langue» — это анализ и организация их исследователем»⁴⁶.

Общеметодологическая уязвимость приведенного решения, его конвенционалистская ориентация и редуccionистская направленность очевидны. В самом деле, если мы «принимаем» речь за язык, она еще не становится языком. Кроме того, как только мы приходим к выводу, что речь — это и есть язык, язык оказывается уже не нужен. Более того, из сказанного явствует, что язык — это феномен полностью конвенционалистского плана⁴⁷, не имеющий аналога в объективной реальности, плод деятельности ученого. Но если язык, как это утверждает З. Харрис, есть определенная теоретическая конструкция, реализующая соответствующую «точку зрения», «замещающая модель», то требование описывать язык, исходя из него самого, с позиций «нуль-гипотезы», фактически означает требование развивать теорию из самой себя. В приведенной установке З. Харриса четко просматривается тенденция к превращению логической системы как средства воспроизведения действительности в структуру (разрядка наша.— В. Б.) самой действительности⁴⁸. Как отмечал Энгельс: «Сперва из предмета делают себе понятие предмета, затем переворачивают все вверх ногами и превращают отражение предмета, его понятие в мерку для самого предмета»⁴⁹. С философской точки зрения здесь явно просматривается тяготение к кантовскому априоризму. Такая установка приводит к стремлению построить лингвистику как

⁴⁶ Z. S. Harris. Указ. соч., стр. 228.

⁴⁷ См.: И. П. Сусов. Конвенционалистская концепция реальности языковых единиц. «Общее языкознание». М., 1973, стр. 301—307.

⁴⁸ См.: М. М. Гухман. О роли моделирования и общих понятиях в лингвистическом анализе. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970, стр. 156; А. С. Мельничук. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма.— Там же, стр. 50—51.

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 97.

совершенно произвольную систему символов, не имеющую ничего общего с действительностью, к тому, чтобы трактовать язык в качестве субъективной схемы, налагаемой на неупорядоченный сам по себе эмпирический материал. Здесь обнаруживает себя обычный и достаточно почтенный софизм идеалистической философии науки — замена объективной истины идеей порядка, идеей системы, безотносительно к тому, что есть в объективной реальности, к тому, что истинно. Одновременно в таком подходе З. Харриса к проблеме реальности языка и языковых единиц нельзя не видеть и влияния прагматистской гносеологии. Ведь прагматизм полагает, что «исследование — это контролируемое или непосредственное превращение (разрядка наша.— В. Б.) неопределенной ситуации в ситуацию, которая является определенной в своих составных различиях и отношениях в такой мере, что превращает элементы исходной ситуации в единое целое»⁵⁰.

Харрис не случайно говорит не о языковых, а о лингвистических единицах, мысля таковые в качестве логических символов, «с которыми можно производить различные операции математической логики»⁵¹. Следует, однако, недвусмысленно подчеркнуть, что неданность языка в непосредственном наблюдении, тот факт, что его система временно и относительно принимается за «черный ящик», еще не дает основания к отрицанию объективности ее существования. Диалектический материализм исходит из органического единства внешнего и внутреннего. Язык и речь в своем существовании так же неразрывны и реальны, как система и ее поведение, тем не менее их разграничение (во всяком случае в пределах лингвистики) абсолютно, так как здесь это действительно разные «вещи». К этому выводу фактически приходят те американские языковеды, которые при всех их симпатиях к дескриптивной лингвистике не поддаются гипнозу поведенческого подхода. «В любом лингвистическом исследовании»

⁵⁰ *J. Dewey. Logic. The theory of inquiry.* N. Y., 1938, стр. 7.

⁵¹ Цит. по кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965, стр. 221. См. также: *Ch. Hockett. Two models of grammatical description.* «Word», 1954, v. 10, N 2, стр. 2—3; *Он же. Peiping phonology.* «Journal of the American Oriental Society», 1947, N 67, стр. 258; *Z. S. Harris. The transformational model of language structure.* «Anthropological Linguistics», 1959, v. I, N 1, стр. 27.

довании,— подчеркивают Д. Кац и П. Постал,— необходимо проводить четкое различие между языком и речью»⁵².

О языке, разумеется, ничего нельзя сказать вне его функционирования, вне его, так сказать, «поведения», представленного речью. Облик языка не может обрести своей реальности в лингвистической картине, игнорирующей его конкретное функционирование. Постулирование той или иной системы, которая никак не обнаруживает своего поведения, невозможно. Однако если мы придем к утверждению, которое является альфой и омегой принятого в дескриптивной лингвистике бихевиористски ориентированного подхода, что существует только поведение (*resp.* речь), то система (*resp.* язык) окажется некоторой неуловимой сущностью, своего рода кантовской «вещью в себе». Но в таком случае и специфичность поведения (*resp.* речи) окажется непознаваемой, ибо она (правда, до определенной меры) предопределяется специфичностью организации системы. Поэтому можно констатировать, что язык и речь, будучи в принципе различными «вещами», не существуют и не функционируют в отдельности, друг без друга. Тенденция же к отождествлению языка и речи, ярко обнаруживающая себя в дескриптивной лингвистике, восходит в своих истоках к примитивному позитивистскому редукционизму, в основе которого лежит стремление наделить модусом научности лишь видимое, отрицая за невидимым статус объективного, связывая его лишь с мыслительной деятельностью ученого. Это означает ориентацию на конвенционализм, на идеализм в науке. Свести речь к языку или язык к речи без существенной деформации того, что имеется в реальности, невозможно. Совершенно ясно, что подобный подход не может рассматриваться с позиций марксистского языкознания как приемлемый. И это понятно, ибо функционирование единичных актов речи в качестве значащих обусловлено тем, что они в своей данности, в своей конфигуративности предопределяются объективно существующими intersубъектными для данного социума языковыми правилами, нормами, категориями. В чувственном воспри-

⁵² J. Katz, P. Postal. An integrated theory of language description. N. Y., 1964, стр. IX.

яти лингвисту даны лишь отдельные речевые произведения, которые в своей сумме, в своей множественности не сводятся к языку и не конституируют самую систему языка, не исчерпывают его как некоторую интерсубъектную и объективную целостность. Ориентация на отождествление непосредственно данного с фактом в своем логическом завершении приводит к отрицанию целостного понимания языка. Между тем точно так же, как биологический вид, конкретно представленный совокупностью особей, отнюдь не является лишь плодом ученой классификации, а есть объективно существующая реальность, так и язык не является лишь мыслительным построением лингвиста. Тезис Харриса, таким образом, помимо неверной ориентации лингвистической науки на непосредственную эмпирию, широко открывает дверь для всякого рода прагматических и конвенционалистских построений в области лингвистического знания.

Регулярность функционирования явления сама по себе есть свидетельство того, что в своем статусе оно законообоснованно, что за ним стоит закономерность сущностного характера. Однако любая система в своем функционировании обладает определенным «люфтом», т. е. может порождать феномены, не укладывающиеся в уже зафиксированные «регулярности». Поэтому под термином «система» и, в частности, «система языка» следует мыслить специфическую совокупность объектов, взаимодействие которых способно генерировать новые, не свойственные отдельно образующим систему компонентам, качества, явления, свойства. Отсутствие подобной способности говорит об асистемности данной совокупности объектов, о ее суммативном характере. Интересно отметить, что Н. Хомский, стоящий у истоков рационалистического направления в дескриптивной лингвистике, в свое время также трактовал язык в качестве простой совокупности предложений⁵³.

При подобном подходе, когда язык подменяется речью, бесконечным количеством речевых произведений, лингвистика неизбежно ориентируется на индукти-

⁵³ Н. Хомский. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 423.— Позднее Н. Хомский отказался от этой точки зрения, рассматривая язык как *competence* и речь как *performance*. См.: *N. Chomsky. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, Mass., 1965.*

визм, таксономию, предстает как перманентно дескриптивная наука. Отметим, что квалификация языка в дескриптивной лингвистике в качестве совокупности актов речи или речевых произведений не только идентична соответствующей формулировке Г. Пауля⁵⁴, но и перекликается с суммативной трактовкой языка О. Есперсена⁵⁵. В качестве курьеза можно отметить, что Соссюр, которому принадлежит наиболее четко и ясно выраженное разделение и противопоставление языка и речи, также допускает аналогичное толкование, подчеркивая, что «если бы мы были в состоянии охватить всю сумму всех словесных образов, накопленных у всех индивидов, мы бы коснулись той социальной связи, которая и есть язык»⁵⁶. Все только что приведенные определения обнаруживают тенденцию к суммативной трактовке языка, растворению его во многочисленных актах речи, подменяют его речью, т. е. осуществляют теоретически неправомерную редукцию. Явное тяготение дескриптивной лингвистики к суммативности как следствие отказа признать объективное за пределами непосредственно данного проявляется также в том, что здесь устанавливается зависимость следующего рода:

Фонема

↓
Сумма фонем ⇒ морфема

↓
сумма морфем ⇒ высказывание

↓
сумма высказываний ⇒ язык

Таким образом, мы сталкиваемся с типично позитивистской интерпретацией целого как суммы частей на каждом из уровней языковой реальности. «Каждая форма состоит полностью из фонем», — подчеркивает Блумфилд⁵⁷. «Принимается, что лингвистическая структура высказывания полностью представлена списком составляющих ее морфем и их порядком»⁵⁸. «Исходят из то-

⁵⁴ Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 46.

⁵⁵ O. Jespersen. Mankind, nation and individual from a linguistic point of view. Oslo, 1925, стр. 19—22.

⁵⁶ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 38.

⁵⁷ L. Bloomfield. A set of postulates for the science of language. «Language», 1926, v. 2, N 3, стр. 157.

⁵⁸ «Readings in linguistics», N. Y., 1958, стр. 272.

го, что любое высказывание на данном языке не содержит ничего другого, кроме (разрядка наша — В. Б.) некоторого количества минимально релевантных элементов, называемых морфемами, в некотором расположении друг от друга»⁵⁹. Разумеется, такая редукция чисто количественного характера может быть правомерна в прикладных целях, на уровне прагматической адекватности. Однако в плане теоретической адекватности она несостоятельна, так как игнорирует асуммативный характер целого, его качественно более высокий уровень, нежели составляющие его части. Такой подход может быть квалифицирован как суммативный изоморфизм. При подобном подходе элиминируется понятие «несводимости», известное как одно из кардинальных положений физики, отрицающее сведение высших форм к более простым, к более общим, ибо в результате подобного сведения мы получаем «облегченную» интерпретацию явлений. Суммативный изоморфизм в лингвистике ведет к стиранию специфичности форм качественно различных уровней языка, упрощает проблему их отношения, сводя ее к чисто количественному аспекту, упраздняет идею уровня.

Язык в дескриптивной лингвистике есть фактически не что иное, как *summa sumptum*⁶⁰. При этом не учитывается, что каждая единица языка, выступая как часть в системе единиц высшего уровня, одновременно в пределах своего уровня выступает как целое, а не как суммативное образование единиц низшего уровня. Диалектический материализм исходит из того, что роль частей в организации целого и роль целого на уровне его функционирования как такового принципиально различны.

Целое выступает на уровне более высокой организации, где его внутреннее строение уже снято. Внутреннее строение целого при этом является лишь условием, тогда как действительное основание определенности целого заложено в самом строении уровня его функционирования. Морфема, слово, высказывание в своей определенности детерминированы не тем, что они состоят

⁵⁹ Там же, стр. 384.

⁶⁰ Л. Блумфилд. Ряд постулатов., стр. 145; L. Bloomfield. Language, стр. 136. Ср.: В. Блох. A set of postulates for phonemic analysis. «Language», 1946, v. 24, стр. 7.

из некоторых частей, а тем, что они функционируют в составе более широкой организации соотносительно со своими составляющими. В силу сказанного морфема не может быть квалифицирована как совокупность фонем на морфемном уровне, высказывание как совокупность морфем и т. д.⁶¹ Отметим, что еще Кант полагал, что познание целого есть условие достижения истинного знания. Представление целого в качестве суммы частей, агрегата отрицает, следовательно, возможность постижения истинного знания. Суммативизм дескриптивной лингвистики был подвергнут резкой критике на IX съезде лингвистов М. Халле и Ф. Пальмером⁶². К. Пайк специально подчеркивает, что слово как единица языка и, в частности, единица словарного состава не является простым суммированием элементов (фонем или морфем)⁶³. Напомним, что вопрос о соотношении и различии суммативных и несуммативных систем великолепно иллюстрируется К. Марксом в «Капитале», где, с одной стороны, на примере изготовления часов показывается суммативный характер гетерогенной мануфактуры⁶⁴, а с другой стороны, приводится пример органической мануфактуры как такой организации производственных процессов, при которой последняя выступает как целое, соединяющее в последовательный ряд органически связанные друг с другом производственные процессы, каждый из которых в отрыве от других утрачивает самостоятельность⁶⁵. В несуммативных системах, какой, в частности, и является язык, целое всегда имеет отличие от частей. Именно поэтому слово не есть простая совокупность морфем, а морфема не есть совокупность фонем, и, естественно, язык не есть совокупность высказываний.

Механицистское понимание части и целого в дескриптивной лингвистике на всех уровнях анализа язы-

⁶¹ *H. Gatton*. Is the phonological system a reality? «Archivum Linguisticum», 1954, v. 6, № 1, стр. 23.

⁶² «Proceedings of the 9th International Congress of Linguistics», стр. 344—345.

⁶³ *K. L. Pike*. Phonemics. Ann Arbor, 1947; *P. Menzerath*. Typology of language. «The Journal of Acoustic Society of America», 1950, v. 22, № 6; *J. Kràmský*. Quantitative phonemics in the last decade. «Phonetica», v. 8, № 1—4.

⁶⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 23, стр. 354.

⁶⁵ Там же, стр. 353—354.

ковой реальности приводит прежде всего к тому, что полностью устраняется возможность выявлений внутренних движущих сил и тенденций развития языка как целого. В силу того, что части целого (например, морфемные компоненты слова) квалифицируются как однокачественные, снимается возможность раскрытия внутренних источников развития целого (слова) как единства и борьбы разнокачественных противоречивых частей такового (ср. work-er, read-er, stopp-er и т. д.). Подобное понимание соотношения части и целого оставляет за пределами лингвистического знания в н у т р е н н и й механизм взаимодействия частей и развития целого, выдвигая на передний план внешнее его описание как количественную совокупность рядоположенных частей. Одним из следствий подобного подхода является, в частности, неразграничение в дескриптивной лингвистике корневых, словообразовательных и словоизменительных морфем, игнорирование понятия слова. Абсолютизация суммативного определения в интерпретации соотношения части и целого, сведение к нему всего богатства отношений «часть—целое» ориентирует лингвистическую науку на механицизм в построении лингвистического знания. Напомним, что в широком смысле под механицизмом понимается вообще всякий метод «сведения» сложных явлений к их более простым составляющим, метод разложения целого на части, неспецифичные для данного целого. На неправомочность подобного приближения к анализу действительности вообще указывал еще Энгельс, критикуя дюринговское представление о соотношении части и целого⁶⁶. В. И. Свидерский правильно подчеркивает, что никакая наука сейчас не может обойтись без понятия целого и частей, будь то математика, физика или языкознание⁶⁷. Механицистский редуccionизм ориентирует лингвистику на инвентаризацию морфем и их аранжировку. На узость и механистичность подобной позиции указывали Ю. Найда, А. Хауген, Г. Хойер, П. Дидерихсен, Р. Якобсон. В основе ее лежит позитивистская трактовка науки как деятельности, полностью исчерпываемой понятиями класси-

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 527.

⁶⁷ В. И. Свидерский. О диалектике элементов и структуры. М., 1962, стр. 47.

фикации и презентации⁶⁸. Разумеется, дескриптивисты признают необходимость обобщений, без которых классификация и презентация невозможны. Однако здесь эти обобщения суть «обобщения среднего ранга», эмпирические обобщения. Задача лингвистики сводится поэтому лишь к тому, чтобы ответить на вопросы: «где?», «когда?», «какие?» типы морфем и их дислокационные характеристики могут наблюдаться в исследуемых отрезках речи. Критикуя подобную позитивистскую установку в лингвистике, К. Фосслер писал: «Если лишить наш разум понятия причинности (каузальности), он будет мертв»⁶⁹.

Язык как социальный феномен — не арифметическая совокупность актов речи, а нечто качественно иное. На всех своих уровнях язык социален, а поэтому в отличие от речи, обладающей существенным для нее как явления качеством индивидуальности, всегда партитивен, всегда лишь часть, хотя и необходимая, того, что содержится в речи. Понятие языка, с одной стороны, значительно уже понятия совокупности речевых высказываний, а с другой стороны, значительно глубже. Язык есть необходимая форма коммуникации, но в живой действительности наряду с необходимой существуют и случайные, не выводимые непосредственно из необходимой формы.

В английском языке, например, отсутствуют слова *cloment* (от *to close*), хотя существует целый класс слов типа *appointment* (от *to appoint*), *relature* (от *to relate*) при существовании слов *closure*, *erasure* (от *to close*, *to erase*).

Таким образом, если иметь в виду невозможность охватить бесконечную совокупность высказываний, которые могут быть произнесены или произносятся в конкретной речевой общности, дескриптивная концепция языка, игнорируя диалектику необходимого и случайного, тем самым вынуждена признать невозможность построения сколько-нибудь корректной системы лингвистического знания.

⁶⁸ *L. Bloomfield* [рец.]. *E. Hermann. Lautgesetz und analogie*. «*Language*», 1931, v. 8, № 3, стр. 220.

⁶⁹ *К. Фосслер*. Позитивизм и идеализм в языкознании.— Цит. по кн.: *В. А. Звегинцев*. История языкознания XIX—XX вв. М., 1956, стр. 291.

Разумеется, было бы неверным утверждать, что исследование поведения устраняет какую-либо возможность выявления специфики системы. Анализ речевых произведений несомненно позволяет установить основные характеристики языка. Однако абсолютизация поведенческого подхода ведет к тому, что целый ряд речевых (поведенческих) характеристик прилагается к системе языка. Известно, что дескриптивная лингвистика строит свою модель языка, опираясь на синтагматику (дистрибутивные отношения), исходя из его протяженности, линейности. Конечно, то обстоятельство, что речевое произведение конструируется из того, что наличествует в системе языка, предполагает наличие в языке виртуальной синтагматической способности, актуализируемой в речи. И поэтому лингвистическая модель, заданная в своем построении дистрибуцией, аранжировкой, непосредственно составляющими, содержит и языковой момент, отражает определенный аспект языка.

Любая наука обладает определенной совокупностью познавательных методов и процедур, составляющих то, что именуется конкретно-научной методологией. Специфика этой методологии определяется прежде всего спецификой ее объекта, а также целями и задачами, которые ставит перед наукой практика. В силу этого конкретную методологию нельзя рассматривать в качестве непосредственной реализации соответствующих моментов философской методологии, непосредственной реализации соответствующего мировоззрения. Метод в основе своей детерминируется прежде всего двумя кардинальными моментами: 1) задачей практического (в конечном счете) освоения того или иного фрагмента действительности; 2) конкретной спецификой упомянутого фрагмента. Данные два момента, конечно, взаимосвязаны, так как решение задачи в нужном направлении (равно как и средства этого решения) не может игнорировать материала, с которым приходится иметь дело. Отсюда следует, что выработка метода требует, хотя бы в самой общей форме, представления об объекте познания.

Одновременно, поскольку эвристические характеристики метода тем более эффективны, чем более метод ориентирован на объект, постольку метод должен содержать определенную гипотезу о специфике объекта. «Метод, — указывал Гегель, — не внешняя форма, а душа

и понятие содержания»⁷⁰. Метод, следовательно, всегда должен быть адекватен предмету. Но подобная адекватность, т. е. зависимость метода от предмета, о которой Маркс писал: «И разве способ исследования не должен изменяться вместе с предметом? Разве, когда предмет смеется, исследование должно быть серьезным...?»⁷¹, самым непосредственным образом связывает метод с общеметодологическими основами конкретного научного направления. Ведь определение предмета науки зависит от философских и мировоззренческих категорий. Эффективность метода в логическом освоении объекта тем выше, чем правильнее, объективнее, истиннее наши воззрения на природу объекта. И именно в вопросе о природе объекта, о его сущности, в видении объекта и через картину объекта как части общенаучной картины мира, метод смыкается с философскими категориями, с научным мировоззрением.

Роль философии в процессе познания проявляется прежде всего в том, что те или иные конкретные философские принципы накладывают определенные ограничения на класс возможных конкретнаучных принципов, обуславливая тем самым и определенный их выбор, определенные тенденции в предпочтительном их использовании. Философские категории, будучи категориями максимальной общности, определяют общие черты, стороны, моменты, имеющие место во всяком процессе познания действительности. Поэтому, когда тот или иной метод претендует на всеобщность, он становится уже не просто элементом в системе познавательных средств науки, а обретает общеметодологический статус, превращается в философскую категорию.

Применительно к языку это обнаруживается, например, в абсолютизации формальных методов, исходящих из понимания объекта лишь как формы. Абсолютизация дистрибутивного метода, отталкивающаяся от понимания языка как структуры дистрибутивно-реляционного типа и отрицающая все и вся за пределами таковой, также ведет к наделению метода дистрибуции философскими характеристиками. Вместе с тем гипер-

⁷⁰ Г. Гегель. Сочинения, т. I, стр. 334.

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 8.

трофия, абсолютизация метода является следствием слабости философских и общеметодологических основ научного направления, так как в последнем случае научное познание закрывает глаза на отсутствие абсолютивности в объективной реальности, на ее диалектический характер. Как совершенно справедливо замечает А. Маслоу, «если единственным инструментом является молоток, существует искушение трактовать все как гвозди»⁷². Иными словами, абсолютизация метода приводит к тому, что метод формирует объект, а не наоборот.

Метод по природе своей партитивен, так как призван решать вполне определенную задачу. Любой метод (будь то частнонаучный или общенаучный) дает нам знание о реальности в каком-то одном ее моменте. Наука не знает абсолютных методов, хотя хорошо знакома с абсолютизацией методов. Любые и любой методы, способные схватить некоторую часть объекта, эксплицировать и раскрыть его специфичность, могут и должны входить в арсенал познавательных средств лингвистики. В силу своей партитивности приложение конкретного метода к объекту в целях построения научного знания о нем неизбежно связано с определенными потерями. Однако эти потери временные, так как то, что не схватывается данным методом, познается другими методами, при других подходах к объекту познания. Гегель подчеркивал, что в познании, ничего не потеряв, ничего и не найдешь.

Материальное единство мира уже в силу всеобщей взаимосвязи и взаимодетерминированности объектов реальности предполагает, хотя и в различной мере, возможность использования отдельных методов и приемов одной науки применительно к объектам другой. Существенными в данном случае являются не столько те или иные методы и приемы построения научного знания, сколько те или иные гносеологические установки общеметодологического характера, которые, с одной стороны, направлены на оправдание и поддержку конкретного метода, а с другой, выводятся из такового, порождаются им.

⁷² А. Maslow. The psychology of science. N. Y., 1966, стр. X.

Говоря об американской дескриптивной лингвистике, следует подчеркнуть, что система ее методов построения лингвистического знания есть рефлексия, характер которой детерминирован специфической онтологической картиной объекта, сложившейся здесь на основе принятия в качестве исходных принципов гносеологии прагматизма и позитивизма. Обращая внимание на эту сторону вопроса, Д. Хаймз указывает, что Блумфилд внес в американскую лингвистику помимо резко антименталистской ориентации еще и агрессивно сциентистскую струю в вопросы методики построения и организации лингвистического знания⁷³. «Наибольший вклад Блумфилда в лингвистику,— подчеркивает Р. Холл,— заключается в ригористичности его метода, который был применен ко всем аспектам лингвистики. До появления «Языка» Блумфилда лингвистика рассматривалась обычно как гуманитарная дисциплина, недоступная научным методам (постулатам, гипотезам, верификации)»⁷⁴. Дескриптивная лингвистика, правда, не декларировав этого, приняла принцип верификации в качестве основы построения научного знания о языке. Однако анализ принципа верификации с точки зрения его логической содержательности показал, что его абсолютизация неприемлема даже в естественных науках, ориентированных на познание реальности вне человека⁷⁵. Развиваемое в дескриптивной лингвистике понимание принципа верификации по существу привело к исключению значения как идеальной стороны языкового знака, признанию его лишь в той мере, в какой оно подтверждалось наглядными стимулом и реакцией. Другими словами, дескриптивная лингвистика опирается здесь на гносеологические постулаты неопозитивизма, отождествлявшие объективное с опытом. В конкретно-лингвистической деятельности по воссозданию картины объекта это проявляется в том, что единственно достойным научного внимания оказалась чувственно воспринимаемая, т. е. удовлетворяющая требованию верифи-

⁷³ D. Hymes. General introduction. «Language in culture and society». N. Y., 1965, стр. 11.

⁷⁴ R. A. Hall. In Memoriam Leonard Bloomfield. «Lingua», 1950, v. II, N 2, стр. 119.

⁷⁵ К. Popper. The logic of scientific discovery. London, 1965.

цируемости, форма. Задача лингвиста в этих условиях ограничивалась тем, чтобы свести описываемые явления к наименьшему количеству связей на основе анализа их сходства, последовательности, аранжировки, совместной встречаемости. Указанные вопросы были возведены дескриптивной лингвистикой в ранг кардинальных, базисных для «научной» лингвистики.

Отмечая узость и слабость дескриптивной лингвистики, Н. Хомский пишет, что эти качества были обусловлены допущением, что процедуры сегментации, классификации эмпирических данных, установление их дистрибутивных характеристик дадут возможность создать исчерпывающую научную картину конкретного языка, чего не случилось⁷⁶. Принятие указанных допущений обусловило то, что единственным эвристическим орудием дескриптивной лингвистики стала дистрибуция. Игнорирование семантики, опора на непосредственно данное (форму) заставляло строить описание с ориентацией прежде всего на синтагматику. Правда, позднее стало предполагаться наличие значения, что дало возможность выявления конкретных дистрибуций. Онтологическая узость влекла за собой узость методологическую, фактически дескриптивная лингвистика в своей программе пришла к тезису Маха о том, что «только соотношения между фактами обладают в науке ценностью, а последние полностью исчерпываются элементарной дескрипцией»⁷⁷.

Гипертрофия анализа как доминирующего инструмента в познании языковой действительности является существеннейшей чертой американского структурализма в силу его эмпиричности. «В опыте,—отмечает Гегель,—эмпиризм пользуется преимущественно формой анализа»⁷⁸. Если бихевиористы стремились через посредство анализа, разлагая поведение на элементарные реакции, познать человеческое сознание, то дескриптивисты, анализируя отрезки речи, стремятся познать систему языка. Основной задачей лингвиста и основным методом построения лингвистического знания здесь мы-

⁷⁶ N. Chomsky. The current scene., стр. 74.

⁷⁷ E. Mach. Die Principien der Wärmelehre. 2. Aufl., Leipzig — Barth, 1900, стр. 438.

⁷⁸ Г. Гегель. Сочинения, т. I, стр. 80.

слится анализ речевого отрезка, многоступенчатое его расчленение, выделение сегментов, описание их организации и аранжировки.

Как подчеркивает З. Харрис, «многие лингвистические факты могут быть открыты и описаны путем применения единственной (разрядка наша — В. Б.) операции: анализа речи на симультанные компоненты»⁷⁹. Нетрудно видеть, что в основе абсолютизации анализа лежал общеметодологический тезис редукционизма — целое всегда равно сумме своих частей. А отсюда и возможность экстраполяции информации, полученной на основании изучения частей, на целое. Стратегия построения научного знания в дескриптивной лингвистике полностью исчерпывается тремя следующими этапами: 1) схема расчленения целого (речевого произведения) на части; 2) план исследования каждой части; 3) схема переноса информации, полученной в результате изучения частей, на целое. Эта стратегия находит свое отражение в абсолютизации метода НС и редукции слова к морфеме. Аналитизм и эмпиричность дескриптивной лингвистики обусловили ее неэкспланаторный характер. Не случайно такие авторитеты, как Б. Блок, Д. Трейгер, Ч. Хоккет, М. Джуз и др. неоднократно подчеркивали, что дескриптивная лингвистика не отвечает на вопрос «почему?». Для подлинной науки, стоящей на позициях марксистского языкознания, такой индетерминизм абсолютно неприемлем.

В задачу любой науки входит изучение не только того, что уже осуществлено, но и того, что осуществимо. Можно прямо подчеркнуть, что прогностичность является существеннейшей функцией науки. Прогностичность же дескриптивной лингвистики блокировалась гипертрофией анализа. В этой своей части дескриптивная лингвистика полностью исповедует позитивизм Р. Мизеса, который в своей книге «Позитивизм» отмечает, что «в этой книге вы не найдете главы о синтезе. Мы не верим, что задача науки сводится к задаче часовщика (разрядка наша.—В. Б.), который берет сломанные часы, осматривает их, снова собирает. Это не значит, что анализом мы рассекаем мир, но та картина,

⁷⁹ Z. S. Harris. Simultaneous components in phonology. «Language», 1944, v. 20, N 4, стр. 204.

которую мы создаем из событий, чтобы найти дорогу в нем, состоит из простых элементов (разрядка наша. — В. Б.) подобно тому, как карта мира является результатом изучения его отдельных частей»⁸⁰. Но, как справедливо подчеркнул А. Мартине, «описания языка нельзя достигнуть через посредство разъятия всех элементов его тонкого механизма в такой же мере, как нельзя описать часы через посредство рядоположения их пружинок и колесиков. Необходимо показать, как все эти элементы (языка и часов) функционируют в работе. Анатомия, если она не изучается в целях физиологии, превращается в некрологию»⁸¹.

Абсолютизация морфемного анализа в дескриптивной лингвистике привела к тому, что синтаксис был фактически поглощен морфологией. Уже Блумфилд полагал равноценным сочетание любых двух элементов в речевом произведении. Так, между сочетаниями *John fell*, *poor John*, *a + way (away)*, *play + ing (ing)* усматривается полное сходство, игнорируется различие. Хорошо известно, однако, что то, что отличает одно явление от другого, и составляет его сущность. Уравнивание *John fell* и *play + ing* есть фактически редукция синтаксиса к морфологии, растворение синтаксиса в морфологии. Харрис, например, полагает вполне правомерным отождествление последовательности морфем с последовательностью слов. На основании простого внешнего сходства он считает вполне допустимым выделение таких сегментов, как *con-*, *ge-*, *-ceive*, *-cur*, *-duct*, *-jure* в словах *conceive*, *receive*, *concur*, *recur*, *conduct*, *deduct*, *perjure*, *conjure*, хотя с точки зрения синхронного состояния они не могут члениваться вообще. Группирование фонем *p—p^h*, по Харрису, диктуется отнюдь не объективным положением вещей. А тем, что группирование *p—t^h*, *k—p^h* не отвечает принципу простоты. Выделение сегмента *-g* в *bug*, *rag*, *bag* оказывается неудобным не потому, что *g* не соотносится ни с одним элементом структуры содержания, а тем, что такое деление «неудобно с точки зрения экономности констатаций»⁸². Нельзя не видеть, что такое понятие

⁸⁰ R. V. Mises. *Positivism. A study in human understanding*. N. Y., 1951, стр. 57.

⁸¹ A. Martinet. *The unity of linguistics*. «Word», 1954, v. 10, N 2—3, стр. 125.

⁸² Z. S. Harris. *Methods..*, стр. 64, 160.

«экономии» восходит к Авенариусу. Кроме того, здесь достаточно четко просматриваются принципы установления тождества, провозглашенные прагматизмом, соответственно которым «тождество всегда является результатом волевой (разрядка наша.— В. Б.) операции, совершаемой над данным подобием». «Понятие тождества является свободным творением постулирующего ума, который исходит из своего опыта, чтобы удовлетворить свои желания»⁸³. Напомним, что В. И. Ленин подчеркивал, что «мышление человека тогда «экономно», когда оно *правильно* отражает объективную истину...»⁸⁴

Правда, когда анализ служит некоторой прикладной цели (например, машинный перевод), тогда действительно возможен такой подход, при котором, скажем, слово *порося* удобно рассматривать в качестве возвратного глагола. Совершенно иначе стоит вопрос в том случае, если описание языка преследует собственно лингвистические цели. Предпочтительность того или иного анализа при этом несомненно должна быть связана с его возможностью правильно отражать то, что есть в объективной языковой действительности. Поэтому, видимо, прав С. Четмен, который подчеркивает, что если «грамматический порядок означает нечто большее, нежели простая последовательность, то мы, несомненно, должны предпочесть анализ *walked/to the door* анализу *walk to the door + ed*»⁸⁵. К подобному же выводу приходит в конечном счете и Ч. Хоккет⁸⁶.

Таким образом, во главу угла дескриптивная лингвистика ставит не столько «беспристрастное», «объективное» описание конкретной языковой реальности, сколько описание «экономное», т. е. пристрастное. Совершенно очевидно, что данная задача не может быть выполнена без существенного сдвига методологических акцентов при воспроизведении объекта в знании, так как принцип

⁸³ F. S. Schiller. Humanismus. Leipzig, 1911, стр. 67—68; ср.: J. Dewey. Logic. The theory of inquiry. N. Y., 1938, стр. 280; W. James. The meaning of the truth. London, 1909, стр. 80—81.

⁸⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 176.

⁸⁵ S. Chatman. Immediate constituents and expansion analysis. «Word», 1955, v. II, № 3, стр. 381; J. Greenberg. Essays in linguistics. Chicago, 1960, стр. 18, 27.

⁸⁶ Ch. Hockett. Problems of morphemic analysis. «Language», 1947, v. 23, N 4, стр. 321.

«экономности» описания в том виде, в каком он понимается дескриптивистами, есть не что иное, как прагматический принцип удобства. Этот принцип может «работать» на уровне чисто прикладных задач, но он несостоятелен там, где речь идет о познании объекта.

В связи со сказанным, видимо, целесообразно было бы различать адекватность теоретическую, уровень которой будет тем выше, чем ниже доля человеческого ингредиента в научной картине объекта, и адекватность прагматическую, исходящую из прикладных целей и задач, которые ставятся человеком. В понятии прагматической адекватности субъективный фактор может играть решающую роль, и уровень подобной адекватности прямо пропорционален доле человеческого ингредиента в описании объекта.

Общеметодологическая значимость дифференцированности понятия адекватности для лингвистики бесспорна. На неэксплицированность этого понятия обратил внимание Н. Хомский, который в работе «Логические основы лингвистической теории» говорил о необходимости различать как минимум три уровня адекватности (адекватность наблюдения, адекватность описания, адекватность объяснения)⁸⁷. По мнению Хомского, дескриптивная лингвистика работает на уровне адекватности наблюдения, т. е. учитывает только исходные данные. Пример с З. Харрисом показывает, что это далеко не так. Нам представляется, что Хомский не учитывает также и того обстоятельства, что два из указанных им типов адекватности могут быть субординированы адекватности прагматической (наблюдение и описание).

Игнорирование диалектики части и целого в лингвистическом исследовании приводило американский дескриптивизм к изгнанию из языковедческой науки синтаксиса как учения о сочетании слов в предложении, к морфолого-синтаксическому синкретизму. Причем, если последнее обстоятельство не могло сказаться отрицательно на изучении агглютинативных языков, то отказ от дихотомии «морфология — синтаксис» при анализе языков фузионных был чреват серьезной опасностью внесения

⁸⁷ Н. Хомский. Логические основы лингвистической теории. «Новое в лингвистике», вып. IV. М., 1965, стр. 482—485. По вопросу о прагматической адекватности см.: А. Д. Урсул. Отражение и информация. М., 1973, стр. 62—74.

произвола, деформации и снижения адекватности лингвистического знания. Непонимание диалектики части и целого приводило к тому, что минимальные самостоятельные единицы языка, каковыми являются слова, отождествлялись и подменялись минимальными несамостоятельными единицами — морфемами. Слово растворялось в формальных отношениях языковой системы. Следствием этого явилось неразличение смысловых и значимых единиц в структуре языка. К первым, как совершенно правильно отмечает Г. В. Колшанский, относятся слова, тогда как ко вторым относятся морфемы⁸⁸. Это приводило также к тому, что качество как выражение целостности и своеобразия единиц различного уровня языка полностью оставалось по ту сторону дескриптивной лингвистики. Материально-идеальные отношения типа «значение — объект», свойственные слову, отождествлялись с отношениями типа «значение — функция»⁸⁹, свойственными морфеме.

Как справедливо замечает В. З. Панфилов, морфема лишена номинативной функции, не соотносится с какой-либо формой мышления⁹⁰. Существенно подчеркнуть, что слово как образование качественно более высокого ранга обладает, мы бы сказали, значительно большим «количеством степеней свободы», более подвижно и свободно в синтагматическом ряду. Разумеется, что в принципе при описании языка возможен и тот подход, который утверждается методикой и практикой дескриптивной лингвистики. Однако такой подход игнорирует нормы реального функционирования языка. Понимание речи как последовательности морфемных сегментов, а морфем как «сырья» (*raw material*), служащего для построения высказывания, искажает подлинную картину процесса коммуникации с помощью языка. При таком подходе за пределами лингвистики остается все то, что связано со словом как «вместилищем, средоточием значений, отражающих в своей смысловой связи присущие коллективу принципы сочетания, сопоставления и объединения идей, эмоций, предметов, процессов, признаков,

⁸⁸ Г. В. Колшанский. Проблемы логического анализа структуры языка. Докт. дисс. М., 1964, стр. 264.

⁸⁹ Там же, стр. 199.

⁹⁰ В. З. Панфилов. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, стр. 8.

качеств, отношений», как «вместилищем предметных значений, из которых слагается система социально-языковой семантики»⁹¹. При этом, как уже говорилось, полностью игнорировалось то обстоятельство, что морфема единица не синтаксического, а морфологического уровня, что комплексы морфем служат морфологической репрезентации синтаксических единиц. Игнорирование ограничений, накладываемых на природу морфемы самой объективной спецификой объекта, в общеметодологическом плане обуславливало уязвимость дескриптивной концепции построения знания о языке, подрывало ее строгость и вносило элемент эклектизма. Нельзя не вспомнить здесь замечания Ф. де Соссюра о том, что «слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное во всем механизме языка»⁹².

Игнорирование места и роли слова, растворение синтаксиса в морфологии привели в конечном счете к тому, что в дескриптивной лингвистике был полностью предан забвению категориальный аспект языковых явлений, грамматические категории *per se* перестали быть предметом лингвистики.

Следует со всей определенностью подчеркнуть, что хотя слово и можно описать через морфему, равно как и речь через язык, однако такой подход не обладает исчерпывающей логической силой и способен дать как о слове, так и о речи лишь самое общее представление. Последнее обстоятельство предопределено еще в своей исходной инстанции тем, что здесь осуществляется качественная редукция феноменов более высокого ранга к уровню феноменов более низкого ранга. Другими словами, в своей качественной содержательности единица измерения не соответствует тому, что ею измеряется. Вместе с тем достаточно очевидно, что утверждение морфемы в качестве единицы анализа полностью отстраняется от исторической перспективы, от факта производности морфемы.

⁹¹ В. В. Виноградов. Современный русский язык. М., 1938, стр. 4, 113.

⁹² Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. III. Ср. также: Дж. Гринберг. Квантитативный подход к морфологической типологии языка. «Новое в лингвистике», вып. III, стр. 68—69.

Разумеется, механизм функционирования того или иного явления может быть вскрыт и без учета исторической перспективы, однако коль скоро речь идет о том, чтобы предмет был не только узан, но и познан, историческая перспектива должна быть включена в процесс познания в качестве исходной посылки. Природа и онтологический статус явления могут быть выявлены лишь с учетом его генезиса. Важно также подчеркнуть, что утверждение морфемы в качестве основной единицы лингвистического анализа влечет за собой автоматически морфемоидную схематизацию языковой реальности, означает принятие языковой системы метаязыка, в которой формулируются результаты наблюдения. Морфема в силу этого выступает в качестве детерминативного фактора в построении лингвистического знания. Строя систему языка с опорой на морфему, сторонники дескриптивной лингвистики понимают высказывание как определенную морфемную аранжировку. Однако такая схематизация языковой действительности, приемлемая в рамках прикладного языкознания, оказывается неприемлемой в собственно лингвистических целях, ибо не отражает реального состояния языка.

Существенно отметить, что, квалифицируя язык как содержательное явление, так как он коммуникативен (в бихевиористском понимании этого слова), сторонники дескриптивной лингвистики стремятся отобразить его в познании через посредство морфемы, т. е. отнюдь не коммуникативной единицы. Данное несоответствие привело в конечном счете к тому, что статус универсальности морфемы был постепенно лишен той жесткости, которой он обладал в «Постулатах» Блумфилда и в работах З. Харриса. Понятие слова под наименованием «идиома», «элемент» вводится Ч. Хоккетом⁹³, а затем Ф. Хаусхолдером⁹⁴, тем самым морфеме отказывается в статусе универсального элемента осмысления и описания структуры языка. Возникшая же в рамках дескриптивной лингвистики теория трансформации Н. Хомского со всей отчетливостью показала непригодность морфемы в качестве основной единицы синтаксического анализа, ибо она отрицает возможность сведения всего

⁹³ Ch. Hockett. A course in modern linguistics. N. Y., 1958, стр. 173.

⁹⁴ F. Householder. On linguistics primes. «Word», 1959, v. 15, стр. 236.

многообразия синтаксических типов к ядерным моделям⁹⁵.

Выделение морфемы как конститутивной части того целого, чем является слово, возможно лишь при наличии этого целого. Представляется достаточно очевидным, что, например, морфема *-ик* (*нож-ик, стол-ик, дом-ик, двор-ик*) как в своей содержательной, так и в формальной части выделяется прежде всего в силу того, что в языке имеются слова: *нож, стол, дом, двор*, а отнюдь не эти последние выделяются как соответствующие морфемы в силу наличия «слова» *-ик*. Значение морфемы — это всегда часть значения слова. Слово как целое, следовательно, проникает в части (гесп. морфемы), изменяет и конкретизирует их. Будучи как лингвистическая единица целым, состоящим из частей (морфологических элементов: корня и аффиксов), оно является тем самым доминирующим фактором в детерминировании природы и содержательной стороны элементов, входящих в его состав, ибо «часть должна сообразоваться с целым, а не наоборот»⁹⁶.

Слово, следовательно, является формой существования (хотя и не единственной) морфемы⁹⁷, подобно тому, как речь является формой существования языка. Слово как реальная единица языка не может, стало быть, игнорироваться никакой лингвистической концепцией, претендующей на общеметодологический статус, без угрозы утраты ею научной перспективы, без угрозы методологического тупика, ибо сколь изошренной ни была бы техника описания, методологический инструментарий и приемы построения лингвистического знания, в конечном счете они обнаружат свою дефективность и недостаточность своей разрешающей способности, коль скоро не будут в состоянии учесть характеристики исследуемой языковой реальности, коль скоро они в своем объяснении и описании ориентированы на редукцию высших форм к низшим, на анализ высших форм в их преломлении через призму характеристик и

⁹⁵ N. Chomsky. Syntactic structures. The Hague, 1957, стр. 57, 59, 106.

⁹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 362.

⁹⁷ См.: Е. С. Кубрякова. Единицы лингвистического анализа и предмет морфологии. «Морфологическая структура слова в языках разных типов». М., 1963, стр. 181.

свойств низших. Говоря другими словами, релевантность той или иной лингвистической единицы, взятой в качестве исходной в целях анализа, отнюдь не является автономным и независимым качеством таковой. Любая единица анализа релевантна лишь в пределах уровня ее порождения и функционирования, лишь на уровне качественной идентичности инструмента анализа и анализируемого. Использование данной единицы за пределами сферы естественного применения очень быстро обнаруживает ее иррелевантность анализируемому явлению. Морфема за пределами своего локуса не оказывается адекватно релевантной как единица описания.

Индуктивный характер дескриптивной лингвистики является оборотной стороной ее эмпиризма. Как известно, основатель дескриптивной лингвистики Л. Блумфилд полагал плодотворными в языковедческой науке лишь индуктивные обобщения, однако еще в конце XIX в. Боуэн де Куртенэ подчеркнул, что «возможно более обширное применение дедуктивного метода есть цель всех индуктивных наук»⁹⁸. Дж. Гринберг, отвергая категоричность утверждаемого Блумфилдом для лингвистики индуктивного подхода, замечает: «Общепринятая точка зрения, по-видимому, сводится к тому, что метод науки является и индуктивным, и дедуктивным. Формулирование обобщений, полученных посредством индуктивных исследований, приводит к гипотезам более высокого уровня, на основании которых, в свою очередь, можно дедуктивным путем получить дальнейшие обобщения. Эти последние затем должны быть подвергнуты эмпирической проверке»⁹⁹.

Стремление Блумфилда к универсализму в построении лингвистического знания самым естественным образом выливалось в требование создания единого метаязыка лингвистики. В этом плане, по мысли Блумфилда, лингвистика должна в своих построениях пользоваться лишь такими терминами, которые переводимы на язык физики и биологии¹⁰⁰. Блумфилд был, по сути, первым, кто продемонстрировал возможность и предложил сред-

⁹⁸ Цит. по кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания. ч. I. М., 1964, стр. 280.

⁹⁹ «Universals of language», Ed. J. Greenberg. Cambridge, Mass., 1963, стр. IX.

¹⁰⁰ L. Bloomfield. Language or ideas?, стр. 89.

ства для унифицированного научного подхода ко всем аспектам лингвистического знания. Отметим, в частности, что к Блумфилду в своих истоках восходит идея использования универсальной «агглютинативной модели» при описании языков различного по своей организации строя. Если снять неправомерную метафизическую абсолютизацию и позитивистский экстремизм, квалифицирующий в качестве научного лишь то, что относится к так называемым позитивным наукам, то нельзя не видеть, что в основе исканий Блумфилда лежала, вообще говоря, совершенно правильная и прогрессивная идея превращения лингвистики в точную науку, хотя само понятие точности в блумфилдовской концепции отнюдь не носит сколько-нибудь дифференцированного подхода применительно к общественным и естественным наукам.

Возникновение дескриптивной лингвистики в США было обусловлено, помимо специфичности стиля американского научного мышления, всегда испытывавшего сильное давление со стороны позитивизма и прагматизма, еще и возрастанием роли точных методов в исконно гуманитарных науках, в частности в психологии, а также резким повышением интереса к проблемам человеческой коммуникации. Существенным оказался здесь и общий идейный кризис традиционной лингвистики в вопросах, связанных с приложением лингвистического знания к проблемам прикладного характера, особенно бурно начавшим обнаруживать себя после второй мировой войны. В этой связи дескриптивная лингвистика может рассматриваться в качестве попытки компенсировать недостатки буржуазной традиционной лингвистики, попытки преодолеть все расширяющуюся пропасть между рабочими потенциями лингвистики и требованиями реальной жизни применительно к языковой коммуникации. Становление дескриптивной лингвистики прошло в общем две стадии. Первую — период с 1925 по 1945 гг. — можно квалифицировать как латентную. В этот период дескриптивная лингвистика распространялась вширь, завоевывая себе сторонников не только на различного рода симпозиумах и совещаниях, но и через свой печатный орган «Language», публикуемый Лингвистическим обществом Америки (Linguistic Society of America), со специальной установкой на распространение принципов дескриптивной лингвистики в лингвистической науке.

В этот период дескриптивная лингвистика еще не противопоставляет себя активно традиционной лингвистике в качестве направления, претендующего на статус общелингвистического. Вторая стадия, начавшаяся после 1945 г., характеризуется наступательностью этого лингвистического направления, теоретическими столкновениями, дебатами. В этот период дескриптивная лингвистика провозгласила устами своих сторонников (Р. Уэллз, Ч. Хоккет, Л. Смит, Д. Трейгер, Б. Блок, З. Харрис, К. Веглин и др.) программу вытеснения традиционной лингвистики, квалифицируя ее как «спекулятивную», «ненаучную», «метафизическую», «менталистскую». В качестве подлинно научной лингвистики дескриптивная лингвистика предлагает именно себя, а научными мыслит исследования, которые выполнены под ее эгидой.

В самом общем виде возражения сторонников дескриптивной лингвистики в адрес традиционной, представлявшие оборотную сторону их позитивной программы, заключаются в следующем. Положения подлинно научной лингвистики безусловно должны опираться на проверяемые в непосредственном восприятии факты, должны удовлетворять требованию верификации. Научная лингвистика должна быть такой же строгой и такой же точной, как естественные науки, а ее формулировки и положения должны носить эксплицитный характер. Интуиция, интуитивные оценки опыта, как несомненно несущие на себе личностную печать, должны быть исключены.

Метафизические, менталистские формулировки противны духу подлинной науки и неприемлемы в системе дескриптивной лингвистики.

Поскольку исследования, проведенные в традиционной лингвистике, не удовлетворяют упомянутым требованиям, то ее следует рассматривать в качестве предыстории подлинно научной лингвистики, мыслить ее в качестве своего рода лингвистической «астрологии» или «алхимии». Этот этап лингвистики со всеми ее заблуждениями следует как можно быстрее преодолеть и отбросить как донаучный.

Как уже отмечалось, дескриптивная лингвистика в своей общеметодологической ориентации самым непосредственным образом связана с американским прагматизмом и бихевиористской психологией. Именно это об-

стоятельство обусловило основные аспекты методологии данного направления в лингвистической науке, придало ему собственно американскую окраску. Аспекты этой ориентации таковы: 1) изучение предмета (в данном случае предмета лингвистики) должно строго ориентироваться на поведение как единственно данное в эмпирии (речевое поведение индивидов, речь как конкретное «поведение» языка); 2) не существует какого-либо различия между социальными и естественными науками; научное познание формируется на основе модели естественных наук; лингвистика — это естественная наука; 3) максимальная ориентированность на эмпирические факты есть способ избежать тлетворного влияния метафизики; 4) исследовательские процедуры должны быть эксплицитными и воспроизводимыми; 5) явлениям языковой действительности должна даваться квантифицированная оценка и квалификация; 6) критерием научности выступает возможность верификации и фальсификации.

Все приведенные положения нашли свое преломление (в большей или меньшей мере) в конкретной методике построения лингвистического знания в дескриптивной лингвистике. Надо отметить, что приведенные выше установки совершенно недвусмысленны в своей ориентации на неопозитивизм.

Следует подчеркнуть, что в целом позитивная программа дескриптивной лингвистики, эмпирическая проверка, строгость, воспроизводимость и т. д. не может не вызвать симпатии. Однако эта внешняя декларативная и несущая на себе явно пропагандистский оттенок позитивная сторона дескриптивной лингвистики не может спасти ее от общеметодологической несостоятельности, сущность которой заключается в раздувании, гипертрофировании, абсолютизации упомянутых принципов, хотя в разумных пределах целый ряд указанных принципов вполне приемлем и плодотворен.

Обратимся, в частности, к принципу верификации, который в дескриптивной лингвистике выливается в признание модуса реальности лишь за теми словами, которые в своем значении представлены реакцией-действием. Конечно, эмпирическая проверка, требование, чтобы за рассматриваемыми сущностями стояла объективная реальность, представляется таким, которое нель-

зя не рассматривать в качестве весьма важного для проверки теории или гипотезы. Однако безусловность применения данного принципа, требование, чтобы за каждым феноменом языка стояла эмпирически доступная восприятию сущность, исключает из лингвистического познания значительную, мы бы сказали, даже преобладающую группу лексических образований в языке *homo sapiens*. Признания Б. Скиннера и У. Морриса в этом смысле весьма показательны. В частности, Скиннер, наиболее ригористский сторонник концепции вербального поведения, вынужден признать, что определение значения таких слов и выражений, как *атом*, *ген*, *минус единица*, *дух времени*, *тем не менее*, *хотя*, *ай* не может обойтись без интроспекции, без заглядывания во внутрь организма человека¹⁰¹. Существенно подчеркнуть, что безусловное применение принципа верификации фактически устраняет какую-либо возможность исследования прошлого или будущего состояния языка, ибо непосредственная эмпирическая проверка суждений о языке в этих случаях исключена, и поэтому должна быть квалифицирована как ненаучная и неправомерная. Необходимо также отметить, что принцип верификации обращается против тех сторонников дескриптивной лингвистики, которые пытаются построить объяснительную версию функционирования тех или иных алломорфов при помощи искусственно создаваемых моделей (Блумфилд, Харрис, Хоккет и др.). Нетрудно видеть, что, несмотря на эмпиричность процедуры имитации, ее результат допускает возможность верифицируемости лишь применительно к созданным моделям, а не к подлинной языковой реальности. Требование верифицируемости в своей логической законченности отрицает метод моделирования, метод имитации языковых явлений в качестве средства изучения языковой реальности.

Принимая принцип чувственной верификации применительно к языковым знакам, дескриптивная лингвистика фактически принимает принцип логического позитивизма, признающего бессмысленными все термины и высказывания, не имеющие непосредственного чувственного эквивалента. Однако, как известно из практики Венского кружка, в доктрину верификации были в дальнейшем внесены

¹⁰¹ B. Skinner. Verbal behavior. London, 1957, стр. 8.

существенные изменения в том смысле, что насильственно изгнанная семантика была реабилитирована, что и ознаменовало собой семантическую стадию развития неопозитивизма. Аналогичное явление наблюдается и в развитии дескриптивной лингвистики, где семиофобия Блумфилда и его последователей была в дальнейшем отброшена Н. Хомским.

Следует заметить, что дескриптивная лингвистика усилиями Блумфилда, Харриса, Хоккета, Трейгера, Смита и других с самого начала была ориентирована против рационализма и теоретической направленности, ибо таковые мыслились как совращающие истинную науку метафизика и философия. Здесь полностью воцарился механистический стиль мышления, исходящий из сведения любого языкового явления к начальным элементам и выведения из них различных комбинаций всех свойств сложных образований (например, уравнение свойств морфем со свойствами словосочетаний, универсализация метода непосредственно составляющих, независимо от уровня материала, к которому он прилагается и т. д.). Подобно ньютоновской физике, дескриптивная лингвистика исходит из «материала», обладающего простой «локализацией» в пространстве, игнорируя фактор времени. Ее конечный факт — это материальный объект. Все это, наряду с ориентацией на сугубо эмпирический образ мышления привело к тому, что дескриптивная лингвистика в своих целях и задачах оказалась лишь методикой, а не теорией построения лингвистического знания. В дескриптивной лингвистике восторжествовала, по словам Хоккета, «идея такой „философской ориентации“, что действительная Истина (по меньшей мере относительно языка) недостижима, а поэтому мы должны довольствоваться лишь случайными взглядами в ее направлении и не очень заботиться о Конечном (т. е. теории.— В. Б.)»¹⁰².

Говоря о теоретическом нигилизме дескриптивной лингвистики в целом, вместе с тем следует отметить, что здесь наряду с тщательно разработанной системой эмпирических методов получили применение и некоторые теоретические методы. В первую очередь обращает на себя внимание построение абстрактных моделей выска-

¹⁰² Ch. Hockett. The state of the art. The Hague — Paris, 1968, стр. 27.

звания, попытка на уровне моделей развить идею трансформации и порождения (Харрис), т. е. в недрах эмпирически ориентированной дескриптивной лингвистики зарождались рационалистические идеи, которые были подхвачены и развиты в дальнейшем Н. Хомским в его генеративной теории. Не менее ограниченным в своей безусловности является выдвинутое Блумфилдом и одобрительно воспринятое и проводимое в жизнь его сторонниками (Хоккет, Харрис, Трейгер, Смит и др.) требование эксплицитности и строгости определений процедур. Естественным следствием абсолютизации этого требования было исключение из лингвистики, претендовавшей на модус научности, суждений, основанных на личном опыте ученого, полное отбрасывание каких-либо интуитивных моментов в построении лингвистического знания.

Вряд ли можно сомневаться, что само по себе требование повышения строгости и точности лингвистических исследований, методов и принципов построения лингвистического знания является чрезвычайно плодотворным для лингвистики и повышает ее научный авторитет в системе общественных наук. Однако общеметодологическое понятие точности и строгости в дескриптивной лингвистике было ориентировано на естественнонаучные, физические стандарты. По признанию Хоккета, точность превратилась в лозунг тех лет, «хотя мы и не располагали достаточно строгим ее определением»¹⁰³. Совершенно очевидно, что понятие точности и строгости не может абсолютизироваться. Точность и строгость в лингвистике должны быть лингвистически (а не физически) релевантны. Специфика языковой реальности в ее гетерогенности и оригинальности не может идти ни в какое сравнение со спецификой объектов физической природы. Таким образом, гипертрофия верификации, эксплицитности, точности, строгости, воспроизводимости в приложении к лингвистической науке без учета ее специфики неизбежно должна была привести и привела, как показал опыт дескриптивной лингвистики, к деформации объективной картины языковой реальности. Практика дескриптивной лингвистики достаточно хорошо изучена как в работах зарубежных, так и отечественных

¹⁰³ *Ch. Hockett. The state of the art, стр. 29.*

языковедов, и в общем выводе, который здесь следует сделать, нельзя не отметить, что существенным звеном, обусловившим общеметодологические пороки дескриптивной лингвистики, явилась ее безусловная ориентация на гносеологию прагматизма, в частности на «поведенческий» подход к построению лингвистического знания, которые не только направили дескриптивную лингвистику в русло теоретического нигилизма, но и обусловили подмену глубокого сущностного анализа языковых фактов поверхностным эмпирическим описанием. Разумеется, то обстоятельство, что Блумфилд и его сторонники ориентировались на указанные предпосылки, было обусловлено в общем весьма благородной целью: желанием сделать лингвистику строгой и точной наукой. Опыт дескриптивной лингвистики еще раз показывает, что этого можно достичь лишь на основе материалистической философии, правильно отражающей диалектику объективного мира, в том числе и диалектику языка как специфического объекта человеческой деятельности.

АМЕРИКАНСКАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

1

Оценка любого научно-теоретического направления предполагает всесторонний учет его философской ориентации. Применительно к социолингвистике, дисциплине, развивающейся на стыке языкознания и социологии, это означает выявление той системы взглядов, которых придерживается тот или иной ученый относительно самой природы языка, социально-классовой структуры общества, места языка среди других общественных явлений и характера связей между ними. Философская концепция, лежащая в основе того или иного социолингвистического направления, его связь с теми или иными течениями в философии и социологии находят свое отражение не только в его теоретическом аппарате, но и в арсенале используемых им исследовательских методов и аналитических процедур.

Ниже будет предпринята попытка выявить общую философскую ориентацию американской социолингвистики, сравнительно молодого исследовательского направления, которое возникло лишь в начале 60-х годов, но уже успело приобрести достаточную известность и значительное влияние за пределами Соединенных Штатов, в особенности в западноевропейских странах. Вместе с тем особое внимание будет обращено на методологические принципы предпринимаемых американскими социолингвистами конкретных исследований, на связь между лежащими в их основе философскими концепциями и используемыми в них методическими приемами, на эффективность этих приемов с точки зрения решаемых задач.

Для оценки философских основ современной американской социолингвистики далеко не безразлично выяснение ее идеологической ориентации. В этой связи следует вспомнить, что усиление в США интереса к

социологическим проблемам языка было самым непосредственным образом связано с потребностями американского общества, для которого проблемы языковой политики и языкового планирования, а также другие практические аспекты социолингвистики приобретают все большую актуальность. Мощное движение протеста против расовой дискриминации, охватившее США в 60-е годы, приковало внимание к острым социальным проблемам американских негров, пуэрториканцев, мексиканцев («чиканос») и других обитателей гетто. Не следует, однако, забывать, что, щедро финансируя научно-исследовательскую деятельность ученых, в том числе и социолингвистов, изучающих эти проблемы, американский «истэблшмент» преследовал далеко не бескорыстные цели. По признанию американского диалектолога Дж. Следда, эта деятельность является частью широкой программы интеграции диссидентов в рамках существующего политического строя, «превращения потенциальных революционеров в угодливых, карабкающихся вверх и старательных прислужников, составляющих низшие слои среднего класса в индустриальном (капиталистическом.— А. Ш.) обществе, обеспечения «благоприятных изменений», которые ни в коей мере не ставили бы под угрозу существующую систему власти и привилегий»¹.

Не менее щедро финансируется и изучение социолингвистических проблем развивающихся стран. Так, предпринятое в начале 60-х годов исследование роли вторых языков в Азии, Африке и Латинской Америке² финансировалось, в частности, американским правительством в лице Управления по международному развитию, заинтересованного, как отмечается в сборнике материалов этого исследования, в осуществлении программы помощи в деле изучения английского языка как иностранного. Разумеется, эта программа является органической частью внешнеполитического курса, рассчитанного на сохранение и расширение позиций США в странах «третьего мира».

¹ J. Sledd. *Doublespeak: dialectology in the service of Big Brother.*— В кн.: R. W. Bailey, J. L. Robinson. *Varieties of present-day English.* N. Y., 1973.

² *Study of the role of second languages in Asia, Africa and Latin America.* Washington, 1962.

Из сказанного вовсе не следует, что мотивы, которыми руководствуются те или иные американские социолингвисты, осуществляя свои исследовательские программы, всегда и во всех случаях совпадают с теми, которые побуждают правящие круги США финансировать их научно-исследовательскую работу. Немалую роль в стимулировании социолингвистических исследований в США сыграл, в частности, кризис структурного языкознания. Однако для оценки идейной и философской ориентации социолингвистики в США необходимо учитывать выполняемый этим направлением социальный заказ.

Говоря о философском фундаменте социолингвистического направления в Соединенных Штатах, следует иметь в виду, что для этого направления в целом характерно отсутствие четкой и последовательной ориентации на какое-либо определенное течение в философии. Труды американских социолингвистов скорее свидетельствуют о том, что у них нет единой философской базы. Более того, во многих теоретических и эмпирических исследованиях американских ученых по проблемам социолингвистики философские проблемы вообще игнорируются. Вместе с тем, отвечая на вопрос о том, какое философское течение оказало наибольшее влияние на американскую социолингвистику, следует отметить, что таким течением является *п о з и т и в и з м*, который, как отмечает А. Нойберт, на протяжении многих лет оказывает значительное влияние на интеллектуальный климат в Соединенных Штатах ³.

Известно, что философия позитивизма, в особенности бихевиоризм (согласно которому все многообразие социально детерминированных форм человеческого поведения предстает в виде более или менее шаблонных ответных реакций на стимулы окружающей среды), оказали в свое время ощутимое влияние на дескриптивную лингвистику, длительное время остававшуюся доминирующим направлением американского языкознания. Эта методологическая ориентация нашла отражение еще в работах основоположника дескриптивизма Л. Блумфилда, а наиболее полное воплощение получила в трудах

³ А. Neubert. Semantischer positivismus in den USA. Halle (Saale), 1962.

его последователей⁴. Социолингвистика в Соединенных Штатах (точно так же, как и генеративистское направление в языкознании) формировалась под знаком критического пересмотра ряда теоретических постулатов дескриптивной лингвистики и, в частности, ее бихевиористской ориентации.

Так, например, социолингвисты решительно отвергли положение дескриптивизма об автономии языка, о необходимости анализировать его лишь в терминах внутриязыковых отношений. Учет социальной среды потребовал от социолингвистов объединения усилий с такими общественными науками, как социология, социальная психология, этнография и антропология. В то же время нельзя не заметить, что, подвергая критике общетеоретические положения и методологические принципы дескриптивизма, американские социолингвисты в известной мере сохранили преемственные связи со своими предшественниками-структуралистами. Эти связи прослеживаются особенно четко в общей методологической ориентации этих течений, в их порой сознательной, а порой неосознанной приверженности методологическим постулатам позитивизма. Нельзя забывать также, что, устанавливая контакты с социологией, этнографией и другими общественными науками, американские социолингвисты ориентировались прежде всего на те течения в данных науках, которые сами испытывали значительное влияние позитивистских идей.

Теоретический мост от опирающегося на бихевиористские идеи дескриптивизма к современной американской социолингвистике перекинул К. Пайк, автор фундаментального труда «Язык в отношении к унифицированной теории человеческого поведения»⁵, основанного на бихевиористской модели S—R (стимул — реакция) в том ее варианте, который фигурирует в работах ортодоксального бихевиориста Б. Скиннера⁶.

В своем труде Пайк одним из первых отходит от дескриптивистского прецедента и предпринимает попытку анализировать язык в его социальном контексте. Он

⁴ См. предисловие М. М. Гухман в кн.: *Л. Блумфилд. Язык*. М., 1968.

⁵ *K. L. Pike. Language in relation to a unified theory of human behaviour*, Pt. I, II. Glendale, 1954—1960.

⁶ *B. F. Skinner. Verbal behaviour*. N. Y., 1957.

сохраняет, однако, верность бихевиористской традиции, которая проявляется в определении им самой сущности языка, рассматриваемого в качестве одной из форм поведения. Здесь следует внести существенное уточнение: возражения вызывает не сама по себе попытка сопоставить речевое поведение с другими формами человеческого поведения, а стремление свести язык к его поведенческим аспектам и бихевиористская интерпретация последних. Поскольку язык, согласно концепции Пайка, представляет собой поведенческий феномен, то и контекстом для него служат те поведенческие стимулы, которые вызывают языковую реакцию. Исходным положением является то, что любое целенаправленное человеческое поведение структурировано и что любые виды человеческого поведения при всей их вариативности могут быть описаны с помощью набора неких инвариантов.

Отсюда следует, что существует возможность выработки единого метаязыка, единой теории, терминологии и методов исследования, приложимых в равной мере как к языковому, так и к неязыковому поведению. Как и следовало ожидать, таким метаязыком оказывается язык дескриптивной лингвистики, а такими методами — методы дескриптивного анализа.

Исследуя акты социального взаимодействия как «поведенческие события» (*behaviorial events*), К. Пайк считает необходимым различать, с одной стороны, физический субстрат такого «события» или его внешнюю манифестацию, а с другой — те реакции, которые он вызывает у других. Для физического субстрата «поведенческого события» (характерна непрерывность (ср., например, слитное произнесение английской фразы *I know John* или непрерывное движение дирижерской палочки). В то же время реакция людей на собственное поведение и поведение других в своей основе дискретна. Человек, воспринимающий поведенческое событие, сегментирует его, выделяя в нем дискретные отрезки. Дискретные единицы любого поведения именуется «эмами» или «эмическими единицами». Применительно к языковому поведению в качестве таких единиц выступают фонемы (на фонологическом уровне) и морфемы (на морфологическом уровне).

Одним из основных принципов используемой Пайком эмической модели является принцип корреляции «точ-

ки» и «класса». Под точкой имеется в виду место, в котором возможна субституция (например, субституция слов во фразах *shut the door* и *shut the drawer* или серия взаимозаменяемых игровых приемов, возможных в тот или иной момент футбольного матча). Множество вариантов, возможных и допустимых в той или иной точке, образует эмический класс.

Из сказанного следует, что эмический анализ человеческого поведения исходит из рассмотрения поведенческих актов в свете той реакции, которую они вызывают у участников. Характерно, что, например, цель поведенческого события, фигурирующая в качестве одного из элементов его структуры, рассматривается как «вызов ответной реакции» (*elicitation of response*).

В унифицированной модели человеческого поведения поведенческие единицы, интуитивно выделяемые участниками события, именуются «бихевиоремами». Согласно утверждению Пайка, любое целенаправленное человеческое поведение может быть сведено к следующей центральной формуле:

$$U = \begin{matrix} F \\ M, \\ D \end{matrix}$$

где U — эмическая единица, а F , D и M — три параметра, или три «измерения» человеческого поведения: M — способ манифестации (*manifestation mode*), т. е. иерархическое, сегментное структурирование физического субстрата любого поведенческого события, F — характер признаков (*feature mode*), определяемый идентификационно-контрастивными компонентами данной единицы, D — характер дистрибуции (*distribution mode*).

Как видно из изложенного материала, теория Пайка представляет собой попытку распространить дистрибутивную модель, разработанную дескриптивистами на фонологическом и морфологическом материале, на любую социально-коммуникативную деятельность. При этом характерно, что значение фактически исключается из рассмотрения, подобно тому, как оно исключается из рассмотрения дескриптивистами при анализе языкового материала. Пайк прямо указывает на то, что его теория не постулирует особой абстрагированной единицы значения.

Оценивая разработанную К. Пайком теоретическую модель поведения, нельзя не заметить, что ей свойственна та черта, которая отличает дескриптивизм вообще: здесь метод исследования возведен в ранг самодовлеющей сущности и фактически подменяет теорию. Однако отсутствие надежной теоретической базы в значительной мере ограничивает эффективность самих методов. Ориентированная на бихевиористское понимание языковых и социальных явлений, модель Пайка имеет весьма ограниченную эвристическую силу. Более того, обращает на себя внимание явно односторонний и тенденциозный подбор примеров, которыми автор иллюстрирует свою концепцию. В основном он оперирует более или менее однотипными примерами шаблонизированного, строго регламентированного и, стало быть, в значительной мере предсказуемого поведения: например, игра в американский футбол, декламация стихотворения, обряд бракосочетания. И в этом явно находит свое проявление ограниченность методологической базы, на которую опирается ученый. В самом деле, использование языка в социальных ситуациях, которые не регламентируют столь жестко выбор языковых средств и линию поведения вообще, в ситуациях, которые допускают более «творческий» характер вербальной и невербальной коммуникации, фактически оказывается вне поля зрения исследования.

Представляется правомерной постановка следующих вопросов: 1. Можно ли считать эти элементарные процессы, связанные с реакциями на стимулы окружающей среды, достаточно репрезентативными для языка и для человеческого поведения? 2. Что дает модель Пайка для познания этих процессов?

Прежде всего следует отметить, что явления, на которых останавливает свое внимание Пайк, отнюдь не определяют сущности речевых процессов и носят в основном периферийный характер. Но даже если бы это не было так и если бы рисуемая Пайком картина использования языка на самом деле отражала бы самую сущность описываемых явлений, то и в этом случае пришлось бы признать, что «унифицированная теория человеческого поведения» представляет собой весьма произвольную и абстрактную таксономическую схему, которая, если и может быть исследовательским прие-

мом, то уж во всяком случае никак не может считаться конечной целью познавательного процесса.

Модель Пайка является своеобразным сплавом необихевиористских идей в области социологии и социальной психологии и необихевиористской теории речевой деятельности. Что касается бихевиористских взглядов на природу речевой деятельности, то они уже подвергались обстоятельной критике в работах советских психолингвистов, отмечавших, что согласно этим взглядам, все речевое поведение человека сводится к приспособлению к среде⁷. Те же механистические идеи пронизывают бихевиористскую социологию. И здесь, как справедливо отмечается в работах советских ученых, в качестве универсальной модели, претендующей на объяснение всех и всяческих явлений, предстает та же «магическая» формула S—R, и здесь личность, группа и среда рассматриваются в качестве элементов всеобщей связи⁸.

Об ограниченной объяснительной силе модели Пайка и о невысокой эффективности предлагаемых им методов свидетельствует и то, что его теория не нашла большого числа последователей. Пожалуй, самым ощутимым результатом был перенос принятого в дескриптивной лингвистике разграничения «этических» (т. е. не обладающих семиологической релевантностью и относящихся к физической материи языка и «эмических» (т. е. семиологически релевантных и относящихся к структурным единицам языка) категорий в область социальной и культурной антропологии, а также антропологической лингвистики. Необходимо отметить, что такого рода разграничение не лишено основания. Фактически речь идет о том, что тот или иной факт, языковой или социально-культурный, следует рассматривать сквозь призму данной языковой или социокультурной системы («эмический подход»), не проводя при этом ложных аналогий с внешне сходными явлениями другой системы (чисто «этический» подход). Иными словами, сходство физического субстрата еще не является достаточным основанием для приравнивания друг к другу разноси-

⁷ См., например, критику взглядов Б. Скиннера в кн.: А. А. Леонтьев. Психолингвистика. Л., 1967, стр. 23—25.

⁸ Е. С. Кузьмин. Основы социальной психологии. Л., 1967, стр. 7—9.

темных единиц как речевого, так и неречевого поведения.

Если говорить о языковых явлениях, то нельзя, например, ставить знак равенства между семиологически релевантным контрастом палатализованного и непалатализованного [1] в русском языке, с одной стороны, и семиологически нерелевантным контрастом между этими звуками в английском языке,— с другой. В области невербального поведения нельзя, например, отождествлять внешне сходные жестовые знаки (такие, как движение головы, означающие *да* и *нет* у русских и болгар), поскольку их «эмическая» роль, т. е. место, занимаемое ими в соответствующих системах, различна. Мысль эта не оригинальна, но в справедливости ее едва ли можно сомневаться.

Значение работ К. Пайка заключается, пожалуй, не столько в том прямом влиянии, которое он оказал на последующие труды американских социолингвистов, сколько в том, что они знаменуют собой промежуточный этап в развитии американской лингвистики. Пайк стремился преодолеть ограниченность американского дескриптивизма, оставаясь верным всем его теоретическим и методологическим постулатам. Эти постулаты были подвергнуты решительному пересмотру в трудах американских социолингвистов, но было бы ошибочно считать, что оказавшие столь серьезное влияние на дескриптивистов бихевиористские идеи не получают никакого резонанса в современной американской социолингвистике. Эти идеи находят свое проявление как в определении самой сущности языка, так и в оценке характера связи между языком и обществом. Даже такой принципиальный противник основных принципов дескриптивизма, как У. Лабов, характеризует язык в одной из своих последних работ, как «форму социального поведения»⁹. Одностороннее подчеркивание поведенческих аспектов вербальной и невербальной культуры характеризует работы многих американских социолингвистов. Отголоски бихевиористской традиции сказываются здесь в чрезмерном акцентировании жестко регламентируемых социальной ситуацией шаблонных и ритуальных форм общения, а порой — в попытках формализовать

⁹ W. Labov. Sociolinguistic patterns. Philadelphia, 1972, стр. 183.

отношения между социальной структурой и языком в виде простой корреляции независимых и зависимых переменных без какого-либо анализа каузальных связей между ними. Кроме того, современные необихевиористские теории находят свое отражение в некоторых социолингвистических моделях коммуникативного поведения. Нельзя не отметить, что даже критикуя узкобихевиористские взгляды своих предшественников-дескриптивистов, американские социолингвисты во многом остаются верными лежащей в основе бихевиоризма позитивистской методологии.

Наличие известных отголосков бихевиористской ориентации в работах американских социолингвистов дало основание Н. Хомскому полемизировать с теми учеными, которые считают учет социального контекста органическим элементом лингвистической теории. По свидетельству новозеландского социолингвиста Дж. Прайда¹⁰, в одном из своих выступлений Хомский заявил, что изучение языка в контексте (в том числе и в контексте социальной ситуации) бесполезно, поскольку лишь в крайне редких и малоинтересных случаях ситуативный контекст определяет то, что говорится, пусть даже в вероятностных терминах. Возражая Хомскому, Дж. Прайд совершенно справедливо указывает на то, что изучая язык в его социальном контексте, социолингвистика вовсе не обязательно должна исходить из бихевиористской концепции.

Разумеется, Хомский неправ, когда он усматривает в ситуативном подходе к изучению языка обязательное проявление узкобихевиористской ориентации или же отрицание «творческих» аспектов речевой деятельности. На самом деле, когда речь идет о детерминирующей роли речевой ситуации или тех или иных ее компонентов, совсем не обязательно имеется в виду, что детерминирующая связь между социально-ситуативными факторами и речевыми процессами проявляется в шаблонизированных реакциях на стимулы социальной среды. Все здесь обстоит гораздо сложнее. Само понятие речевой ситуации нуждается в дифференцированном рассмотрении. Сошлемся хотя бы на предлагаемое Е. М. Вере-

¹⁰ J. B. Pride. The social meaning of language. Ch. 10. London, 1971.

шагиным и В. Г. Костомаровым¹¹ весьма важное разграничение двух видов речевых ситуаций — стандартных (или стабильных) и переменных (или переменных).

В стандартных ситуациях поведение человека жестко регламентируется — как в отношении речевой, так и в отношении неречевой деятельности. Сюда относятся некоторые виды профессиональной деятельности, ритуальные формы коммуникации (ср., например, формулы команд на уроке гимнастики или стандартный набор фраз во время обряда венчания). Переменные речевые ситуации отличаются более или менее широким диапазоном выбора языковых средств, который определяется меняющимися социально-личностными отношениями между участниками коммуникативного акта. Следует подчеркнуть, что социальная детерминация речевых процессов имеет место в обоих видах речевой ситуации, но в первом возможен лишь один исход речевого процесса, а во втором число возможных исходов возрастает.

Разумеется, эти два вида речевых ситуаций представляют собой полярные случаи, между которыми возможны многочисленные промежуточные варианты. Свобода выбора языковых средств всегда в известной мере ограничена, хотя и не всегда подвержена жесткой регламентации. Творческое и нетворческое начала присутствуют почти в каждом речевом акте, тесно переплетаясь друг с другом. Выбор тех или иных языковых ресурсов, в том числе и ресурсов стилистических, определяется множеством социальных факторов, порой усиливающих друг друга, а порой действующих в противоположном направлении. Иными словами, социальная детерминация речевого действия — это сложный и многоаспектный процесс, никак не сводимый к элементарной формуле S—R.

Влияние позитивистских идей сказывается и в подходе к такой общей проблеме, как «язык и культура».

Выше отмечалась близкая связь между современной американской лингвистикой и ориентированными на позитивистскую философию общественными науками, в том числе социальной антропологией. Тесные контак-

¹¹ Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров. Язык и культура. М., 1973, стр. 95—102.

ты с социальной (или культурной) антропологией поддерживали еще предшественники современных социолингвистов — представители антропологической или этнолингвистики. Для этого направления был характерен взгляд на культуру, аналогичный взглядам на язык, свойственным многим направлениям структурализма. Так, например, по словам одного из представителей этого направления У. Гудинафа¹², описание культуры не может быть сведено к простому каталогу наблюдаемых фактов. Необходимо построение теории концептуальных моделей, репрезентируемых этими фактами.

В качестве основы для такой теории У. Гудинаф предлагает структурную лингвистику. Подобно тому как языковые факты выступают в качестве знаков концептуальных форм (например, звук, или «фон», является материальной репрезентацией фонемы), явления, относящиеся к сфере культуры, являются знаками, репрезентирующими определенные концептуальные формы или модели. Фонологическое описание имеет, по его словам, такое же отношение к реальным звукам, как и описание культуры к материальному миру вообще. Для структуралистского определения культуры, даваемого Гудинафом, характерна «дематериализация» культуры, сведение ее к сетке отношений, интерпретация конкретных проявлений культуры лишь как знаков, образующих систему.

Отмеченное выше сведение языка и культуры к их поведенческим аспектам в соответствии с методологическими установками бихевиоризма сказывается самым существенным образом и на теоретических постулатах современной американской социолингвистики, и на используемых ею исследовательских процедурах. Ведь по сути дела речь здесь идет об одной из методологических традиций социальной (или культурной) антропологии, традиции, которая до сих пор находит себе немало последователей среди американских социолингвистов. Пожалуй, наиболее прямолинейно мысль о примате поведенческого аспекта в изучении языка и культуры была выражена еще Б. Малиновским, оказавшим значитель-

¹² W. H. Goodenough. Cultural anthropology and linguistics. «Language in culture and society». Ed. D. Hymes. N. Y., 1964, стр. 36—37.

ное влияние на разработку социолингвистических проблем не только в Англии, но и в Соединенных Штатах.

В своей программной статье «Дилемма современной лингвистики»¹³ Б. Малиновский выдвинул тезис о том, что язык является не только одной из форм человеческого поведения, но, возможно, и важнейшей его формой. Б. Малиновский высказывает сомнения по поводу правомерности рассмотрения языка в качестве самостоятельного предмета изучения. По его мнению, все исследования речевой деятельности (а других аспектов изучения языка он фактически не видит) должны ориентироваться на социологию, а сама лингвистика должна стать составной частью теории культуры.

В работах социальных антропологов находит весьма своеобразное решение одна из основных методологических проблем языкознания — проблема «язык и речь». Так, Б. Малиновский делает вывод о необходимости отказа от сосюрховской дихотомии «язык — речь», поскольку язык, по его мнению, представляет собой лишь «общую норму речевой деятельности человека». Таким образом, наука о языке должна стать, по замыслу Б. Малиновского, наукой о речевом поведении, рассматриваемом в контексте практической деятельности человека. Иными словами, основным и, по сути, единственным объектом лингвистического и социокультурного анализа является речь, которая в полном соответствии с постулатами бихевиоризма рассматривается как совокупность навыков, как «стандартизированный тип деятельности человеческого организма», представляющий собой один из способов приспособления человека к среде и к механизмам культуры.

Некоторые идеи Б. Малиновского и его последователя Дж. Ферса получили дальнейшее развитие в теоретических работах известного американского социолингвиста Д. Хаймса, посвященных так называемой «этнографии речевой коммуникации»¹⁴.

¹³ B. Malinowski. The dilemma of contemporary linguistics. «Language in culture and society», стр. 63—65.

¹⁴ D. Hymes. The ethnography of speaking. «Anthropology and human behaviour». Eds. T. Gladwin, W. Sturtevant. Washington, 1962, стр. 13—53; D. Hymes. Introduction: toward ethnographies of communication. «American Anthropologist», 1964, v. 66, N 6, pt. II, стр. 1—34.

Одним из основных принципов предлагаемого в этих работах подхода к исследованию языка является принцип неразрывного единства языковой формы и ее функционального использования в речевом контексте. Если в традиции дескриптивизма изучение языковых форм полностью абстрагировалось от изучения их ситуативного использования в речи, то концепция Хаймса сближается со взглядами Б. Малиновского и Дж. Ферса, настаивавших на изучении речи в контексте ситуации. По мнению Хаймса, проблема функционального использования языковых средств в речи является центральной проблемой социолингвистики.

В работах Хаймса нет категоричности, присущей высказываниям Малиновского, считавшего речь единственным предметом лингвистического анализа. Нет в них и столь резко выраженной ориентации на бихевиоризм. Вместе с тем влияние идей Малиновского сказывается, в частности, в предлагаемом им смещении акцентов в изучении языка и пересмотре некоторых постулатов лингвистического анализа. Так, в центре внимания исследователя должна, по мнению Д. Хаймса, находиться не структура или система языка (как это имело место в структурной лингвистике), а структура речи. Отправным пунктом анализа, согласно декларируемой им программе, должен служить не языковой код, а речевой коллектив или другая категория, охватываемая понятием социального контекста. Отголосок идей Малиновского и Ферса явно слышится в утверждении примата речи над языком, функции над структурой, контекста над сообщением, хотя и здесь категоричность формулировок Малиновского несколько смягчена оговоркой, согласно которой исследователь должен иметь в виду и взаимосвязь, существующую между перечисленными выше категориями.

Д. Хаймс выдвигает программу комплексного изучения коммуникативной системы, используемой тем или иным обществом. Для осуществления этой программы предполагается объединение усилий социолингвистов, психолингвистов и этнографов. В разработанной Д. Хаймсом программе есть немало интересного и заслуживающего внимания. Так, например, нельзя не согласиться с его аргументами в пользу создания общей теории места языка в общественной жизни, теории, основанной

на интеграции достижений не только социолингвистики, но и психолингвистики. В то же время едва ли можно согласиться с Хаймсом, когда он ограничивает предмет социолингвистики речевым поведением, изучаемым в плане отношений между ситуацией, коммуникантами, темой и функциональными характеристиками речевого акта, фактически сводя социолингвистические проблемы к проблемам речевого поведения.

Разумеется, проблема влияния социальных факторов на речевую деятельность является одной из важнейших проблем социолингвистики. Однако из этого было бы неправомечно делать вывод, что изучение социолингвистической проблематики на уровне речи исчерпывает предмет социолингвистического анализа. Из того, что социальные факторы оказывают на речь непосредственное воздействие, никак не следует, что детерминирующее влияние этих факторов не отражается на языке, на его системе и структуре. Представляется вполне обоснованным мнение Р. А. Будагова¹⁵, считающего изучение того, как социальная природа языка обуславливает функционирование самой его системы, важнейшей задачей социолингвистики. Отведение второстепенного места воздействию социальных факторов на язык или даже исключение этого вопроса из рассмотрения никак нельзя признать правомочным.

Есть основания предполагать, что одностороннее увлечение американских социолингвистов проблемами речевого поведения является своеобразной реакцией на традицию, объединяющую несколько поколений американских лингвистов — от дескриптивистов до генеративистов, а именно традицию, согласно которой речь рассматривается лишь как исходный материал, но ни в коем случае не как предмет лингвистического анализа.

Едва ли можно отрицать несомненные достижения современной социолингвистики и психолингвистики в деле изучения закономерностей речи и речевой деятельности человека. Но из этого никак не следует, что эти достижения должны заслонить от нас другие не менее важные проблемы социолингвистического анализа, связанные с воздействием социальных факторов на язык и его структуру.

¹⁵ Р. А. Будагов. Человек и его язык. М., 1974, стр. 20, 101—102.

Думается, что другой, не менее существенной причиной, побуждающей американских социолингвистов гипотезировать речевые аспекты социолингвистических проблем, является их приверженность позитивистскому принципу, требующему ограничения предмета анализа «реально наблюдаемыми», «данными в опыте» явлениями. Эта методологическая установка не может не сказываться на исследовательской практике, на процедурах и результатах социолингвистического анализа. Не случайно среди работ американских социолингвистов мы почти не находим описаний социально обусловленной вариативности на уровне языка, его систем, подсистем и единиц, хотя теоретические предпосылки для такого рода описаний существуют. Так, например, выдвинутая в противовес упрощенному представлению о языке как о гомогенной, монолитной структуре теория «системы систем» дает возможность анализировать не только территориальную вариативность языка, но и его социально обусловленную вариативность. Существенный вклад в разработку этой теории внесли советские лингвисты, выдвинувшие концепцию языка как совокупности микросистем, образующих единую макросистему, которая характеризуется как общими для всех ее компонентов чертами, так и чертами, отличающими одни микросистемы от других¹⁶.

Решая проблемы «язык и общество» и «язык и культура», К. Пайк и другие американские ученые, пытающиеся анализировать язык, культуру и общество в рамках единой поведенческой модели, исходят из идеи изоморфизма языковых и социокультурных систем. Именно эта идея лежит в основе метаязыка, который используется ими для описания как языковых, так и социокультурных систем. При этом имеется в виду, что изоморфные отношения существуют не между языковой материей и материальными артефактами культуры, а между их концептуальными моделями.

Современные варианты теории изоморфизма восходят к теории изоморфности структур языка, мышления и общества, разработанной в свое время Б. Уорфом, который, как известно, делал вывод о ведущей роли

¹⁶ «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. П. Орловой. М., 1965.

языка в кодификации норм культуры и норм человеческого поведения. Критике идеалистических воззрений Уорфа и придерживающихся сходных взглядов неогумбольдтианцев посвящено немало работ, среди которых одной из самых последних является обстоятельная статья В. З. Панфилова, посвященная проблеме соотношения языка, мышления и культуры¹⁷.

Ниже мы остановимся на одном из современных вариантов теории изоморфизма, фигурирующем в работе американского социолингвиста А. Гримшо, один из разделов которой так и называется: «В защиту изоморфизма»¹⁸.

В центре внимания автора находится одна из ключевых философских проблем социолингвистики — проблема каузальных связей между социальной структурой и языком. Сопоставляя различные взгляды на эту проблему, А. Гримшо приходит к выводу, что наибольшим теоретическим потенциалом обладает концепция, согласно которой язык и культура находятся в отношении «взаимной детерминации» (co-determination) или «взаимной включенности» (mutual embeddedness).

Теория «взаимной детерминации» представляет собой попытку компромиссного решения проблемы «язык и общество» с учетом как гипотезы Уорфа, так и теории социальной дифференциации языка под влиянием социальных факторов. Сторонники этой концепции считают, что не только социальная структура может детерминировать язык, но и язык может детерминировать социальную структуру. Таким образом, каузальные связи между языком и социальной структурой носят двусторонний характер. Вместе с тем делается вывод о том; что поскольку язык является неотъемлемой частью процесса социального взаимодействия, существуют необходимые предпосылки для описания языка и культуры как единого структурного целого, анализируемого в единых терминах.

Нетрудно убедиться в том, что авторы теории изоморфизма фактически допускают подмену понятий. Вместо языка они анализируют речь или речевое пове-

¹⁷ В. З. Панфилов. Язык, мышление, культура.— ВЯ, 1975, № 1.

¹⁸ A. D. Grimshaw. Sociolinguistics. «Advances in the sociology of language». Ed. J. Fishman. The Hague, 1971.

дение, а что касается понятия «социальная структура», то по признанию самого Гримшо, он использует этот термин неоднозначно: порой в смысле «дифференциальное распределение власти», а чаще всего — в значении «нормы социального поведения». Едва ли есть необходимость доказывать, как далеко такое понимание социальной структуры от марксистско-ленинской концепции, выделяющей первичный (классовый) уровень социальной структуры, основанный на нескольких критериях (отношения собственности, место в общественном разделении труда, способы получения и размеры приобретаемой доли общественного богатства) и вторичный уровень, образующий более мелкую сетку, накладываемую на классовую и включающую внутрикласовые, промежуточные, пограничные и вертикальные социальные слои (при этом социально-психологическая и социально-политическая структуры рассматриваются как производные от классовой)¹⁹.

Таким образом, следует отметить, что говоря об изоморфизме языковых и социальных структур, Гримшо и другие сторонники рассматриваемой концепции на самом деле усматривают изоморфные отношения лишь между нормами речевого и социального поведения.

Остается ответить на наиболее существенный для теории «взаимной детерминации» вопрос: существует ли обратная детерминирующая связь между языком и социальной структурой?

Думается, что в рассуждениях Гримшо есть определенное рациональное зерно. Если поставить вопрос более корректно и отнести его не к социально-классовой структуре общества, а к нормам социального поведения (которые в большинстве случаев имеет в виду Гримшо), то придется признать, что определенная зависимость между языком и нормами социального поведения действительно существует.

В этой связи заслуживают внимания взгляды В. З. Панфилова относительно связей между языком, мышлением, культурой и поведением. Отмечая, что зафиксированный в языке предшествующий уровень познания действительности не может не оказывать опре-

¹⁹ А. А. Галкин. Социальная структура современного капиталистического общества и буржуазная социология.— ВФ, 1972, № 8.

деленного влияния на последующие этапы познавательной деятельности человека, В. З. Панфилов пишет: «Язык, оказывая определенное (но не решающее) влияние на мышление, тем самым не может не оказывать известного воздействия на культуру и поведение, придавая им некоторую специфическую (национальную) окраску»²⁰.

Примером того, как нормы языка (или, точнее, нормы речевого поведения) оказывают известное влияние на общие нормы социального поведения, может служить интересный случай, описанный Д. Хаймсом. Наблюдая над речевым поведением индейцев — носителей одного из диалектов чинукского языка, Хаймс пришел к выводу, что социальные нормы этого племени предписывают «серьезное отношение» к языку и не допускают, в частности, его использование в целях «фатической коммуникации» (т. е. общения ради поддержания контакта). Поэтому возникает перераспределение функций между вербальными и невербальными способами коммуникации. Например, гость не должен заполнять словами длинные паузы в разговоре: фатическую функцию выполняет сам факт визита²¹.

Здесь перед нами любопытный пример двусторонних связей между социальными нормами данного коллектива и нормами речевого поведения. Социальные нормы определяют строго ограниченную сферу использования языка. В то же время нормы речевого поведения влияют на другие социально-коммуникативные нормы, требуя использования невербальной коммуникации там, где в данном коллективе не допускается использование языка. Однако и в данном случае решающая роль принадлежит социальным факторам, тогда как влияние норм использования языка на социальные нормы коллектива не носит определяющего характера. Поэтому попытка сторонников теории «взаимной детерминации» ставить знак равенства между влиянием социальных факторов на язык и влиянием языка на социальные факторы является явно несостоятельной.

²⁰ В. З. Панфилов. Язык, мышление, культура, поведение. «Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии (тезисы докладов)». М., 1973, стр. 12—13.

²¹ D. Hymes. On two types of linguistic relativity. «Sociolinguistics», The Hague, 1966.

Таким образом, гипотеза о взаимной детерминации является столь же неубедительным аргументом в пользу теории изоморфизма, как и гипотеза Уорфа. В самом деле, ведь об изоморфизме можно говорить лишь в тех случаях, когда «каждому элементу первой системы соответствует лишь один элемент второй и каждой операции (связи) в одной системе соответствует операция (связь) в другой и обратно»²². Только такое взаимоднозначное отношение можно, строго говоря, считать изоморфным. Между тем ни А. Гримшо, ни другим сторонникам теории изоморфизма не удалось доказать, что между языковыми, социальными и культурными системами существуют подобные взаимоднозначные связи.

Одной из немногих попыток эмпирического доказательства теории изоморфизма является ссылка на исследования английского ученого Б. Бернштейна²³, выдвинувшего гипотезу о наличии двух речевых кодов: «развернутого» (*elaborated*) и «ограниченного» (*restricted*), разница между которыми состоит в том, что первый характеризуется меньшей степенью предсказуемости и тяготеет к более сложным синтаксическим построениям, второй же предпочитает элементарные синтаксические структуры и отличается высокой степенью предсказуемости. В ранних вариантах своей теории Б. Бернштейн пытался установить однозначные связи между дихотомией этих кодов и классовой структурой общества, сводимой к противопоставлению «средний класс — рабочий класс». Ограниченный код, утверждал он, — это код «рабочего класса» или во всяком случае его низших слоев, а развернутый код — код среднего класса, ориентированный на самовыражение и межличностное общение.

Работы Б. Бернштейна оказали заметное влияние на зарубежную социалингвистику, в первую очередь американскую и западноевропейскую. Из некоторых положений его теории делались непосредственные педагогические выводы, получившие воплощение в виде гипотезы о «дефиците вербальных ресурсов» рабочего класса.

²² Философский словарь. М., 1968, стр. 107.

²³ B. Bernstein. *Elaborated and restricted codes: an outline*. «Explorations in sociolinguistics. Sociological Inquiry». Ed. S. Lieberman, 1966, v. 36, стр. 254—266; B. Bernstein. *Language, primary socialization and education*. London, 1968.

Социальные установки, которыми руководствуются сторонники этой гипотезы, настолько очевидны, что едва ли нуждаются в особых комментариях. Весьма определенно высказался по этому поводу У. Лабов, убедительно доказавший, что утверждение, будто так называемые «низшие классы» используют более ограниченные и стереотипные речевые ресурсы, не имеет под собой никакой почвы и не соответствует фактическому положению вещей²⁴. На самом деле представители различных социальных слоев в достаточной мере владеют речевыми ресурсами родного языка и умеют достаточно эффективно использовать его в тех ситуациях, в которых протекает их речевая деятельность. Конечно, сами наборы коммуникативных ситуаций, доступных тем или иным социальным слоям, в буржуазном обществе различны. Использование представителями рабочего класса «ограниченного кода» в тех ситуациях, в которых представители других классов используют «развернутый код», свидетельствует вовсе не о том, что им недоступен «развернутый код», а о том, что им непривычна данная коммуникативная ситуация. Таким образом, обнаруживаемые Бернштейном расхождения в речевом поведении соотносятся с социальной структурой не непосредственно, а лишь через посредство коммуникативной ситуации, которая не принимается им в расчет в качестве детерминанта речевого поведения. Исключение из рассмотрения опосредующих звеньев придает социолингвистическим корреляциям Бернштейна вульгаризаторский характер.

Наконец, нельзя не обратить внимание на то, что само понятие кода используется Бернштейном далеко не корректно. В самом деле, различия между «развернутым кодом» и «ограниченным кодом» носят не качественный, а количественный характер. Один код отличается от другого не самим набором конституирующих его единиц, а лишь большей или меньшей степенью предсказуемости, большим или меньшим числом сложных или несложных синтаксических построений. Значит, в рамках одного и того же «кода» могут сосуществовать единицы одного и другого типа, отличаясь

²⁴ W. Labov. The logic of nonstandard English.— В кн.: R. W. Bailey, J. L. Robinson. Varieties of present-day English, стр. 319—353.

лишь частотностью употребления. А отсюда следует, что даже если бы основное предположение Бернштейна было справедливо, то и в этом случае оно никак не свидетельствовало бы о наличии взаимоднозначных отношений между элементами языковых и социальных структур. Таким образом, теория изоморфизма лишена как теоретических, так и эмпирических оснований.

Оспаривая основные методологические постулаты теории изоморфизма и связанной с ней теории «взаимной детерминации» языковых и социальных явлений, нельзя в то же время не признать справедливости тех упреков, которые авторы этих теорий адресуют сторонникам чисто корреляционного подхода к изучению языковых и социальных явлений, широко распространенного в американской социолингвистике. Сущность этого подхода сводится к установлению простых корреляций между языковыми и социальными явлениями, без каких бы то ни было попыток выявить причинные связи между ними. Так, в сборнике «Социолингвистика», программном документе американских социолингвистов, целью социолингвистики провозглашается изучение «совместного варьирования» (co-variance) языковых и социальных структур²⁵. Эта концепция получает дальнейшее развитие у Дж. Фишмана, который считает проблему каузального приоритета в отношениях между языковыми и социальными явлениями «нерелевантной по отношению к той жизни, которая протекает на наших глазах» и полагает, что отношения между социальной структурой и языком следует рассматривать как отношения «между равными партнерами, а не между начальником и подчиненным»²⁶.

Думается, что отказ от изучения каузальных связей между языком и обществом сам по себе является данью уже упоминавшейся выше позитивистской традиции, которая относит категорию причинности к числу «метафизических псевдопроблем», не подлежащих эмпирической верификации. Как известно, взгляды современных неопозитивистов на причинность являются дальнейшим развитием идеалистических концепций Юма, считавше-

²⁵ W. Bright. Introduction. «Sociolinguistics», pt. II.

²⁶ J. Fishman. The sociology of language: an interdisciplinary social science approach to language in society. «Advances in the sociology of language», стр. 353.

го ее лишь привычной связью ощущений, и Канта, полагавшего, что причинность существует лишь как априорная, врожденная категория рассудка, тогда как опыт не дает нам каузальной связи²⁷.

Отвергая индетерминистские теории современных идеалистов, марксистская диалектика рассматривает причинность (каузальность) как одну из форм всеобщей закономерной связи явлений. Выявление причины изучаемых явлений лежит в основе научного знания. В то же время марксистская теория четко определяет соотносительность понятий причины и следствия, указывая на то, что связь причины и следствия носит характер взаимодействия: порождая следствие, причина в то же время испытывает известное воздействие с его стороны. Указывая на относительность категорий «причина» и «следствие», Ф. Энгельс писал: «То, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот»²⁸. Но при этом, изучая взаимодействующие факторы, наука не может не учитывать их неравноценность и стремится в системе взаимодействующих сил найти определяющие.

Ошибка теории «взаимной детерминации», лежащей в основе одного из последних вариантов гипотезы об изоморфизме социальных и языковых структур, состоит, на наш взгляд, не в том, что ее авторы учитывают влияние языка на социальные процессы, а в том, что они не видят принципиального различия между определяющим воздействием социальных факторов на язык и влиянием языковых факторов на социальные процессы, считая эти взаимодействующие силы равнозначными.

Как уже отмечалось выше, значительное воздействие на американскую социалингвистику оказали различные направления позитивистской социологии, среди которых заметное место занимает так называемое «символично-интеракционистское направление», восходящее к трудам известного американского социолога Дж. Мида²⁹.

Для работ представителей этого направления наиболее характерна концепция, согласно которой сущностью

²⁷ «Основы марксистской философии». М., 1958, стр. 196—197. Ср. также: *L. Wittgenstein. Tractatus logico-philosophicus*. London, 1933, стр. 172, 182.

²⁸ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. 20, стр. 22.

²⁹ *G. H. Mead. Mind, self and society*. Chicago, 1946.

социальной связи считается некий символ, обладающий определенной всеобщностью для взаимодействующих индивидов и групп. Тем самым становится понятной та ведущая роль, которую примыкающие к этому направлению социологи отводят языку как важнейшей знаковой системе, обеспечивающей социальное взаимодействие, как системе категоризации явлений внешней среды и внутреннего мира человека и как основному средству социализации, т. е. включения индивида в социальную среду.

Отношение американских социолингвистов к символично-интеракционистской социологии носит двойственный характер. Работы представителей этого направления порой подвергаются критике в американской социолингвистической литературе, главным образом, за недостаточно компетентный анализ языкового материала³⁰. При этом, однако, основные философские принципы символично-интеракционистского направления не ставятся под сомнение. Серьезный критический анализ методологической платформы этого направления мы находим в советской социологической литературе³¹, где, в частности, отмечалось влияние бихевиористских идей на теоретические воззрения Дж. Мида и его последователей, указывалось, что эти ученые фактически сводят социальное взаимодействие к семантическим отношениям (знак и означаемое), а социализацию личности — к выучиванию используемых данным обществом знаковых систем. Кроме того, обращалось внимание и на то, что деятельность в символично-интеракционистской теории идеалистически понимается как активность индивидуального сознания, тогда как материально-производительная деятельность человека вовсе не принимается в расчет.

В то же время многие идеи символично-интеракционистского направления и, в частности, разработанные на основе этих идей теория малых групп и теория социальных ролей оказывают значительное влияние на работы американских социолингвистов и активно используются ими в их исследовательской практике.

³⁰ D. Hymes. Sociolinguistics. «Language Sciences», 1968, № 1.

³¹ См., например: Э. Ф. Звездкина. Критика методологических принципов изучения малых групп в буржуазной социальной психологии США. Канд. дисс. М., 1968.

Остановимся, прежде всего, на теории малых групп, весьма характерной не только для символично-интеракционистского направления в социологии, но и для ряда других социологических течений, ориентирующихся на микросоциологический подход к социальным явлениям. Напомним, что под малыми группами в социологии имеются в виду находящиеся между индивидом и организацией относительно самостоятельные образования, состоящие из двух или более индивидов, входящих друг с другом в целевые контакты и придающих этим контактам особое значение (например, семья, группа сверстников, производственная бригада, компания охотников, экипаж самолета и др.). Известно, что микросоциология возникла еще в 30-е годы как одно из направлений буржуазной социологии под влиянием неопозитивистских идей, определивших интерес представителей этого течения к изучению социального микромира, перенос естественнонаучной терминологии и понятийного аппарата на область социальных отношений. Для этого течения характерно стремление перенести данные, полученные в результате наблюдения над малыми группами, на большие социальные группы и даже на общество в целом³².

Среди работ американских социолингвистов, ориентирующихся на микросоциологию языка, особо выделяются исследования Дж. Гамперца³³.

Дж. Гамперц подвергает вполне обоснованной критике попытки некоторых американских социолингвистов видеть в престижной имитации чуть ли не единственную причину социальной дифференциации языка и социально обусловленных языковых изменений. Однако выход из положения ученый видит в отказе от таких «трудно определяемых понятий», как «класс». Предлагаемая им схема анализа обнаруживает явную микросоциологическую ориентацию и использует малую группу в качестве основной операционной единицы³⁴.

³² См. статью «Микросоциология» в «Философском словаре» (М., 1968).

³³ *John J. Gumperz. Language in social groups. Stanford, 1971.*

³⁴ *J. Gumperz. On the ethnology of linguistics change. «Sociolinguistics», стр. 27—49; J. Gumperz. The social group as a primary unit of analysis in dialect study. «Social dialects and language learning». Ed. R. Shuy. Champaign, 1965.*

Следует, однако, отметить, что в результате предпринятых Гамперцем конкретных социолингвистических исследований ему удалось выявить немало интересных закономерностей, характеризующих речевую деятельность малых социальных групп в условиях билингвизма и диглоссии. Заслуживают внимания, в частности, его наблюдения относительно двух видов вариативности речевого поведения — межличностного, определяемого различиями между социально-территориальными диалектами, и внутриличностного, определяемого социальной ситуацией. Особый интерес представляют полученные им данные относительно перехода от одной языковой системы к другой («переключения кода») в результате изменения социальной ситуации.

Нет никаких сомнений в том, что малые группы и их речевая деятельность являются вполне правомочным объектом социолингвистического анализа. На это обратил внимание еще в 30-е годы Е. Д. Поливанов, писавший, что внутри этих групп обнаруживаются еще более тесные «кооперативные связи» (т. е. связи социального взаимодействия), чем в больших коллективах, и что эти связи определяют высокую степень тождества ассоциативных систем языка³⁵.

В то же время следует подчеркнуть, что анализ такого рода может оказаться эффективным лишь в том случае, если он опирается на широкий социальный контекст и если малые группы рассматриваются не изолированно, а на фоне общества в целом с привлечением макросоциологического материала. На это, в частности, указывал Е. Д. Поливанов, считавший, что тесные «кооперативные» связи внутри отдельных групп можно обнаружить лишь на фоне известных кооперативных связей крупного коллектива. Поэтому никак нельзя согласиться с Дж. Гамперцем, когда он предлагает микросоциологический подход в качестве альтернативы макросоциологическому подходу. Дело в том, что малые группы не существуют в вакууме. Исключение из рассмотрения широкого социального контекста не может не обеднять социолингвистический анализ, значительно ограничивая объяснительную силу используемых моделей.

³⁵ Е. Д. Поливанов. За марксистское языкознание. М., 1931. стр. 55—56.

Микросоциологическая установка многих социолингвистических работ в США находится в прямой связи с укоренившимся в буржуазной социологии, в частности в символично-интеракционистском направлении, представлением о малых группах как о «микрокосмах больших обществ». Взгляд на малую группу как на уникальную модель большого общества отрицательно сказывается не только на социологическом анализе малых групп³⁶, но и на их социолингвистическом анализе.

Поэтому неудивительно, что в своей исследовательской практике американские социолингвисты порой оказываются вынужденными отступать от декларируемых ими методологических принципов. Так, например, тот же Гамперц, вводя разграничение между «открытыми и замкнутыми цепочками» (open and closed networks) малых групп, фактически исходит из макросоциологического признака: группы, входящие в «открытые цепочки», отличаются от групп, входящих в «замкнутые цепочки», наличием более или менее регулярных контактов за пределами исследуемого речевого коллектива. При этом такого рода контакты сказываются на их речевом поведении. Более того, из проведенного Гамперцем анализа следует, что связь той или иной малой группы с внешним миром является в исследуемом им коллективе признаком, тесно связанным с классовой структурой и по существу производным от него. Так, в поселке Хемнесбергет (северная Норвегия) в замкнутые группы входили главным образом информанты из числа фермеров, рабочих и ремесленников, тогда как в открытые группы входят преимущественно студенты, местная административная элита и другие. Показательно, что, анализируя речевое поведение информантов в небольших населенных пунктах Норвегии и Индии, Гамперц не может обойтись без исходных данных о социально-классовой структуре того или иного коллектива. Так методологические установки ученого вступают в противоречие с его собственной исследовательской практикой.

Из сказанного выше не вытекает, что микросоциология языка не должна интересовать исследователя, изучающего социолингвистическую проблематику. Напротив, анализ малых групп может явиться ценным допол-

³⁶ Э. Ф. Звездкина. Указ. соч., стр. 8—9.

нением к макросоциологическому анализу, но, разумеется, никак не может заменить его. Такой анализ может быть эффективным лишь при наличии прочной методологической базы, которую может дать лишь марксистская социология, рассматривающая малые группы как производные от классовой структуры общества.

Несомненный интерес для социалингвистики представляет и теория ролей, которая успешно разрабатывается на основе марксистской методологии в работах советских социологов И. С. Кона, А. Кречмара и др.³⁷. В разработанном А. Кречмаром понятийном аппарате понятие роли оказывается тесно связанным с социальными нормами данного общества, с общественным сознанием. Так называемые «ролевые предписания» рассматриваются как социальные нормы, имеющие определенную функциональную значимость для поведения индивида. В то же время, в отличие от позитивистской социологии, рассматривающей социальные нормы как нечто, данное в культуре, и не ставящей вопроса об их происхождении, марксистская социологическая теория выводит эти нормы, в том числе и те, которые выступают по отношению к личности как ролевые предписания, из социальной структуры данного общества и, в конечном счете, из производственных отношений.

Западногерманский ученый У. Аммон видит одно из принципиальных различий между позитивистской и материалистической социалингвистикой в том, что первая рассматривает общество как структуру социальных ролей, тогда как вторая исходит из марксистского понимания социальной структуры, учитывающего лежащий в основе этой структуры способ производства и обе его стороны — производительные силы и производственные отношения³⁸. Однако отсюда не следует, что теория социальных ролей не может быть использована в марксистской социалингвистике. Напротив, эта теория в том ее варианте, который разрабатывается социологами-марксистами, дает возможность перейти от системного анализа общества к системному анализу личности, выявить в известной мере механизм социальной детерминации

³⁷ И. С. Кон. Социология личности. М., 1967; А. Кречмар. О понятийном аппарате социологической концепции личности. «Социальные исследования: теория и методы», вып. 5. М., 1970, стр. 77—78.

³⁸ U. Ammon. Probleme der Soziolinguistik. Tübingen, 1973, стр. 137.

личности, установить связи между условиями социальной деятельности той или иной социально-исторической общности и их отражением в сознании личности, между этими условиями и реальным социальным поведением личности. Следует иметь в виду, что такое понимание социальной роли в корне отличается от концепции Дж. Мида и его последователей, сводящих причинность общественных явлений к психологической мотивации действий субъекта.

Марксистская теория ролей имеет непосредственный выход в социалингвистику. Она позволяет перебросить теоретический мост от микросоциологического анализа речевой деятельности к макросоциологическому анализу связей между структурой языка и социальной структурой общества.

2

Другим крупным социологическим течением, оказавшим определенное влияние на американскую социалингвистику, является этнометодология. Само название этого течения свидетельствует о его связи с этнографией. В самом деле, представители этого направления широко используют этнографический подход к изучению социальных явлений, в значительной мере опираются на твердо укоренившееся в социальной и культурной антропологии представление о культуре как об определенной сумме знаний. Уточняя такое понимание культуры, они определяют последнюю как владение определенной суммой правил интерпретации явлений социального мира. Подвергая критике социометрический подход к изучению социальных явлений, этнометодологи утверждают, что этот подход не учитывает принципиального различия между категориями исследователя и теми интуитивными категориями, которыми руководствуется индивид — член данного общества, интерпретируя явления окружающей его социальной действительности. Для этнометодологов важны именно эти интуитивные категории, ибо именно они, по их мнению, лежат в основе социального взаимодействия людей.

В работах представителей этнометодологического направления основной акцент ставится на повседневную человеческую деятельность. Недаром, по определению

Г. Гарфинкеля, одного из ведущих теоретиков этого направления, предметом этнометодологии являются «рациональные свойства практических действий», трактуемых как «искусные реализации организованных форм повседневной жизни»³⁹.

Под рациональной стороной повседневной жизни подразумевается та практическая логика, те представления о здравом смысле, которые определяют правила интерпретации различных действий, в том числе и речевого поведения. В соответствии с таким пониманием предмета этнометодологии определяется и ее цель: выявление методов, с помощью которых эти действия интерпретируются членами общества.

Философской основой этнометодологии является феноменологическое направление субъективно-идеалистической философии, восходящее к работам Э. Гуссерля и оказавшее значительное влияние на современную буржуазную философию и социологию. Характерный для феноменологии субъективно-идеалистический принцип «нет объекта без субъекта», вытекающий из положения об «интенциональности» сознания (т. е. его направленности на объект), находит весьма рельефное воплощение в работах этнометодологов, опирающихся на труды американских социологов, которые стремятся приложить феноменологическую философию к познанию социального мира⁴⁰. Не случайно в этнометодологии в качестве подлежащих анализу социальных категорий выступают категории субъективного восприятия, именуемые категориями интерпретации действительности.

В работах этнометодологов мы видим попытку найти связующее звено между проблемами «язык и общество» и «язык и мышление». Однако осуществляется это на идеалистической феноменологической основе.

В феноменологической социологии принято считать, что окружающий нас социальный мир познается через структуры готового знания, во власти которого находится индивид. При этом процесс социализации фактически

³⁹ *H. Garfinkel. Remarks on ethnomethodology. «Directions in socio linguistics».* Eds. J. Gumperz, D. Hymes. N. Y., 1972, стр. 309.

⁴⁰ *A. Schutz. The phenomenology of the social world.* Evanston, 1967
См. критику феноменологической философии в кн.: *Н. В. Мотрошилова. Принципы и противоречия феноменологической философии.* М., 1968.

сводится к усвоению готового знания. Необходимо, однако, признать, что этнометодологи вносят в это положение некоторые уточнения: по их мнению, речь идет не столько о готовом знании, сколько о готовых методах осмысления действительности. Впрочем, такое уточнение едва ли можно считать существенным отступлением от основных постулатов феноменологии. Ведь в конечном счете эти методы или правила интерпретации действительности детерминируются именно готовым знанием, которое в терминологии Гарфинкеля получает наименование «фонового ожидания» (*background expectation*).

Изучение речевой деятельности занимает видное место среди тех проблем, которыми занимается этнометодология. Поэтому не удивительно, что это направление американской социологии тесно смыкается с теми направлениями американской социолингвистики, для которых речевая коммуникация является центральной проблемой и, в особенности, с тем, которое Д. Хаймс называет «этнографией речевой коммуникации» (см. стр. 216). Сами представители этого направления четко осознают близость своих теоретических позиций к позициям этнометодологов, отмечая, в частности, что и те, и другие исходят из положения, что обычный семантический анализ с учетом лишь референтных (денотативных) значений недостаточен для удовлетворительной интерпретации такого феномена, как понятность речевого сообщения, что способы реализации речевых актов (для этнометодологов это один из методов реализации повседневных действий) не менее важны, чем их содержание, что количество и типы этих способов не должны устанавливаться априорно и что данные, характеризующие речевые акты, являются исходными данными анализа⁴¹.

В таком подходе этнометодологов к языковому материалу прослеживается известное влияние феноменологической традиции, восходящей к Гуссерлю, который рассматривал речевое высказывание в качестве «первого слоя» мысли, за которым скрывается «значение», «объективное содержание высказывания», детерминируемое готовым знанием и готовыми мыслительными формулами. Ср. сходные попытки этнометодологов рассматривать

⁴¹ *J. Gumperz, D. Hymes. Directions in sociolinguistics, стр. 303—305.*

речь как исходный материал для извлечения социальных категорий, детерминируемых готовыми моделями интерпретации смысла речевых высказываний.

Такой подход представляется перспективным некоторым американским социолингвистам, видящим в нем возможность преодолеть известную ограниченность чисто коррелятивного подхода к языковым и социальным явлениям и рассматривать те и другие не как отдельные, независимые друг от друга сущности, а в рамках единой теоретической модели⁴².

Вместе с тем существует мнение, согласно которому этнометодологическая теория представляет собой в известном смысле аналог генеративной теории Н. Хомского⁴³. Аналогия усматривается в том, что как в этнометодологии, так и в генеративной теории речь выступает в качестве исходного материала, из которого выводятся в одном случае не получающие эксплицитного выражения социальные категории, а в другом — глубинные структуры.

Ниже мы остановимся подробнее на вопросе о влиянии Хомского и его последователей на американскую социолингвистику. Пока отметим лишь то, что аналогия между концепциями Хомского и этнометодологов представляется весьма натянутой. В самом деле, ведь у Хомского речь выступает в качестве исходного материала лингвистического анализа в полном отвлечении от ее социального контекста, тогда как в этнометодологической теории интерпретация речевого материала предполагает учет предыдущего опыта и знаний коммуникантов о социальных институтах и нормах. Весьма характерно и то, что значения, которыми оперируют этнометодологи — это ситуативные значения (*situated meanings*), тогда как Хомский в своем анализе обходится без учета речевой ситуации.

Вместе с тем следует иметь в виду, что речевая или социальная ситуация трактуется этнометодологами в полном соответствии с постулатами феноменологической

⁴² А. Cicourel. *The acquisition of social structure: toward a developmental sociology of language and meaning*. «Existential society». Ed. J. Douglas. N. Y., 1970.

⁴³ J. Gumperz. *Sociolinguistics and communication in small groups*. «Sociolinguistics». Eds. J. B. Pride, J. Holmes. Harmondsworth, 1972, стр. 432.

философии как ситуация в том ее виде, какой она воспринимается действующим индивидом. Один из рецензентов программной книги Г. Гарфинкеля «Этнометодологические исследования» правильно отмечает, что этнометодологи видят окружающий мир лишь глазами воспринимающего его субъекта⁴⁴.

Из сказанного отнюдь не следует, что те субъективные категории, которыми оперируют носители какого-либо языка, должны быть полностью исключены из рассмотрения. Для социолингвистики интерес представляют те из них, которые имеют не индивидуальную, а социальную значимость. Сюда относятся, в частности, оценочные суждения информантов по поводу своего языка, суждения, отражающие ценностную ориентацию данного коллектива. В марксистской социологической теории ценностная ориентация понимается как «закрепленная в качестве стабильного регулятора поведения система знаний и система жизненного опыта»⁴⁵. Это понятие является составной частью того понятийного ряда, который характеризует субъективную, личностную сторону социальной деятельности и соотносится с совокупной системой ценностей культуры. При этом используемый в марксистской социологии понятийный аппарат характеризуется тем, что в нем, в отличие от системы понятий, используемой в ориентированной на феноменологическую философию социологии, понятия, отражающие как субъективную, так и объективную сторону социальной деятельности, взаимно дополняют друг друга, образуя единое органическое целое — концептуальную систему, основанную на марксистском тезисе о материальном производстве как основе общественной жизни.

Из сказанного следует, что пороком этнометодологической теории является не декларируемое ее авторами намерение различать категории исследователя и категории действующего индивида, а сведение социальных категорий к категориям субъективного восприятия, отрыв их от классовой структуры общества, от системы производственных отношений.

К этнометодологии в полной мере относится следующая оценка феноменологической социологии: общест-

⁴⁴ Review symposium. «American Sociological Review», 1968, v. 33, № 1, стр. 128.

⁴⁵ А. Кречмар. Указ. соч., стр. 85—87.

венные связи рассматриваются в ней не в их реальности, а сводятся к индивидуальным «переживаниям»; представление об обществе, близкое обыденному сознанию (ср. рационализм «здравого смысла» у Гарфинкеля и его последователей), возводится в ранг теории⁴⁶.

В самом деле, в работах этнометодологов социальное взаимодействие между коммуникантами рассматривается в отрыве не только от широкого, но и от узкого социального контекста. В этом отношении характерна работа Х. Сакса, посвященная анализу детской речи⁴⁷, в которой предпринимается попытка сформулировать некоторые элементарные правила однозначной семантической интерпретации текста, которыми, как предполагает автор, должны руководствоваться коммуниканты при отсутствии эксплицитных языковых маркеров.

Анализируя последовательность предложений из рассказа ребенка: *The baby cried. The mommy picked it up.* Ребенок заплакал. Мама взяла его на руки,— Сакс приходит к выводу, что слушатель интерпретирует смысл этих предложений и, в частности, определяет, что речь идет о матери ребенка, хотя эксплицитно это и не выражено (сказано *the Mommy*, а не *his Mommy*), с помощью так называемых «средств категоризации» (*categorization devices*) и анализа контекста. Слово со значением 'ребенок' включается слушателем в категорию «семья» (ребенок — папа — мама), а не в категорию «возраст» (ребенок — подросток — взрослый), чему, разумеется, способствует контекстуальное соположение слов, означающих 'ребенок' и 'мама'.

Выдвигаемая Х. Саксом гипотеза может представлять известный интерес для того лингвистического направления, которое получило название «лингвистики текста». Для нас же важно другое: в этом анализе социум присутствует лишь в виде того крошечного социального мира (семья, непосредственное окружение), который доступен восприятию ребенка. Так категории восприятия полностью подменяют реальные категории объективно существующей социальной среды, а микро-

⁴⁶ См.: *Н. В. Мотрошилова. Феноменологическая философия и объективный идеализм. «Современный объективный идеализм». М., 1963, стр. 146.*

⁴⁷ *H. Sachs. On the analyzability of stories by children. «Directions in sociolinguistics», стр. 325—345.*

анализ точно так же, как и в символично-интеракционистских исследованиях, подменяет макроанализ.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что философская концепция этнометодологов во многом переключается с идеалистической «философией обычного языка» Л. Витгенштейна⁴⁸. Не случайно западногерманский социолог В. Вильдген обращает внимание на близость теоретической платформы этнометодологов к философии Витгенштейна, что находит свое выражение, в частности, в том, что этнометодологи вслед за Витгенштейном считают язык весьма несовершенным средством реализации мысли и, подобно тому, как Витгенштейн искал значение слов в контекстах их употребления, стремятся выявить смысл языкового выражения, исходя из его использования в той или иной ситуации⁴⁹.

О том, как реализуется эта методологическая установка, можно судить по следующему примеру, приводимому в одной из работ Г. Гарфинкеля, где слева приводится фактическая запись речи, а справа даются глоссы, раскрывающие подлинный смысл сказанного для участников коммуникативного акта:

Муж: Дана сегодня сам дотянулся до счетчика на платной стоянке и бросил в него монетку.

Сегодня, когда я отвозил из детского сада Дану, нашего четырехлетнего сына, он сумел сам дотянуться до щели в счетчике, когда мы оставили машину на платной стоянке, тогда как раньше его приходилось для этого брать на руки.

Жена: Ты его брал с собой в магазин грампластинок?

Если он бросил монетку в счетчик, то это значит, что ты поставил машину на стоянку, когда он был с тобой. Мне известно, что ты остановился у магазина грампластинок либо по дороге в детский сад, либо по пути домой. Так когда же ты был в магазине — по дороге домой, когда он был с тобой, или когда ты ехал за ним и, значит, еще где-то останавливался по пути домой?

⁴⁸ L. Wittgenstein. *Philosophical investigations*. Oxford, 1953.

⁴⁹ W. Wildgen. *L'analyse narrative de Labov et Waletzky et ses rapports avec certains courants en ethnométhodologie et en pragmatique linguistique*. VIIIth World Congress of Sociology. Toronto, 1974 (рукопись).

Думается, что здесь имеет место смешение различных понятий. Лингвистам давно известно, что в любом естественном языке происходит противоборство двух тенденций — тенденции к экспликации и тенденции к импликации. При этом степень экспликации или импликации варьируется в зависимости от условий коммуникативного акта и, в частности, от объема исходных («фоновых») знаний, разделяемых коммуникантами. Известно также, что разговорная речь, будучи в наибольшей мере связанной с ситуативным контекстом, характеризуется высокой степенью импликации, что находит свое выражение, в частности, в эллипсисе — опущении элементов сообщения, данных в ситуации.

И вместе с тем было бы неверно полагать, что языковые выражения, приведенные выше в левой колонке, сами по себе лишены смысла и обретают его лишь в ситуации. В самом деле, речевая ситуация конкретизирует и дополняет значения тех или иных языковых выражений, уточняет их смысл, но из этого никак не следует, что язык является несовершенным средством выражения мысли. Напротив, в способности языка селективно выделять подлежащие экспликации и импликации элементы коммуникации с учетом того, что восполняется или не восполняется ситуацией, проявляется именно его адекватность как средства выражения мысли.

Из приведенного примера также следует, что этнометодологи не различают языковых значений, присущих языковым единицам как таковым, и значений контекстуальных, реализуемых этими единицами и их различными комбинациями в речевых контекстах. Кроме того, весьма недифференцированно используется и понятие «смысл высказывания», в которое включаются не только восполняемые ситуацией элементы высказывания, но почти все то, что входит в исходные знания собеседников и делает возможным взаимопонимание между ними.

Одной из наиболее острых проблем этнометодологии (как, впрочем, и американской социологии вообще)⁵⁰ является проблема эмпиризма. Недаром даже американские социолингвисты, дающие в целом положительную

⁵⁰ Г. Осипов. Вступительная статья. «Американская социология. Перспективы, проблемы, методы». М., 1972, стр. 15.

оценку этнометодологии, не могут не отметить ее «крайний эмпиризм», отсутствие у нее четко разработанного понятийного аппарата, сведение многих этнометодологических работ к «сбору и демонстрации примеров»⁵¹. Извлекаемые из речевого материала социальные категории, как правило, формулируются *ad hoc* и не объединяются в рамках единой теории.

Вместе с тем некоторые конкретные исследования этнометодологов представляют определенный интерес. Это в особенности относится к их наблюдениям над спонтанной разговорной речью. Так, в экспериментальной работе Э. Щеглова⁵² заслуживают внимания данные относительно правил чередования реплик в телефонных разговорах. Нарушение этих правил, как показал эксперимент, препятствует взаимопониманию между участниками коммуникативного акта. Данные, полученные в результате такого рода работ, представляют известный интерес для лингвистического и, в особенности, психолингвистического анализа процессов речевой коммуникации. Вместе с тем односторонняя методологическая ориентация этнометодологов сказывается и на результатах их эмпирических исследований, и на используемых ими методах анализа. Выше уже отмечалось, что этнометодологи исключают из рассмотрения социальную структуру общества и другие элементы социального макротекста. В результате создается парадоксальное положение: хотя этнометодологические исследования ставят, главным образом, социологические цели, работы этнометодологов, посвященные анализу речевого материала, наименее информативны с социологической точки зрения. И это не удивительно: ведь в этих работах микросоциологический подход доведен до крайности, и даже социальная ситуация речевого акта рассматривается не как объективная данность, а лишь как субъективная категория восприятия.

Представляется очевидным, что социально-коммуникативный анализ спонтанной речи может выявить механизм социальной детерминации речевого акта лишь при том условии, если он будет проводиться в широком со-

⁵¹ «Directions in sociolinguistics», стр. 306.

⁵² E. Schegloff. Sequencing in conversational openings. «American Anthropologist», 1969, v. 70, № 6, стр. 1075—1096.

циальном контексте, с учетом тех основополагающих социальных отношений, производными от которых являются социальные нормы речевой деятельности.

3

Особого внимания заслуживает вопрос о влиянии на американскую социалингвистику теоретико-методологических воззрений генеративистов. Отношение американских социалингвистов к Хомскому и его последователям характеризуется известной двойственностью. Прежде всего нельзя не признать, что многие постулаты генеративистской теории решительно отвергаются социалингвистами. Характерна в этом отношении точка зрения Д. Хаймса, который, оценивая порождающую модель языка с позиций социалингвистики, отмечает, что с точки зрения учета социальной природы языка эта модель «ни в чем не отходит от структуралистского прецедента. Скорее это даже шаг назад, поскольку она полностью исключает из рассмотрения гетерогенность речевого коллектива, различные роли говорящих, а также стилистические и социальные значения»⁵³.

Столь резкая оценка теории Хомского со стороны одного из ведущих теоретиков американской социалингвистики вполне закономерна. Ведь многие методологические принципы, лежащие в основе порождающей модели, диаметрально противоположны исходным позициям любого социалингвистического направления, в том числе и американской социалингвистики. Сюда относится прежде всего известное утверждение Хомского о том, что лингвистическая теория имеет дело, в первую очередь, с идеальным говорящим (слушающим), существующим в совершенно однородной речевой общности⁵⁴. Это положение явно идет вразрез с принципиальной установкой социалингвистики на изучение языка в его социальном контексте, на анализе вариативности языка, обусловленной гетерогенностью языковых коллективов, и на выявление закономерностей, определяющих вариативность речевой деятельности под воздействием социальных факторов. При этом следует иметь в виду, что

⁵³ D. Hymes. Editorial introduction. «Language in Society», v. 1, 1972, N 1.

⁵⁴ Н. Хомский. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972, стр. 9.

для Хомского абстрагирование от социальных аспектов языка — не прием моделирования лишь некоторых сторон языковой действительности, а попытка построить универсальную и всеобъемлющую модель языка.

Полемизируя с Н. Хомским, социолингвисты обвиняют его в «терминологической риторике»: говорится «компетенция», а имеется в виду грамматика, говорится «творческое начало», а имеется в виду синтаксическая продуктивность, вводится понятие «приемлемость», которое вовсе не анализируется, поскольку это понятие должно выводиться из социального контекста, а последний, как уже отмечалось выше, не принимается в расчет⁵⁵.

С точки зрения американских социолингвистов совершенно неприемлема характерная для Хомского и других генеративистов недооценка теоретического значения речевой деятельности, которая в порождающей модели языка рассматривается лишь как исходный материал для выявления лежащей в ее основе «компетенции». Недаром У. Лабов называет «совершенно не основанным на фактах мифом» распространенное среди генеративистов мнение о хаотичности и «неграмматичности» естественной речи⁵⁶.

В самом деле, социолингвистические исследования в значительной мере развеяли этот миф. Стало ясно, что представление о «хаотичности» естественной речи возникло в результате сознательного игнорирования социального контекста и что, напротив, соотнесение данных, характеризующих речевое поведение, с социальными факторами дает возможность увидеть закономерные социально детерминированные процессы там, где с точки зрения генеративной модели отмечалось лишь непредсказуемое варьирование.

Нельзя все же не признать, что генеративная теория оставила заметный след в американской социолингвистике. Влияние Хомского сказывается прежде всего в том, что критикуя его методологические позиции, американские социолингвисты нередко продолжают оставаться в кругу выдвинутых им понятий, в пределах его

⁵⁵ D. Hymes. Toward linguistic competence. «Texas working papers in sociolinguistics». Working paper N 16, 1973.

⁵⁶ W. Labov. Sociolinguistic patterns, стр. 203.

«эпистемологической парадигмы». Сюда относится, в частности, известное противопоставление двух понятий «компетенция — исполнение» (*competence — performance*), взятых на вооружение американскими социолингвистами. В одной из своих работ Дж. Гамперц аргументирует использование этих понятий в социолингвистике следующим образом: «Стремясь распространить некоторые общие принципы формального грамматического анализа (т. е. порождающей грамматики.— А. Ш.) на изучение речи как формы социального взаимодействия, социолингвисты выдвинули понятие коммуникативной компетенции. В то время, как компетенция включает способность говорящего порождать грамматически правильные предложения, коммуникативная компетенция означает его способность выбирать из доступной ему совокупности грамматически правильных выражений формы, отражающие должным образом социальные нормы поведения в конкретных актах взаимодействия»⁵⁷.

Перенося выработанные в генеративной теории понятия на социологический материал, американские социолингвисты вносят в них существенные коррективы. Так, например, в понимании Дж. Гамперца, Д. Хаймса и других, компетенция — это не врожденная способность, а способность, которая формируется в результате взаимодействия индивида с социальной средой. Приобретение этой способности обеспечивается социальным опытом, нуждами и мотивами. Поправка, вносимая социолингвистами в понятие компетенции, имеет принципиальное значение. В тезисе Хомского о врожденном характере компетенции сказывается его часто декларируемая, хотя и далеко не последовательная, ориентация на картезианскую философию, утверждавшую, что основные понятия логики являются понятиями, свойственными людям от рождения и не имеющими опытного происхождения. В противовес этой концепции социолингвисты рассматривают компетенцию в неразрывной связи с процессом социализации личности. Ниже мы остановимся подробнее на вопросе о картезианской философии в связи с отношением американских социолингвистов к генеративистской теории.

⁵⁷ *J. Gumperz. Sociolinguistic and communication in small groups. «Sociolinguistics», стр. 205.*

Рассмотрим подробнее, какое содержание вкладывается американскими социалингвистами в понятие компетенции. Согласно Д. Хаймсу, компетенция характеризуется четырьмя параметрами: грамматической правильностью, реализуемостью, приемлемостью и встречаемостью. Первый параметр тождествен тому, который используется в порождающей грамматике. Реализуемость зависит от некоторых психологических факторов, влияющих на речь (ограничения памяти, эффекта гнездования и ветвления и т. п.). Приемлемость означает соответствие высказывания контексту или ситуации, в том числе социальной. Встречаемость связана с вероятностью употребления той или иной языковой единицы.

Что же такое «компетенция»? Это, с одной стороны, навыки и способности, а с другой — имплицитные знания и даже ценностная ориентация. То, что перечисленные выше факторы действительно влияют на речевую деятельность, не подлежит никакому сомнению. Однако онтологическая сторона категории «компетенция» представляется неясной. Насколько правомерно включение в одну и ту же категорию разнородных понятий, относящихся как к объективной стороне речевой коммуникации, так и к ее субъективной стороне? Возьмем в качестве примера те ограничения, которые определяются ограниченным объемом человеческой памяти. Ведь они влияют на глубину предложения независимо от знаний, установок или намерений коммуникантов. В то же время установки, связанные с ценностной ориентацией, существуют в сознании говорящих, и механизм их воздействия на речь совершенно иной.

Таким образом, хотя социалингвисты внесли ряд существенных уточнений в понятие компетенции, им не удалось преодолеть эклектичности, внутренней противоречивости, присущей этой категории. Упрек, обращенный Ч. Хоккетом Н. Хомскому в смешении таких понятий, как «знание» — с одной стороны, и «умение», «навык» — с другой⁵⁸, относится и к американским социалингвистам. Дифференциация этих понятий представляется необходимым условием для методологически правильного

⁵⁸ Ch. Hockett. The state of the art. The Hague, 1970, стр. 62—63

рассмотрения проблемы «язык и мышление» применительно к социолингвистическому материалу.

Вместе с тем выдвигаемая социолингвистами теория коммуникативной компетенции, несомненно, содержит рациональное зерно. Так, например, нельзя не согласиться с тем, что знание социальных норм употребления языка является не менее важным элементом владения им, чем знание его грамматических правил. Эта мысль, лежащая в основе понятия «коммуникативная компетенция», имеет принципиальное теоретическое и практическое значение для социолингвистики. Однако думается, что это положение может найти конкретное воплощение в теоретическом аппарате социолингвистики лишь на основе самого решительного отказа от чуждых самой сути социолингвистики методологических принципов генеративизма.

Методологические принципы генеративистской теории Хомского неприемлемы для социолингвистики прежде всего потому, что они игнорируют общественную сущность человека. В этом находит свое проявление ориентация генеративистов на дуалистическую философию. Известно, что приверженность Хомского и его последователей философским принципам картезианства носит весьма условный характер и исходит из вольного толкования философских основ рационализма. В то же время нельзя не признать, что в одном Хомский остается верным картезианским принципам: каким бы модификациям он их ни подвергал, он ни в чем не отходит от их дуалистической основы. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует признание философского интерпретатора генеративистской теории Дж. Катца, который определяет «ментализм» Хомского как одну из форм «психофизического дуализма»⁵⁹.

В этой связи определенный интерес представляет работа западногерманского ученого Р. Гратхоффа, посвященная критике дуализма теории Хомского и «картезианских» концепций в социологии и социолингвистике⁶⁰. По мнению этого автора, картезианский дуализм

⁵⁹ J. Katz. Mentalism in linguistics. «Language», v. 40, 1964, стр. 124.

⁶⁰ R. Grathoff. Some sociological prerequisites for a non-Cartesian linguistics. «VIII-th World Congress of Sociology. Toronto, 1974» (рукопись).

находит свое воплощение в стремлении Хомского конструировать идеального говорящего (слушающего), сознание которого «заперто в картезианскую клетку» и существует независимо от окружающего мира. Для социологов, придерживающихся сходных дуалистических принципов, характерна тенденция сводить социальные явления к явлениям психологическим. Такого рода подход характеризует, как полагает Гратхофф, как традиционную теорию социальных ролей, так и основанную на этой теории микросоциолингвистику. Подобно тому, как в теории Хомского идеализируется человек — носитель «языковой компетенции», в традиционной теории ролей конструируется идеальный исполнитель социальной роли — носитель «ролевых предписаний».

Выход из создавшегося положения, когда исследователь оказывается между «Сциллой дуализма» и «Харибдой эмпиризма», Гратхофф видит в возрождении некоторых принципов прагматической философии и в использовании исследовательских процедур этнометодологов, противопоставляющих свою концепцию теории социальных ролей.

Нельзя не признать справедливости критических замечаний, адресованных Гратхоффом современным «неокартезианцам» среди социологов и социолингвистов. В то же время следует указать, что, правильно отметив уязвимость философской концепции, построенной на дуалистической основе, Гратхофф не сумел наметить пути преодоления методологического тупика. Дело здесь, разумеется, не в теории ролей, частной социологической теории, которая, будучи поставлена на прочную методологическую основу исторического материализма, становится эффективным инструментом познания социальной и языковой действительности. Настоящей причиной отмеченных выше противоречий является отсутствие у разделяющих «менталистские» воззрения Хомского социолингвистов той надежной методологической базы, которая позволяла бы успешно развивать социолингвистическую теорию. Прагматизм и феноменологическая философия этнометодологов столь же бессильны дать правильную методологическую ориентацию социолингвистике, как и «неокартезианский» дуализм Хомского.

Влияние теоретических воззрений генеративистов на американскую социолингвистику сказывается и на неко-

торых методах социолингвистических исследований. Так, например, был предпринят ряд попыток внедрить в практику социолингвистических исследований методы «импликационного шкалирования», основанные на порождающей грамматике Хомского⁶¹. В отличие от классической схемы Хомского, в которой, о чем уже говорилось выше, вариативность языка исключается из рассмотрения, «импликационные шкалы» ориентированы на анализ вариативности, которая, как известно, является одной из центральных проблем социолингвистики. В этих шкалах диалектный континуум представлен в виде иерархии так называемых «изолектов», каждый из которых отличается от соседнего изменением лишь в одном трансформационном правиле. В то же время между изолектами не наблюдается никаких принципиальных количественных или качественных различий. Для исследователя не имеет значения, говорит ли на данном «изолекте» один человек или несколько тысяч, так как число говорящих не является дифференциальным признаком системы. Точно так же авторов «импликационных грамматик» не интересует и то, что некоторые «изолекты» значительно стабильнее других.

Свою задачу авторы этих грамматик, разрабатывающие один из современных вариантов теории волн, видят лишь в экспликации правил порождения теоретически равноценных «изолектов», предположительно, в том порядке, в каком они формировались и распространялись хронологически.

Таким образом, предлагается трансформационная модель языковой вариативности, основанная на предположении, что синхронная вариативность языка отражает диахронное изменение, и поэтому каждый синхронный срез характеризуется тем, что изменение того или иного трансформационного правила успело распространиться лишь на часть носителей данного языка.

Оставляя в стороне выходящий за рамки данной работы вопрос о том, насколько велика эвристическая сила данной модели применительно к интерпретации

⁶¹ *D. de Camp*. Toward a generative analysis of a post-creole speech continuum. *Pidginization and creolisation of languages*. Ed. D. Hymes. Cambridge, 1971; *C.-J. N. Bailey*. The patternings of language variation. «*Varieties of present-day English*», стр. 156—186.

синхронных рефлексов языковых изменений, ограничимся лишь тем, что укажем на одно весьма существенное для нас обстоятельство: понятие языкового коллектива фактически игнорируется авторами импликационной модели. Более того, они откровенно признают, что эта модель едва ли может претендовать на информативность с социологической точки зрения⁶².

Нельзя не согласиться с У. Лабовом, считающим, что, отрицая наличие диалектов, используемых относительно гомогенными коллективами, недооценивая роль социальных факторов, ограничивающих свободу варьирования языковых единиц, и — добавим мы — гипостазируя правила порождающей грамматики, сторонники импликационного шкалирования фактически возрождают традиционный для американской лингвистики подход, основанный на изучении индивидов, а не коллективов и ориентированный на «свободные идиолекты»⁶³.

Создается впечатление, что все внимание исследователя сосредоточено на выведении «импликационных серий», где один признак имплицитно подразумевает другой на более раннем этапе развития языка, серий, отражающих волнообразный процесс распространения языковых изменений. Импликационный подход представляет собой попытку пересмотреть лишь один из постулатов трансформационной теории — а именно, положение о гомогенности языковой системы. Вместе с тем сторонники этого подхода продолжают вслед за Хомским игнорировать социальную природу языка и социальную сущность использующего язык человека.

Более радикально пересматривает теоретические постулаты Хомского У. Лабов, предложивший методы изучения вариативности, основанные на применении так называемых «вариативных правил»⁶⁴ (*variable rules*). У. Лабов развивает предложенную Н. Хомским и М. Халле концепцию факультативного правила (*optional rule*),

⁶² D. Bickerton. The structure of polyectal grammars. «23rd annual round table. Sociolinguistics: current trends and prospects». Ed. R. W. Shuy. Washington, 1973, стр. 17—42.

⁶³ W. Labov. Where do grammars stop? «23rd annual round table...», стр. 79.

⁶⁴ W. Labov. The study of language in its social context. «Sociolinguistics», стр. 193.

пытаясь приспособить ее к изучению социально обусловленной вариативности речи.

Для фиксации правила используется система записи Хомского — Халле с небольшими модификациями. Приведем в качестве примера правило вокализации ретрофлексного (г) в речи жителей нью-йоркского Ист-Сайда: / + sep / → (/ — cons /) // — cons / → ∞ V.

Правило читается следующим образом: «Центральный согласный (г) вариативно утрачивает консонантный характер после гласного или глайда, если непосредственно за ним не следует гласный». Вероятностный характер указанной закономерности учитывается следующим образом: правилу приписывается коэффициент ϕ , представляющий собой переменную величину, основанную на соотношении (в процентах) между случаями фактического и потенциально возможного применения правила. Величина эта определяется по формуле $\phi = 1 - k_0$, где k_0 , включающее ограничения, влияющие на применение правила, является функцией социально-экономического класса (СЭК) и речевого стиля: $k_0 = f(\text{СЭК}, \text{стиль}) = a(\text{СЭК}) + b(\text{Стиль}) + c$.

Фактически речь здесь идет о двух основных параметрах социально обусловленной вариативности языка — стратификационном, связанном с социально-классовой структурой данного общества, и ситуативном, связанном с социальной ситуацией и ее стилистическими коррелятами.

В дальнейшем удалось несколько усовершенствовать математический аппарат вариативных правил, заменив суммирующую модель множественной, что дало возможность учесть вариативные ограничения при определении вероятности применения правила⁶⁵. При этом величина ϕ рассматривается как вероятность применения правила для данной выборки и для данной конфигурации релевантных окружений. Выдвигается гипотеза, согласно которой каждое переменное ограничение действует независимо от других, влияя на применение вариативного правила. K_0 уменьшается или ослабляется рядом факторов, способствующих применению данного правила: входной вероятностью P_0 и переменными ограничениями $V_1, V_2, V_3 \dots V_n$. Общая формула определения вероятности дан-

⁶⁵ W. Labov. Sociolinguistic patterns, стр. 230—232.

ного вариативного правила имеет следующий вид:

$$\varphi = 1 - k_0$$
$$k_0 = (1 - P_0) (1 - v_1) (1 - v_2) (1 - v_3) \dots (1 - v_n)$$

Если данное вариативное ограничение (V_1) отсутствует, то $V_1 = 0$, и вероятность применения правила остается без изменений. Если же оно присутствует, то действует коэффициент $(1 - v_1)$, уменьшая ограничивающий фактор k_0 и увеличивая вероятность применения правила в данном окружении.

Не ставя под сомнение наблюдения У. Лабова относительно механизма воздействия социальных факторов на выбор языковых вариантов, нельзя не отметить в то же время уязвимость той теоретико-методологической концепции, которая лежит в основе вариативных правил. Думается, что сторонники теории вариативных правил допускают смешение двух сторон речевой коммуникации — объективной и субъективной. Ведь так называемые «вариативные правила» выводятся из объективных количественных данных, характеризующих реальную речевую деятельность членов данного коллектива. Вместе с тем эти правила отождествляются с определенной суммой знаний, входящих в понятие «языковой компетенции», т. е. с субъективными установками говорящих. Как показывают результаты социолингвистических исследований (и, в частности, работ самого У. Лабова), объективные показатели речевой деятельности далеко не всегда соответствуют субъективным установкам коммуникантов.

В самом деле, неужели можно серьезно предполагать, будто говорящий знает, что то или иное трансформационное правило ему следует применить в 40 или в 60% всех случаев? Пытаясь развеять подобные сомнения, один из сторонников «вариативных правил» Р. Фасолд вносит следующее уточнение: «Делая допущение о переменных ограничениях, мы предписываем говорящему компетенцию применять вариативное правило менее часто в одних контекстах, чем в других... Использование постоянной k_0 , которая обозначает социальные факторы, (возраст, класс и т. п.), равносильно утверждению, что в силу своей языковой компетенции говорящий знает не только относительную частоту применения правила в различных языковых контекстах,

но и то, что, например, лицо из верхушки среднего класса сознательно применяет правило упрощения групп согласных в данном окружении менее часто, чем лицо более низкого социального статуса»⁶⁶.

Такое объяснение едва ли можно признать убедительным. Переменные показатели, характеризующие выбор социально маркированных вариантов, являются результатом действия множества переменных величин, а не только сознательных установок говорящих. Кстати, эти установки как правило носят абсолютный характер (т. е. либо разрешают применение правила, либо воспрещают его). Многочисленные детерминанты речевого поведения часто действуют в противоположном направлении: одни из них способствуют, а другие препятствуют данному конкретному выбору. Поэтому говорить о полной предсказуемости выбора в каждом отдельном случае едва ли возможно. Как признает один из сторонников теории вариативных правил Дж. Санкофф, предсказательная сила «социолингвистических правил», в том числе вариативных, весьма ограничена, и правила эти носят, в основном, интерпретационный характер.

Но если «правила» представляют собой не что иное, как попытку ретроспективной интерпретации фактов речевой деятельности, то в какой мере правомерно использование понятия «правило» по отношению к процессам социальной детерминации речевого поведения?

Здесь уместно вспомнить слова Ч. Хоккета по поводу использования понятия «правило» в порождающей грамматике: «Если исходить из того, что человеческий язык детерминируется четко сформулированными правилами, то тогда термин «правила» не синонимичен старой терминологии лингвистов, и тогда есть основания отказаться от прежних терминов «навык», «модель», «аналогия» и т. п. Но если считать, как это делаю я, что правила человеческого языка сформулированы нечетко, тогда вся терминология, основанная на правилах, становится неуместной»⁶⁷.

Думается, что действие социальных факторов на язык никак не может быть сведено к четко сформули-

⁶⁶ R. Fasold. Tense marking in Black English. A linguistic and social analysis. Arlington, 1972.

⁶⁷ Ch. Hockett. The state of the art, стр. 62—63.

рованными правилами, обязательным или даже факультативным, если под правилами иметь в виду эксплицитно выраженные алгоритмы поведения. Следует напомнить, что экспериментально-психологические исследования показали, насколько маловероятен однозначно-алгоритмический принцип организации порождающих механизмов речи, постулируемый сторонниками психолингвистической модели Хомского — Миллера⁶⁸.

Именно это является причиной недостаточной объяснительной силы генеративистских «правил», используемых в аналитических процедурах американской социолингвистики.

Среди признаков, отличающих марксистскую социолингвистику от позитивистской социолингвистики, У. Аммон в цитированной выше работе⁶⁹ называет партийность. Как известно, позитивистская наука утверждает, что ее деятельность не служит интересам каких бы то ни было общественных группировок. Такого рода утверждения нередко встречаются и в работах американских социолингвистов. Так, например, в известной опубликованной в США работе по проблемам языкового планирования⁷⁰ говорится, что углубление знаний о языковом планировании будет в равной мере способствовать как националистическим, так и интернационалистским тенденциям в обществе. Необходимо, по мнению авторов, способствовать дальнейшему углублению этих знаний, не исключая и тех, которые самому ученому могут показаться «нежелательными» в аспекте его идеологии. Вопрос о том, какая идеология выиграет от тех или иных исследований в области языковой политики или языкового планирования, является, как они полагают, делом случая.

Нельзя не заметить, что в своих работах американские социолингвисты далеко не всегда придерживаются этого принципа. Выполнение определенного социального заказа, о котором речь шла выше, находит в ряде случаев достаточно четкое выражение в идеологической позиции ученых. Такого рода отступления от «идеологи-

⁶⁸ А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969, стр. 264.

⁶⁹ У. Аммон. Указ. соч., стр. 133—134.

⁷⁰ «Can language be planned?» Eds. J. Rubin, B. H. Jernudd. Honolulu, 1971, стр. XVII.

ческого нейтралитета» нередко встречаются у Дж. Фишмана, который в одной из своих последних работ⁷¹, говоря об ограниченном значении опыта развитых стран в области языкового строительства для развивающихся стран, ставит знак равенства между империалистическими державами и Советским Союзом.

Из сказанного выше отнюдь не следует, что все американские социолингвисты разделяют идеологическую платформу Дж. Фишмана. Нам известно, что это далеко не так. Вместе с тем важно отметить, что позитивистский постулат о беспартийности науки и о ее идеологическом нейтралитете не выдерживает практической проверки и опровергается исследовательской практикой американских социолингвистов.

Известно, что рост притягательной силы марксистских идей в наши дни находит свое проявление, в частности, в том, что многие прогрессивные деятели науки на Западе, будучи разочарованными в буржуазной философии, все чаще обращаются к произведениям классиков марксизма в поисках надежной философской основы для своих исследований. Примечательно, что один из видных теоретиков американской социолингвистики Д. Хаймс в своей полемике с Н. Хомским, трактующим человека как абстрактное порождающее устройство, избирает в качестве эпиграфа к своей работе⁷² следующие слова Маркса: «Он и тут остается в сфере теории и рассматривает людей не в их данной общественной связи, не в окружающих их условиях жизни, делающих их тем, чем они в действительности являются,— не говоря уже об этом, Фейербах никогда не добирается до реально существующих деятельных людей, а застревает на абстракции «человек»...»⁷³

Выбор этого эпиграфа не случаен. Слова Маркса, характеризующие ограниченность мировоззрения Фейербаха, как нельзя лучше вскрывают методологическую уязвимость лингвистических теорий, с которыми полемизирует Хаймс, строящих модель языка в отрыве от его социального контекста и игнорирующих его со-

⁷¹ J. Fishman. Language modernization and planning in comparison with other types of national modernization and planning. «Language in society», v. 2, 1973, № 1, стр. 23—24.

⁷² D. Hymes. Toward linguistic competence...

⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 44.

циальную природу. «Картезианские» постулаты генеративистской теории напоминают Хаймсу блестяще опровергнутые Марксом основные предпосылки домарксовой экономической теории, основанной на идеализации человека как индивида, оторванного от социальной среды и действующего на основе безупречного знания.

Хаймс считает необходимым противопоставить «картезианской» лингвистике Хомского теорию, которая взяла бы за образец критический анализ «классической» экономической теории в трудах Маркса и которая бы «опиралась на общую концепцию Маркса относительно взаимозависимости человека и общественной жизни, впервые изложенную полностью в его анализе противоречий и недостатков гегелевской теории государства»⁷⁴.

Неоднократные и вполне уместные ссылки на произведения Маркса, использование некоторых аргументов из теоретического арсенала марксизма — все это придает особую убедительность критике взглядов Хомского и его последователей в указанной работе Хаймса. Это лишний раз свидетельствует о той жизненной силе, которую демонстрируют идеи марксизма в разработке методологических основ социолингвистики, о том воздействии, которое они оказывают не только на ученых социалистических стран, но и на многих ученых Запада, в том числе и на некоторых американских социолингвистов, испытывающих значительное влияние буржуазной идеологии.

Американская социолингвистика находится на стадии формирования своей теоретико-методологической базы. Для нее в настоящее время характерны поиск собственного теоретического аппарата и философских основ, разработка новых методов анализа. Правильно отметив узость методологической платформы дескриптивистов, американские социолингвисты не сумели до конца преодолеть ряд серьезных недостатков дескриптивизма, унаследовав от него общую позитивистскую ориентацию и, в частности, верность некоторым принципам бихевиоризма. Ориентация на некоторые неопозитивистские теории проявляется у них и в увлечении корреляционным подходом к анализу социальных и язы-

⁷⁴ D. Hymes. *Toward linguistic competence...*, стр. 19.

ковых фактов, и в тесной связи с позитивистской социальной антропологией, с ее знакомой теорией культуры и теорией изоморфизма языковых и социокультурных систем. Важным источником проникновения неопозитивистских идей в американскую социолингвистику является позитивистская социология и, в частности, ее символично-интеракционистское направление. Через посредство этнометодологов американские социолингвисты восприняли некоторые принципы феноменологической философии. Сложностью и противоречивостью характеризуются отношения социолингвистов к генеративистской теории Хомского: критикуя социально-философские основы его теории, они в то же время заимствовали ряд элементов его понятийного аппарата.

Философская ориентация американских социолингвистов сказывается как на трактовке ими самой сущности языка, так и на подходе к основным методологическим проблемам языкознания — язык и мышление, язык и общество, язык и речь, язык и культура. Так, например, верность бихевиористским традициям американской лингвистики и культурной антропологии сказывается в одностороннем подчеркивании поведенческих аспектов языка, во взгляде на язык как на определенную форму поведения. Именно на этой методологической основе возникают и разрабатываются различные варианты теории изоморфизма языка и культуры, языковых и социокультурных систем, согласно которой понятие культуры также сводится к его поведенческому компоненту. В результате порой снимается сосюрровская дихотомия «язык — речь», так как основным, а порой и единственным аспектом рассмотрения языка оказывается речевое поведение. Общая позитивистская ориентация находит свое отражение, в первую очередь, в подходе к проблеме «язык и общество», рассматриваемой лишь в микросоциологическом контексте малых групп и межличностных отношений, доступных непосредственному наблюдению. Пытаясь связать проблему «язык и общество» с общегносеологической проблемой «язык и мышление», американские социолингвисты порой испытывают влияние ориентированной на феноменологическую философию социологии, а порой дуалистических концепций Хомского, чей понятийный аппарат находит применение в некоторых социолингвистических работах.

Вместе с тем нельзя не отметить рост притягательной силы марксистской философии, идеи которой встречают сочувственный отклик у некоторых американских социолингвистов.

Ограниченность и противоречивость философских основ американской социолингвистики сказывается и на применяемых ею методах анализа, направленных главным образом на выявление социальноязыковых процессов на микроуровне социальной структуры. Вместе с тем разработанные ими процедуры заслуживают внимания, ибо в своих конкретных исследованиях они нередко отступают от декларируемых ими методологических принципов, как бы интуитивно сознавая их несостоятельность. Некоторые из используемых американскими социолингвистами теоретических моделей и аналитических процедур (например, модель социальных ролей), будучи поставленными на прочную методологическую основу марксистской социологии, могут найти свое место в комплексном анализе проблемы «язык и общество».

ХОМСКИЙ И ХОМСКИАНСТВО

За последние два десятилетия работы Хомского и его последователей заняли доминирующее положение в американской и западноевропейской лингвистике и привлекли внимание ряда советских языковедов. В определенных кругах был выдвинут тезис, согласно которому появление работ Хомского ознаменовало собой начало нового этапа в развитии языковедения, бывшего до сих пор, по мнению этих кругов, преимущественно описательной наукой и лишь с возникновением трансформационно-генеративных моделей приобретшего объяснительную потенцию.

Мы убеждены в том, что этот тезис совершенно неверен и что в действительности хомскианство оказалось не движением вперед, а шагом назад, к умершим концепциям минувших веков, шагом, в конечном счете, болезненно притормозившим прогресс лингвистической науки.

Чтобы оценить адекватность какой-либо теории тому объекту, который она стремится описать, нужно исходить не из правил игры, декретируемых авторами этой теории, а из существенных свойств объекта.

Единственными науками, с определенным основанием поступающими иначе, являются математика и логика,— и то лишь в тех случаях, когда предмет их рассмотрения представляет собой конструкт мысли самих математиков и логиков. Исследователи же, работающие во всех других науках, имеют дело с объектами анализа, заданными действительностью и в силу этого существующими автономно от научных взглядов на них.

Из этого следует, что, применяя математические методы за пределами собственно математики, при изучении объектов нематематической природы, мы не имеем права переносить на последние ту ограниченную лишь

логикой произвольность обращения со своим предметом исследования, которая возможна в математике.

Если мы выходим с математической моделью за пределы собственно математики, то по отношению к изучаемому объекту реального мира искомая адекватность его математической модели оказывается своего рода тенью или отражением в воде: во-первых, никакая модель в конечном счете не тождественна воспроизводимому объекту, во-вторых, ее конструктивные характеристики отнюдь не свободны, а, напротив, заданы реальными свойствами моделируемого объекта.

Об этом радикальном различии между математикой и остальными науками забывают многие исследователи, занимающиеся построением логико-математических моделей языка,— с тем печальным результатом, что их продукция, небезынересная для психологии научного творчества, в итоге оказывается безнадежно иррелевантной по отношению к естественным языкам.

Именно в подобном тупике оказались трансформационный анализ, порождающая грамматика и порождающая семантика, которые мы объединяем под общим названием «квазилингвистика Хомского».

В корпусе накопленных наукой достоверных знаний о языке содержатся многочисленные факты, свидетельствующие о том, что в числе наиболее существенных, фундаментальных характеристик языку присущи четыре диалектически противоречивых:

1) язык одновременно оказывается синхронически стабильным и диахронически изменчивым;

2) язык одновременно выступает как социально обусловленная система и как индивидуально варьируемое отклонение от нее;

3) язык одновременно характеризуется структурной упорядоченностью своих единиц и вероятностной неопределенностью их выбора;

4) язык одновременно обладает синтагматической однозначностью составных единиц и парадигматической многозначностью их компонентов.

Если концептуальная схема, претендующая на роль теории по отношению к языку, не в состоянии удовлетворительным образом объяснить четыре названных выше противоречия, то из этого неотвратимо следует, что данная схема, быть может, и является теорией чего-то, но

это описываемое ею нечто представляет собой некий специфический объект, который нельзя отождествить с естественным языком.

Именно так обстоит дело с «лингвистической» теорией Хомского: есть основания полагать, что она находит себе полезное применение в развивающейся теории машинных «языков» (так называемых «алгоритмических языков», или «языков программирования»), которым в рамках строгой терминологии надлежит именоваться квазиязыками; однако по отношению к естественным человеческим языкам эта концептуальная схема продемонстрировала явное бессилие. Ни изменчивость языка, ни его социальная обусловленность, ни его вероятностные характеристики, ни полиморфизм компонентов его сложных целых не получили удовлетворительного объяснения в «лингвистике» Хомского: в пределах данной концептуальной схемы для этих четырех решающе важных свойств естественного языка, увы, не нашлось места.

В «лингвистике» Хомского объект исследования выступает, во-первых, как имманентно стабильная система, употребляемая в рамках некоторого панхронически фиксированного набора правил порождения; во-вторых, как система, возникающая у индивида в силу его врожденной способности к речевой деятельности; в-третьих, как система, все элементы и операторы которой равно безразличны по отношению к вероятностным распределениям; в-четвертых, как вполне детерминированная система перехода от глубинных структур к поверхностным.

Начнем с последнего представления, как легче всего поддающегося анализу. Оно построено на молчаливом предположении того, что переход от мысли к высказыванию однозначно определяется некоторой детерминированной последовательностью операций, т. е. алгоритмом перехода. Однако это чрезвычайно сильное допущение нигде не доказывается логически: ни в одной из многочисленных работ самого Хомского, а также ни в одном из еще более многочисленных сочинений его последователей не делается хотя бы слабой попытки доказать существование такого детерминизма.

Конечно, допущение Хомского об алгоритмическом характере перехода от мысли к высказыванию может быть сформулировано и без доказательств, на уровне по-

стулата,— однако это возможно лишь при том условии, что ему не будут противоречить факты естественных языков.

Рассмотрим простейший пример из русского языка. Внук спрашивает своего деда после месячного отсутствия:

— А куда девался тот слабенький цыпленок?

Один из возможных ответов будет таким:

— Тот слабенький цыпленок давно уже съеден соседской кошкой.

Другой прозвучит почти тождественно первому:

— Того слабенького цыпленка давно уже съела соседская кошка.

Совершенно очевидно, что в этих двух ответах совпадают: а) денотат, б) лексическая семантика, в) стилистика, г) актуальное членение. Различие между ответами сводится к оппозиции залоговых конструкций, пассивной в первом случае, активной во втором.

Спрашивается, каким внутренним элементом языковой структуры детерминирован выбор одного из этих двух ответов? Иначе говоря, где тот оператор, который обязывает говорящего предпочесть — в терминах «лингвистической» теории Хомского — переход от ядерной структуры к развертыванию фразы в пассиве переходу от той же структуры к развертыванию фразы в активе? Или, наоборот, где тот оператор, который заставляет говорящего поступить противоположным образом? Если же таких операторов безусловного перехода для данной области структуры языка нет, а есть лишь операторы условного перехода, т. е. существует альтернатива выбора, то каковы те условия, которыми этот выбор определяется?

В книге «Синтаксические структуры»¹ Н. Хомский рассматривал пассивную трансформацию как ф а к у л ь т а т и в н у ю, т. е. истолковывал выбор между активной и пассивной конструкцией в терминах работы оператора условного перехода. Однако относительно условий, определяющих эту работу, во всей книге не было сказано ни слова; тем самым вопрос о том, являются ли эти условия внутрилингвистическими или экстралингвистическими, на том этапе попросту не рассматривался.

¹ N. Chomsky. Syntactic structures. The Hague, 1957; Section 2.4.

После выхода в свет работы Дж. Катца и П. Поста-ла² Н. Хомский пересмотрел свою точку зрения и в книге «Аспекты теории синтаксиса»³ стал расценивать пассивную трансформацию уже как обязательную — в том смысле, что существует некий фразовый маркер (а именно № 26), появление которого где-то на полпути между глубинной структурой и поверхностной делает применение пассивной трансформации принудительным. Иначе говоря, переход к пассивной конструкции рассматривается теперь в терминах работы оператора безусловного перехода.

Рассмотрим внимательнее ситуацию, возникающую после введения такого оператора в трансформационную грамматику. Оператор «фразовый маркер № 26» ни в коем случае не может принадлежать глубинной структуре, весь смысл постулирования которой именно в том, чтобы сконструировать инвариант различных поверхностных структур (в данном случае активной и пассивной). Об этой имманентной непричастности глубинной структуры к специфическим чертам разных поверхностных образований Н. Хомский говорил так часто и считал ее столь обязательной, что отказаться от данного постулата значило разрушить фундамент всего здания, после чего оно либо повисло бы в воздухе, либо рухнуло бы. Поэтому остается единственный выход: поместить «фразовый маркер № 26» между глубинной и поверхностной структурой, т. е. внутрь алгоритма перехода от первой ко второй.

Известно, что любой оператор алгоритма (независимо от того, условный он или безусловный) имеет не только выход, но и вход, т. е. включается некоторым другим оператором. Однако никакого указания на связь «фразового маркера № 26» с работой каких-либо предшествующих операторов в трудах Хомского, опубликованных до 1976 г., не содержится.

Таким образом, «фразовый маркер № 26» представляет собой воистину удивительный феномен: данный оператор однозначно детерминирует переход к пассивной грамматической конструкции и благодаря этому со-

² J. J. Katz, P. M. Postal. An integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge, Mass., 1964.

³ N. Chomsky. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, Mass., 1965.

ставляет часть грамматического уровня языка, однако природа включения самогó этого оператора остается полностью скрытой, в силу чего ценность его собственного детерминизма равна нулю.

Все это означает, что в логической строгости алгоритма синтезирования синтаксических конструкций, предложенного Хомским, обнаруживаются существенные прорехи.

Чтобы избежать этого, надо либо указать на источник включения оператора безусловного перехода, либо признать его оператором условного перехода, одновременно назвав те условия, которые определяют его работу. Последнее может оказаться сопряженным с отказом от однозначности и алгоритмичности процессов синтеза предложения, что, по-видимому, и послужило причиной тупика, возникшего в этом разделе «лингвистической» теории Хомского.

Коль скоро мы разрешим себе выход за пределы этой квазилингвистики, сразу же возникает возможность получить естественный ответ на вопросы, поставленные выше.

Прежде всего обратим внимание на то, что в ряде подъязыков построение фразы в пассиве значительно более распространено, чем это имеет место для языка в целом. Ср:

В новой серии экспериментов нами были исследованы параметры фазового перехода в м. В новой серии экспериментов мы исследовали параметры фазового перехода (физика);

Гипотеза Римана с этой точки зрения нами еще не рассматривалась в м. Мы еще не рассматривали гипотезу Римана с этой точки зрения (математика);

Формула бензольного кольца была открыта ее автором во сне в м. Автор формулы бензольного кольца открыл ее во сне (химия);

В нашей стране паровозы давно уже заменены тепловозами и электровозами в м. В нашей стране тепловозы и электровозы давно уже заменили паровозы (техника).

Естественно, что человек, часто употребляющий такие конструкции в силу принадлежности к соответствующей профессии, будет иметь подсознательную тенденцию переносить привычные для него обороты речи за преде-

лы своего профессионального подъязыка и произвольно предпочтет первый ответ второму.

С другой стороны, диалогический контекст индуцирует особые корреляции между вопросом и ответом: структура вопроса тем сильнее влияет на структуру ответа, чем большей внушаемостью характеризуется отвечающий. Личностные особенности участника диалога в этом случае также повысят вероятность выбора первого варианта ответа.

Эти два совершенно разнородные аспекта языковой ситуации объединяются не столько тем, что в обоих случаях повышена вероятность выбора пассивной конструкции (хотя это вполне справедливо), сколько тем, что и в первом и втором случаях фактор, влияющий на выбор, оказывается безусловно экстралингвистическим.

Но ведь признание экстралингвистичности каких-то факторов, работающих в тесном взаимодействии с внутрилингвистическими факторами в процессе синтеза речи, означает, что, во-первых, нельзя утверждать, будто однозначность (и тем более алгоритмичность) органически свойственна этому процессу, и что, во-вторых, наряду с внутрилингвистическими компонентами, т. е. наряду с компонентами, при описании которых еще можно питать какие-то надежды на полную формализацию, в процессе синтеза речи участвуют и экстралингвистические факторы, т. е. такие факторы, полная формализация которых, согласно теореме Гёделя, вообще недостижима.

Конечно, участие экстралингвистических факторов в синтезе текста делает все причинно-следственные отношения в речи не жестко детерминированными, а вероятностными, но именно эта их особенность и не укладывается в трансформационные и генеративные модели.

Тяга к однозначным решениям в «лингвистике» Хомского выражается не только в попытках жестко детерминистского объяснения переходов от мысли к речи, но и в пренебрежении к типологическим различиям между языками. Порождающие схемы у Хомского строятся с наивной верой в то, что все необходимое и достаточное для описания английских структур будет так же необходимым и столь же достаточным при описании прочих разных языковых систем. Иначе говоря, в этот квазилингвистический ансамбль гипотез заложено еще одно чрезвычайно сильное допущение, согласно которому

трансформационные и генеративные компоненты английской языковой системы являются сплошными универсалиями.

На англоцентризм построений Хомского уже указывали многие, например, Б. Коллиндер⁴, однако с наибольшей решительностью эту слабость «лингвистики» Хомского вскрыл Н. Даниэльсен⁵. Опираясь на материал более чем тридцати языков, он показал, что выполненный Н. Хомским в его книге «Язык и мышление»⁶ анализ предложения *A wise man is honest*, во-первых, плохо экстраполируется внутри даже английского языкового материала, во-вторых, никак не может быть сочтен достаточным для анализа содержательно эквивалентных предложений других языков. Поэтому нет ничего странного в том, что для синтеза русских пассивных конструкций действие одного лишь «фразового маркера № 26» оказывается явно недостаточным. В самом деле, вместо активной конструкции:

Мы рассматривали этот вопрос еще в прошлом году,
можно синтезировать равнозначную ей пассивную: *Этот вопрос был рассмотрен нами еще в прошлом году,* но можно синтезировать и другую пассивную конструкцию, опять-таки лексически равнозначную: *Этот вопрос рассматривался нами еще в прошлом году.*

Соответственно наряду с «фразовым маркером № 26» порождающая грамматика должна была бы ввести для русского языка дополнительный оператор условного перехода, который, ввиду его особой значимости, мы кодируем номером 026: этот оператор должен осуществлять выбор между партиципальным пассивом (*был рассмотрен*) и рефлексивным (*рассматривался*).

На первый взгляд, условием, определяющим работу «фразового маркера № 026», является видовая соотнесенность пассивной конструкции с оставленной за кадром активной конструкцией:

⁴ B. Collinder. Noam Chomsky und die generative Grammatik. Eine kritische Betrachtung. «Acta Universitatis Upsaliensis. Acta Societatis Linguisticae Upsaliensis». Nova Series, 2: 1, 1970, стр. 24.

⁵ N. Danielssen. Das generative Abenteuer. «Språkliga bidrag. Meddelanden från seminariet för slaviska språk vid Lunds Universitet», v. 6, N 26. Lund, 1971, стр. 105—146.

⁶ N. Chomsky. Language and mind. New York — Chicago — San Francisco — Atlanta, 1968.

Мы рассматривали вопрос — Вопрос рассматривался нами;

Мы рассмотрели вопрос — Вопрос был рассмотрен нами.

То же и для двух других времен:

Мы рассматриваем вопрос — Вопрос рассматривается нами;

Мы рассмотрим вопрос — Вопрос будет рассмотрен нами.

Действительно, по-русски нельзя сказать ни *Вопрос рассмотрелся нами*, ни *Вопрос рассмотрится нами*. В обоих случаях обязателен партиципальный пассив, т. е. как будто при переходе от глубинных к поверхностным структурам выбору одного из двух залоговых вариантов предшествует выбор глагольного вида.

К сожалению, стройность этой картины нарушается тем, что существуют полуразрешенные корреляции. Рядом с вполне корректным переходом: *Дело это делают вполне определенные люди — Дело это делается вполне определенными людьми*; и далее, по приведенному выше правилу: *Дело это сделают вполне определенные люди — Дело это будет сделано вполне определенными людьми*; при расширении исследуемого материала вдруг возникает нечто трудно объяснимое: *Дело это, если и сделается, то не само собой, а вполне определенными людьми*.

При рассмотрении такого неконформного случая выявляются сразу три обстоятельства:

во-первых, некоторые носители русского языка (их, правда, меньшинство) не склонны признавать такую конструкцию легитимной;

во-вторых, диапазон функционирования этой полулегитимной структуры заметно ограничен стилистически;

в-третьих, далеко не каждый русский глагол способен вести себя так вольно.

В итоге наш «фразовый маркер № 026» оказывается в незавидном положении: где-то условия его триггерного переброса «в причастность/в возвратность» вполне определены, а где-то они начинают колебаться и вести себя совсем неопределенно.

Разумеется, на такой зыбкой основе нельзя построить сколько-нибудь изящную алгоритмическую схему порождения русского пассива, но в том-то и беда, что подобными зыбучими песками наполнен не только русский

грамматический строй, но и английский,— это хорошо показали как упоминавшиеся выше Б. Коллиндер и Н. Даниэльсен, так и ряд других языковедов, среди которых в первую очередь должны быть отмечены У. Чейф⁷, С. Итконен⁸, С. Брекле и П. Люльсдорфф⁹.

При чтении этих насыщенных фактами работ, острая критичность которых зиждется на фундаменте типологически разнообразного языкового материала, непредубежденному читателю становится ясным, что стремление к описательной однозначности и жесткому детерминизму в «лингвистике» Хомского возникает отнюдь не случайно: во-первых, такое стремление обусловлено определенными философскими взглядами (о которых мы скажем позднее), во-вторых, оно порождается автодидактичной узостью лингвистического кругозора.

Но то, что в какой-то мере простительно Хомскому-логику¹⁰, того нельзя извинить языковедам.

Что же касается философского основания алгоритмического построения теории грамматики, то в этом смысле у Хомского есть предшественники, из числа которых наиболее заметны Т. Гоббс и Ж. Ламетри. Конечно, Гоббс не создавал трансформационного анализа, но его стремление уподобить все науки механике и разложить любой процесс на последовательность элементарных актов, с несомненностью, обнаруживается в современных стараниях выстроить цепочки однозначно определенных микроопераций, долженствующих перевести мысль в речь. В свою очередь, Ламетри не строил порождающих грамматик, но его концепция человека как часового механизма, каждый поворот колесиков внутри которого жестко детерминирован, очевидным образом просматривается в компьютероподобном нагро-

⁷ W. L. Chafe. Idiomaticity as an anomaly in the Chomskyan paradigm. «Foundations of Language», 1968, N 2.

⁸ E. Itkonen. Linguistics and metascience. «Studia Philosophica Turkuensia», fasc. II. Kokemäki, 1974.

⁹ E. Brekle, P. Luelsdorff. Notes on Chomsky's extended standard version. «Foundations of Language», 1975, № 3.

¹⁰ В этой квалификации нет ничего унижающего. Логик — вполне серьезные исследователи и уважаемые люди, когда они основательно работают над логикой. Но если логик решил заняться лингвистикой, то ему следует стать полноценным специалистом хотя бы по одному языку (лучше — по двум). Математики, пытавшиеся налегке совершать экскурсии в лингвистические джунгли, эту истину уже усвоили.

мождении операторов условного и безусловного перехода, приписываемом естественному языку.

Конечно, совсем не обязательно подражать Гегелю и награждать современных последователей Гоббса и Ламетри титулом механицистов, однако не подлежит сомнению, что неверная философская концепция языка, принятая Хомским, в немалой степени послужила причиной неадекватности его однозначно определенной, сугубо алгоритмизированной модели лишенному однозначности и отнюдь не алгоритмически построенному естественному языку.

Переходя к панхронизму трансформационного анализа, порождающей грамматики и порождающей семантики, мы обязаны начать с того, что для правильного понимания сути дела совершенно необходимо понятие толерантности. Напомним о различии между эквивалентностью и толерантностью: первая из них обязана обладать свойством «если A эквивалентно B и B эквивалентно C , то из этого следует, что A эквивалентно C », тогда как для второй дело обстоит совершенно иначе, а именно: «если A толерантно B и B толерантно C , то A может быть толерантно C , но отнюдь не обязано».

Это различие чрезвычайно существенно в математическом смысле: на множестве, для элементов которого определено отношение эквивалентности, задача выбора системы различных представителей классов эквивалентности всегда разрешима; и, наоборот, на множестве, для элементов которого задано лишь отношение толерантности, такая задача может вообще не иметь решения, а если таковое и существует, то создание алгоритма его построения далеко не всегда возможно — на этот счет имеется вполне строгое доказательство.

Но указанное различие, важное для математики, по крайней мере столь же — если не более — важно и для нас, лингвистов. Дело в том, что только квазизязыки программирования организованы по первому способу, т. е. на базе эквивалентности, естественные же языки — всегда по второму способу, всегда на основе толерантности; вот почему «лингвистика» Хомского, бесполезная для теории алгоритмических квазизязыков, работающих в компьютерах, по отношению к естественным языкам человеческого общества принципиально не может быть эффективной.

Заметим, что такая же судьба ожидает любую концептуальную схему, учитывающую только отношение эквивалентности и пренебрегающую тем, что как синхронные состояния, так и диахронические изменения у каждого естественного языка целиком построены на толерантных корреляциях. Здесь мы опять сталкиваемся с необходимостью учета фундаментально важных свойств объекта, без должной реакции на которые модель имманентно обречена на неадекватность.

Простейшим примером отношения толерантности в языке могут служить синонимы. Возьмем ряд: *дымка — марево — мгла — туман — пар*.

Любые два соседние слова из этой цепочки суть синонимы (см. хотя бы «Словарь синонимов русского языка» М., 1970—1971), однако ее два крайние члена уже не могут считаться синонимами (судя по тому же словарю).

Диалектное пространство языка нередко тоже бывает устроено по принципу толерантности: говорящие на шлезвигском и на саксонском диалектах немецкого языка скорее всего поймут друг друга, аналогичной будет ситуации при общении между носителями саксонского и тирольского диалектов, но представители Шлезвига и Тироля вынуждены будут объясняться между собой на литературном немецком языке: говоря на родных диалектах, они практически не поймут друг друга.

По законам отношения толерантности происходит и изменение языка во времени. Англичанин времен Чосера и британец эпохи Шекспира с грехом пополам сумели бы разговаривать друг с другом; то же следует предполагать относительно диалога между современниками Шекспира и Голсуорси; однако можно быть уверенным, что англичанин — современник Чосера и житель современного Альбиона не смогли бы толком объясниться.

Именно в толерантности последовательных языковых состояний кроется сущность первой из четырех апорий, перечисленных в самом начале нашего рассмотрения. Язык одновременно стабилен (в такой мере, что смежные поколения всегда могут понять друг друга) и изменчив (в такой степени, что через определенное число поколений мы уже имеем дело с новым языком: француз должен специально изучать латынь, чтобы читать Цезаря в подлиннике).

Языковые изменения имеют тысячи причин, крупных и мелких, внутренних и внешних по отношению к языку, легко заметных и глубоко скрытых. Изучение истории разных языков показывает, что крайне редко эти причины действуют поодиночке, намного чаще они сплетены в трудно распутываемый клубок. Лингвисты в большинстве случаев знают, как что-то изменялось в языке, но гораздо реже могут ответить на вопрос, почему это произошло. Отсюда возникает вполне понятный соблазн отвлечься от всех этих трудностей и сделать вид, будто никаких перемен в языке нет, будто можно, сказав «остановись, мгновенье!», с удобством проанализировать застывшую панораму языка как некую систему чистых отношений, не замутненную связями с бранным миром и благодаря этому не подвластную ни эрозии, ни экспансии.

О внеисторичности трансформационного анализа уже писалось не раз; с наибольшей определенностью на данную тему высказался Дж. Мийзл¹¹. В связи с этим представляет большой интерес анализ, выполненный Э. Итконеном¹².

Анализируя попытку Р. Кинга¹³ применить методы порождающей грамматики к описанию истории языка, Итконен указывает на то, что эти усилия свелись к установлению диахронических соответствий между последовательными синхроническими грамматиками — в терминах добавления новых порождающих правил при переходе от века к веку, устранения некоторых из старых и переупорядочения части старых по-новому. Он подчеркивает, что переходы от одного синхронного состояния к другому при такой интерпретации оказываются дискретными переключениями.

В реальной истории языка дело обстоит как раз противоположным образом: изменения в языковой структуре происходят не триггерными перебросами, а постепенными сдвигами, непрерывными изменениями состояния языка, которые могут выглядеть дискретными переключениями лишь тогда, когда мы ничего не рассматриваем,

¹¹ J. M. Meisel. On the possibility of Non-Cartesian linguistics. «Linguistics», 1974, № 122.

¹² E. Itkonen. Указ. соч., chapter XII.

¹³ R. D. King. Historical linguistics and generative grammar. Prentice-Hall, Englewood, Cliffs. N. Y., 1969.

кроме начальной и конечной точек переходного процесса.

Разберем бесспорный пример из истории русского ударения — бесспорный вдвойне: во-первых, потому, что еще не сошли со сцены поколения носителей языка, пережившие анализируемое изменение, во-вторых, потому, что сам переходный процесс нашел свое документированное отражение в лексикографических исследованиях.

Речь идет о совсем недавно происшедшем сдвиге в ударении русского слова *атомный*. До войны оно произносилось только с ударением на втором слоге: *атомный*; именно это ударение зафиксировано в вышедшем в 30-х годах нашего столетия четырехтомном толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. В середине 40-х годов рядом со старой просодикой появилось конкурирующее ударение: *áтомный*, широкое распространение которого привело к тому, что первое издание послевоенного толкового «Словаря русского языка» (М., 1953) дает это слово под двумя ударениями: *áтомный* (подобно слову *твóрбá*), тем самым признав оба ударения равноправными. Вскоре после августа 1945 г. сложилась следующая социолингвистическая дистрибуция этих двух ударений: физики и химики продолжали говорить *атомный*; в речи людей, имевших с ними контакты, встречались оба ударения; что же касается лиц, далеких от науки, то они произносили только *áтомный*, по образцу старого слова *áтом* и не без влияния нового слова *áтоми́к*, появившегося в конце 1945 г.

Через два года ударение *áтомный* не только возобладало среди всех не-физиков и не-химиков, но и они сами, продолжая говорить *атомный вес*, *атомное ядро*, стали употреблять словосочетания *áтомная бомба*, *áтомное оружие* с уже непрофессиональным ударением на прилагательном. Соответственно позднейшие издания словаря Ожегова фиксируют только форму *áтомный* без указания на исчезающий вариант.

К настоящему времени только физики и химики старшего поколения продолжают еще употреблять форму с ударением на втором слоге; научная молодежь и для терминологических словосочетаний *áтомный вес*, *áтомное ядро* приняла общераспространенное ударение.

Ни о каком «повороте переключателя», ни о какой дискретной перемене состояния языка в целом совер-

шенно не приходится говорить при описании данного акцентного сдвига. Переходный процесс имел здесь неоспоримую характеристику непрерывного размывания социолингвистического домена старой формы и расширения сферы функционирования новой. Описывать этот непрерывный процесс в терминах дискретного переключения значило бы прежде всего совершать грубое насилие над фактами, означало бы подмену реального исторического процесса настолько примитивной схемой, состоящей из одних лишь краевых точек, что она вряд ли заслуживала бы даже название модели: очевидная неадекватность подобной схемы лишала бы ее какой бы то ни было описательной ценности.

Не более пригодна «теория переключателей» и для объяснения причинно-следственных отношений в эволюции языка.

Недавняя история русских словесных ударений хранит еще один поучительный для теории эпизод. В середине 50-х годов нашего века развернулась конкурентная борьба между двумя вариантами ударения в слове *молодежь*: формой с ударением на конце слова, *молодѣжь*, и формой с ударением в его начале, *мóлодежь*. Первое принадлежало (и принадлежит по сей день) литературной норме, второе появилось под влиянием равнозначного по смыслу украинского *мóлодь* и на какое-то время стало одним из признаков известного ораторского стиля. Таким образом, сама эта конфликтная ситуация явилась следствием причин, внешних по отношению к системе русского языка. В развитие описанной ситуации вмешался еще один экстралингвистический фактор в виде чрезвычайно часто исполнявшегося в течение нескольких лет «Гимна демократической молодежи», где в припеве трижды повторяется слово *молодѣжь* с хорейским ударением на конце, рифмуясь с глагольной формой в завершении строки: *Эту песню не задушишь, не убьешь*.

Вновь возникший экстралингвистический фактор оказался гораздо мощнее действовавшего прежде и с намного большей силой повлиял на систему речи, и вновь старый литературный вариант оттеснил форму *мóлодежь* на подъязыковую и диалектную периферию.

Социальная обусловленность языковых процессов выступает здесь в абсолютно открытом виде; не менее

очевиден и постепенный характер изменения величины отношения числа носителей русского языка, употреблявших литературную норму, к числу носителей русского языка, применявших вариантное ударение.

«Теория переключателей» здесь вообще неприменима ввиду того противоречащего ей факта, что перемены были, и притом весьма заметные для всех, а вот результирующее «переключение» не состоялось. Соответственно рассмотренное выше диахроническое изменение оказалось вообще вне плоскости квазилингвистического описания в той части реального языкового пространства, откуда оно было неуловимо для механорецепторов трансформационно-генеративного аппарата.

Иногда в развитии языка возникают совершенно особые ситуации, которые было бы уместнее всего назвать ситуациями динамического равновесия. В качестве примера возьмем произношение окончания русских прилагательных женского рода (твердого склонения) в именительном падеже единственного числа, имеющих ударение на основе (вместо окончания): *но́вая* [новаја], *бе́лая* [б'элаја].

При медленном темпе речи и тщательном артикулировании (диктовка в классе, повторение из-за плохой слышимости по телефону, ораторское или актерское акцентирование слова) отчетливо произносятся все три фонемы окончания: *-аја*. В среднем речевом темпе первым делом редуцируется срединный *ј*, окончание начинает произноситься как двухфонемное — нечто вроде *-аэ*. Быстрый темп речи приводит к продвижению еще на один шаг дальше: наше *-аэ* стягивается в долгое *-э*, которому, собственно говоря, даже нет места в традиционном описании русских гласных, не включающем в себя оппозицию по краткости/долготе в качестве дифференциального признака.

Получается, что при трех различных темпах русской речи мы имеем дело с тремя вариантами морфемы *-аја*, которые отличаются друг от друга прежде всего количеством фонем. Кроме того, если при первых двух вариантах сама фонологическая система русского языка не претерпевает изменений, то при третьем варианте ее состав увеличивается на одну фонему.

В соответствии с генеративными принципами мы должны были бы в алгоритм синтеза русской речи

ввести, во-первых, оператор выбора алломорфа для упомянутой адъективной морфемы; во-вторых, оператор переключения с одного, более старого, списка фонем на другой, более новый, т. е. учредить нечто вроде «диахронического переключателя внутри синхронии».

Иначе говоря, введение такого рода операторов в алгоритм перехода от мысли к речи, с точки зрения моделирования языка, эквивалентно признанию того, что разнопродвинутые модели включаются в схему не последовательно, а параллельно.

Поскольку носитель языка практически никогда не говорит с постоянной скоростью, постольку непрерывная вариация темпа его речи (например, в связи с регулярной постановкой логических ударений) будет означать многократное чередование разнопродвинутых моделей языка в пределах не только абзаца, но и предложения, синтагмы, порою сложного слова (скажем, при чтении фразы: *Евгений Сазонов не людоед и душегуб, а людовед и душелюб*).

Все же самая большая трудность состоит здесь в том, что, если переключение с медленного темпа на быстрый эквивалентно диахроническому переходу от старого состояния языка к новому, т. е. эволюционному движению в п е р е д, то возвращение от быстрого темпа речи к медленному оказывается эквивалентным переходу от нового состояния языка к старому, т. е. п о п я т н о м у движению.

Итак, при разбираемых языковых условиях схема «переключателя» превращается в конце концов в машину времени, к тому же работающую в суматошном режиме маятника-бегунка.

Все эти трудности сразу же снимаются, если мы признаем существование вероятностного спектра темповых вариантов языка — в качестве базовой характеристики его синхронного состояния и в то же время в качестве потенциальной причины диахронических изменений. Т о л е р а н т н ы е отношения как внутри синхронной системы, так и при диахронических сдвигах объясняют все, причем объясняют без какой бы то ни было деформации фактов; напротив, попытки объяснить систему языка и тем более изменения в этой системе на базе отношений э к в и в а л е н т н о с т и заводят в безнадежный тупик непреодолимых противоречий.

Панхронизм (лучше сказать, ахронизм) построений «лингвистики» Хомского имеет своим логическим следствием «теорию переключателей», что и позволяет сравнительно легко обнаружить его предшественников в философском аспекте. Прежде всего следует назвать Ж. Кювье, не признававшего никаких промежуточных форм, никаких эволюционных сдвигов, т. е., говоря современным языком, никаких переходных процессов, связывающих различные состояния объекта отношениями толерантности. В его изложении одна система классов эквивалентности при очередном катаклизме целиком сменялась другой системой таких классов,— цепь подобных катаклизмов и составляло его знаменитую «теорию катастроф».

Было бы, конечно, несправедливым по отношению к Хомскому — Кингу ставить знак абсолютного равенства между «теорией переключателей» в применении к языку и «теорией катастроф» в описании геологии нашей планеты: первая гораздо более современна уже хотя бы в том смысле, что Кювье прямо указывал на господя бога в качестве организатора катастроф, тогда как в теории Хомского — Кинга вопрос о том, кто именно включает/выключает триггер, меняющий состояние языка, деликатно оставляется открытым. Так что у Хомского — Кинга мы имеем дело с метафизикой образца не XVIII, а XX в.

Воздавая должное Гоббсу, Ламетри и Кювье, мы обязаны поставить на первое место среди философских предшественников Хомского, конечно же, Декарта. Об этом свидетельствует сам Хомский; им написана специальная книга, посвященная Декарту и «картезианской лингвистике», в частности ¹⁴.

В литературе вопроса высказаны весьма критические суждения по поводу того, насколько верна концептуально (да и фактически) нарисованная Хомским картина «рационалистской теории языка» ¹⁵. Столь же острой критике подвергаются попытки Н. Хомского построить теоретическую базу его «лингвистики» на картезианской основе: одни критики находят серьезные логические про-

¹⁴ N. Chomsky. Cartesian linguistics: a chapter in the history of rationalist thought. N. Y., 1966.

¹⁵ H. Aarsleff. The history of linguistics and Professor Chomsky. «Language», v. 46, 1970, стр. 570—585.

тиворечия в самой внутренней структуре его аргументации¹⁶, другие фиксируют несоответствие концепции «врожденных идей» тому, как в действительности происходит усвоение языка ребенком¹⁷, третьи указывают на необоснованность стремления Хомского рассматривать язык как самодовлеющую формальную систему, лишь случайно связанную с коммуникацией¹⁸, четвертые подчеркивают идеализм философской сути картезианства и результирующую идеалистичность порождающих грамматик¹⁹.

Основная идея, которую Н. Хомский извлекает из картезианства, состоит в том, что существует некая универсальная грамматика, эксплицирующая фундаментальные свойства разума и состоящая из заданного комплекса глубинных структур. В частности, Хомский ищет в синтаксисе проявление принципов нервной организации²⁰, которые мыслятся им как инвариант по отношению к конкретным языкам; в другом месте он утверждает, что языковое значение по сути дела не связано с коммуникацией, более того, даже с попыткой к общению²¹.

Таким образом, перед нами дилемма:

либо мы согласимся с тем, что язык как объект есть автономное порождение разума, не нуждающегося в коммуникации для продуцирования такого объекта, и тогда Н. Хомский прав;

либо мы признаем, что вне общения нет языка, благодаря чему и онтогенез и свойства языка могут быть поняты только через анализ его функционирования в обществе²², и тогда концепции Н. Хомского чужды языковедению.

¹⁶ S. K. Land. The Cartesian language test and Professor Chomsky. «Linguistics», 1974, N 122.

¹⁷ B. Collinder. Указ. соч., стр. 12, 25—27.

¹⁸ J. R. Searle. Chomsky's revolution in linguistics. «The New York review of books», v. XVIII, № 12, стр. 16—24.

¹⁹ J. S. Thompson. The reactionary idealist foundation of Noam Chomsky's linguistics. «Literature and ideology», v. 4, стр. 1—20.

²⁰ N. Chomsky. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, Mass., 1965, стр. 59.

²¹ N. Chomsky. Problems of knowledge and freedom. N.Y., 1971, стр. 19.

²² Читателя, интересующегося вопросом о причинах того, почему язык представляет собой систему, связанную с абстрактным мышлением индивида, и в то же время остается практическим ору-

Одним из сильнейших аргументов против картезианской лингвистики является тот многократно подтвержденный факт, что младенцы, потерянные в джунглях и через несколько лет найденные живыми, не только не вырабатывают языка сами, но и практически не в состоянии овладеть речью своих спасителей. Выясняется, что в подобных ситуациях «врожденные идеи» беспробудно спят, глубинные структуры наотрез отказываются выходить наружу, а механизм универсальной грамматики за годы джунглей становится непоправимо проржавевшим и, несмотря на все усилия окружающей человеческой среды, упорно не желает работать.

Ленинская теория отражения дает простой и ясный ответ на вопрос, почему ситуация с языком оказывается качественно различной у ребенка в джунглях и у ребенка среди людей: они оба отражают в своем сознании свойства природного мира, но только второй из них сталкивается с миром социальным и отражает в своем сознании его характеристики, среди которых важнейшей является язык.

На первых порах они оба в равной мере научаются воспринимать повторяющиеся фрагменты действительности в хороших для них и плохих событиях, но делают это на том же самом доязыковом уровне, что и другие высшие млекопитающие.

По мере роста своих сил и возможностей, пытаясь избежать вредного и использовать полезное, ребенок все интенсивнее старается воздействовать на мир, благодаря чему приобретает умение отличать Я от не-Я и причину от следствия.

Здесь начинается расхождение между судьбой ребенка в джунглях и развитием ребенка в обществе: у первого нет ни потребности в использовании знаков как средства воздействия на мир, ни условий для их выработки, тогда как второго все время окружают люди, постоянно пользующиеся словесными знаками и в общении между собой, и в обращениях к ребенку. В конце концов, ребенок, взаимодействующий с людьми, начи-

нием коммуникации внутри общества, мы отсылаем к книге В. Э. Панфилова «Язык и мышление» (М., 1971), где этот вопрос рассмотрен с привлечением конкретного лингвистического материала и с опорой на диалектико-материалистическую гносеологию

нает понимать, что словесный знак служит для него как источником существенной информации, так и средством воздействия на окружающих его людей. Именно опыт общения с людьми порождает знаковые психические конфигурации в мозгу ребенка, а отнюдь не «врожденные идеи» и не хромосомно индуцированные глубинные структуры.

Вначале ребенок пользуется изолированными словесными знаками, но по мере того, как он регулярно убеждается в том, что один и тот же источник воздействия на мир (включая его самого) оказывается причиной разных активных результатов, и, наоборот, один и тот же результат может возникать в силу воздействий на мир, идущих от разных источников,— по мере того, как причина для него все больше отделяется от следствия, в его сознании возникает представление о бинарном отношении между источником акции и ее результатом, что и кладет начало, во-первых, их разделительному обозначению, во-вторых, их соединению в знаковую синтагму,— с этого начинается синтаксис. Перводвигателем и тут является не сетка изначально готовых, «синтаксогенных» нервных структур, а растущее понимание причинности мира, усвоение того факта, что отдельные знаки в речи окружающих организованы в знаковые цепочки и структуры, наконец, появившаяся собственная потребность в синтаксисе как инструменте более сложного, чем прежде, воздействия на ту человеческую среду, внутри которой ребенок растет.

Разумеется, без головного мозга становление синтаксиса невозможно, но этого тоже мало: нужна социальная база, без которой нет ни синтаксиса, ни вообще языка; пользуясь математическими терминами, скажем: ошибка Н. Хомского состоит в том, что он отождествил необходимое условие с условием достаточным.

Период детства, конечно, является решающим в овладении родным языком, однако развитие языковой системы индивида не прекращается вместе с остановкой его биологического роста.

Во-первых, за среднее время человеческой жизни язык окружающих не слишком сильно, но все же успевает измениться; вместе с ним в какой-то степени эволюционируют все индивидуальные речевые системы носителей этого языка — прежде всего за счет новых слов

(остальные уровни языка менее лабильны, но тоже подвержены изменениям, хотя и более медлительным).

Во-вторых, выйдя из детского возраста и вступив в самостоятельную жизнь, индивид, как правило, включается в какую-то профессиональную или хозяйственную деятельность, у него возникают определенные устойчивые интересы, он участвует в действиях микроколлективов различного рода,— все это отражается в его сознании и сказывается на эволюции его индивидуальной речевой системы. В терминах социолингвистики это означает, что наряду с той частью языка, которая обща всем его носителям, индивид приобретает навыки употребления специальных подъязыков, тем самым модифицируя свою языковую систему в сторону ее максимального приспособления к специфическим условиям своей личной, профессиональной и общественной жизни.

Подъязыковое варьирование происходит прежде всего на лексическом уровне, но отнюдь не ограничивается таковым. Например, для геологического, исторического и правоведческого подъязыков характерно увеличение относительной частоты прошедшего времени, тогда как математический подъязык демонстрирует бесспорное возрастание доли будущего времени. Заметим, что экстралингвистическая прагматика в этих двух случаях имеет несколько различную природу: прошедшее время в перечисленных подъязыках обусловлено фактической хронологией мира, будущее же время у математиков является отчетливо узусным и выражает то логическую последовательность умозаключений (*после указанных преобразований наше равенство примет вид,*) то стилевую специфику (*не умаляя общности, будем считать, что A больше B*). В обоих случаях употребление будущего времени математиками представляет собой нечто, не связанное с темпоральной точкой говорения,— это доказывается тем, что будущее время здесь без ущерба для смысла может быть заменено настоящим или даже прошедшим, и, следовательно, оно в данном случае не выражает ни физического времени, ни грамматической соотнесенности: оно отражает лишь профессиональную традицию, чуждую большинству других подъязыков. Естественно, математики не чураются и собственно-будущего времени: *Когда будет доказана гипотеза Римана, тем самым будет решена проблема близнецов.*

Можно было бы ожидать, что, вместе с «врожденными идеями» в равенствах, величинах и числах, математики реализуют в своем подъязыке еще одну «врожденную идею», а именно идею о вневременной структуре для выражения номологических высказываний, и превратят ее в новое грамматическое время русского языка, которое надо было бы в сем случае назвать «общим временем».

Однако эту особую глубинную структуру упрямая инерция диахронии не пускает на поверхность, и вместо того, чтобы стать инвариантом пакета поверхностных структур, этой глубинной структуре, напротив, самой приходится ютиться на одной жилплощади с выражением собственно-будущего времени, в силу чего в подъязыке математики наблюдается грустная для квазилингвистов картина, когда одна поверхностная структура оказывается инвариантом по крайней мере двух глубинных.

Полиморфизм естественных языков настолько коварен, что от соприкосновения с ним гибнут самые красивые формальные теории, не исключая квазилингвистических.

Отметим также, что подъязыки оказываются главным источником инноваций не только для речи индивида, но и для языка как целого: факторы онтогенеза и филогенеза лежат за пределами внутриязыковой системности и в силу этого имманентно недоступны квазилингвистической формализации.

Н. Хомского неоднократно упрекали за манкирование количественными характеристиками языковых единиц, причем не только специалисты по лингвостатистике²³, но и языковеды, в общем далекие от математической лингвистики²⁴.

Нам могут возразить, что многие лингвисты считают количественные характеристики относящимися не к структуре языка, а к системе речи. Такая постановка вопроса основана на печальном недоразумении: смешиваются три совершенно разных вида вероятностей, свя-

²³ G. Herdan. Götzendämmerung at M. I. T. «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», Bd. 21, 1968. Hf. 3/4, стр. 223—231.

²⁴ B. Collinder. Указ. соч., стр. 19—27.

занных с языком, а именно речевая, языковая и мета-языковая.

Каждой языковой единице (группе единиц) объективно присуща некоторая вероятность ее появления в коммуникационной сфере, вероятность, заданная фактически складывающимися пропорциями элементов в потоке речи. Здесь мы имеем дело с речевой вероятностью, существующей независимо от наличия или отсутствия исследователей данного языка.

Лингвист, изучающий относительную частоту появления языковой единицы (группы единиц) как манифестацию ее объективной речевой вероятности, в результате своих измерений получает некоторую величину, каковая с заданной точностью и оценкой статистической достоверности моделирует истинную речевую вероятность. Эта величина является частью метаязыкового описания и соответственно должна быть названа метаязыковой вероятностью.

В сознании носителей языка соотношения между объективными вероятностями языковых единиц (групп единиц) отражаются с точностью до градаций пятиступенчатой интуитивно-статистической школы «всегда — часто — неопределенно — редко — никогда». Субъективные отражения этих соотношений между вероятностями лингвистических единиц (групп единиц) присутствуют в сознании носителей языка как оппозиции, устойчиво закрепленные в его памяти и известные ему сами по себе, вне привязки к фиксированному контексту, т. е. на парадигматической оси. Именно в силу этого они и составляют часть системы языка. Вместе с тем надо подчеркнуть, что только такие субъективные градуирующие оценки, постоянно присутствующие в сознании носителей языка, имеют право называться языковыми вероятностями, только они составляют базу множества структурно-вероятностных разбиений единиц языка в синхронии и количественно-качественных сдвигов в диахронии.

Для иллюстрации достаточно одного лингвистического примера. Почти в каждом языке есть подкласс существительных *pluralia tantum* (*сани*) и подкласс *singularia tantum* (*тепло*); все остальные существительные принадлежат к подклассу, имеющему две формы числа (если отвлечься от несклоняемых). Но есть большое раз-

личие между такими существительными, как *солнце* или *развитие*, формы множественного числа которых крайне редки и у носителей русского языка вызывают интуитивно-статистическое ощущение чего-то весьма необычного, и такими именами, как *оладья* или *габарит*, формы единственного числа у которых встречаются гораздо реже, чем формы множественного, и опять-таки вызывают у носителя языка острое ощущение раритетности. Структурно-вероятностные свойства таких существительных конституируют еще два подкласса: доминантно-сингулярных имен (*солнце*) и доминантно-плюральных (*оладья*).

Эти простые соотношения наглядно показывают, что характеристика по полному отсутствию множественного числа (*singularia tantum*) есть крайний случай доминантной сингулярности, а по полному отсутствию единственного (*pluralia tantum*) крайний случай доминантной плюральности. Иначе говоря, традиционные дифференциальные признаки, выраженные в терминах оппозиций «плюс — минус», «да — нет», «ноль — единица», суть краевые точки статистического спектра, предельные пункты движения вниз или вверх по вероятностной шкале, расположенной на отрезке от единицы до нуля, от «всегда» до «никогда».

То понятие дифференциального признака, на котором построена традиционная структурная лингвистика, есть всего лишь частный случай понятия вероятностного дифференциального признака. Любое историческое изменение в языке происходит не по принципу «поворота выключателя», а по закону вероятностного сдвига, пределом которого являются либо нулевая, либо стопроцентная вероятность.

Соответственно, структурно-вероятностный подход позволяет объяснить как амплитуду колебаний в синхронии, так и динамику изменений в диахронии. В противоположность этому квазилингвистическая схема исходит из двух чрезвычайно сильных допущений: во-первых, будто все оппозиции квалифицируются только в терминах нулевой или единичной вероятности, во-вторых, будто изменения в языке происходят только скачкообразным перебросом от одной краевой вероятности к другой. Оба эти допущения элементарно опровергаются фактическим материалом, но тем не менее их

научно некорректное использование продолжается в квазилингвистике по сей день.

Такого рода заблуждения опять-таки не новы: тут предшественниками Хомского были П.-А. Гольбах и П.-С. Лаплас, отрицавшие объективное существование случайностей и тем самым — существование заданных ими вероятностных распределений. Механистический детерминизм Гольбаха и Лапласа имел прогрессивный для XVIII в. оттенок атеизма и отрицания воли божьей как двигателя вселенной; однако на фоне диалектико-материалистического понимания причинности в XX в., прямолинейный моностатизм квазилингвистики выглядит уж очень обветшалым.

Подводя итог нашему анализу, мы должны констатировать, что модель языка, построенная в квазилингвистике Хомского, эпистемологически неадекватна своему объекту, так как она с грубыми искажениями описывает его наиболее существенные свойства: сочетание изменчивости со стабильностью, сочетание социального с индивидуальным, сочетание структурного с вероятностным, сочетание однозначности с полиморфизмом.

В геометрии прямоугольник можно рассматривать как вырожденный параллелепипед, высота которого равна нулю. Аналогичным образом трансформационную грамматику следует рассматривать как плоскую проекцию многомерной структуры языка, по отношению к социально-обусловленной и в силу этого структурно-вероятностной реальности которого эта квазилингвистическая проекция оказывается не порождающим, а вырожденным представлением.

Мы видим две причины, приведшие к финальной неудаче квазилингвистики Хомского:

- 1) слабое знание истории и типологии языков;
- 2) устаревшая и преимущественно ложная философская база концептуальной схемы.

Любой из этих причин было бы достаточно для создания серьезных трудностей; аккумуляция двух факторов обрекла квазилингвистику на совершенно неотвратимый тупик.

Вместе с тем нельзя не признать, что и у самого Хомского, автора почти дюжины монографий, и у армеды его последователей, продуцирующих лавинообразный

массив книг и статей, все еще имеется нерастраченный запас производительных ресурсов. Было бы очень неразумным упустить такой энергетический потенциал. Поэтому мы считаем своим долгом дать добрый совет всем квазилингвистам, а именно полностью переключить свои усилия на такой перспективный объект, как квазиязыки программирования, объект, в равной степени высоко полезный для общества, сугубо послушный их механистическому инструментарию, а, главное, совсем не требующий профессионального знания этих архитрудных, социально гибких и неуловимо меняющихся человеческих языков.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адекватность 191, 192, 239, 257, 258
- Акт речи (речевой акт) 99, 132, 133, 170, 171, 178, 182, 218, 234, 240
- Актуальное членение 260
- Алгоритм 259, 261, 262, 267, 272, 273
- Анализ (см. также «Метод»)
- лингвистический 20, 128, 195, 216—218
 - микросоциологический 231, 232
 - морфемный 189
 - синтаксический 194
 - социокультурный 216
 - социолингвистический 218, 219, 229, 230
 - трансформационный 258, 269
- Аранжировка 74, 81, 83, 186, 188, 194
- Билингвизм 160, 229
- Вариативное правило 248—250
- Вариативность языка (языковая вариативность) 172, 219, 229, 241, 247, 248
- Верификация 198—202
- Высказывание 179, 192, 202
- Грамматика 13, 21, 33
- всеобщая (грамматика Пор-Рояля) 65, 67, 130, 159
 - историческая 65
 - порождающая 243, 247, 258, 264, 266, 267, 269 (см. также «Теория генеративная»)
 - сравнительная 74, 92, 103
 - трансформационная 282
- Грамматический строй языка 13, 38, 40, 42, 55, 56, 59
- Грамматическое значение 34, 47, 58, 98, 112
- Денотат 260
- Диалектика
- отдельного и общего 40, 41
 - формы и содержания 37
- Диалект 67
- Диалектное пространство языка 268
- Диглоссия 229
- Дистрибуция 183, 187
- Единица языка (лингвистическая, языковая единица) 5, 10, 23, 24, 30, 32, 38, 46, 103—111, 166, 179—196, 279, 280
- Знак (лингвистический, языковой) 7, 11, 17, 64—66, 77, 80—83, 86, 93, 99—102, 107, 109, 117, 118, 122—124, 138, 153, 154
- значение 33, 38, 39, 67, 106—116, 166, 186, 192, 199
 - идеальная и материальная сторона 108—111, 116, 119
 - мотивированность 102, 120

- произвольность (принцип произвольности) 17, 21, 64, 80, 99, 106, 118—124
- структура 108, 109
- условность 80, 99, 118—120
- ценность (значимость) 72, 86, 90, 95, 97—116, 121, 122
- Знаковый характер (знаковость) языка 65, 67, 77—80, 95
- Идиома 67
- Изменчивость языка 5
- Картезианство 66
- Категория
 - глагольного вида 33, 34, 46
 - грамматическая (языковая) 67, 112, 143, 193
 - отношения 91
 - различия 91, 100
 - рода 40
 - семантическая 143
 - социальная 233, 236
 - числа 36
 - чистого разума 136
 - философская 184
- Квазиязыки (алгоритмические, машинные, программирования языки) 259, 267, 282
- Коммуникативная (языковая) компетенция 243—245, 250
- Коммуникативная ситуация 224
- Коммуникативный акт 214, 238, 241
- Коммуникативность 169, 170
- Лексический состав языка 21, 42
- Лингвистика (языкознание)
 - дескриптивная (дескриптивизм) 4, 5, 158—203, 206—212. См также «Структурализм»
 - диахроническая 68
 - историческая 65, 119
 - речи 74
 - текста 237
 - математическая 89, 129
 - синхроническая 68, 95, 103
 - сопоставительно - типологическое 125
 - сравнительно-историческое 125
- Лингвистический идеализм 3, 8
- Лингвистическое знание 159, 160, 165, 168—172, 177, 182, 183, 186, 187, 192, 194—197, 199, 201—203
- Линейность языка (означающего) 120, 123
- Логическое ударение 54
- Материя (субстанция) языка 135, 136
- Метаязык 194, 196, 208, 219
- Метод
 - дескриптивного анализа 208
 - дистрибутивного анализа (дистрибуции) 5, 184, 185
 - непосредственно составляющих (НС) 188, 201
 - структурного анализа 132, 137, 142, 143
 - трансформационного анализа 5
- Механический редукционизм 181
- Микросоциология языка 228, 230
- Модель
 - генеративная (порождающая) 241, 242
 - лингвистическая (языковая) 14, 183, 258
 - социальная 18
 - социальных ролей 256
 - универсальная (всеобщая) 242
- Морфема 109—114, 178—181, 188, 189, 192—196, 201, 208
- Морфология 189, 191—195
- Неогумбольдтианство (неогум-

- больдтианское учение) 7—62
 Неокантианство и неокантианцы
 21, 139—141, 143, 147, 154
 Неопозитивизм и неопозитивисты
 22, 142, 152, 186, 199—201
 Непосредственно составляющая
 (НС) 183
 Номинализм 23
 Означающее и означаемое 65, 66,
 98, 101, 105, 106, 108, 118—121,
 132
 Отношение
 — ассоциативное 68, 97, 106
 — атрибутивное 53, 56
 — дифференциации 74
 — логическое 54
 — объективное 56, 61, 62
 — объектное 53, 54, 56
 — оппозиции 74
 — предикативное 53—55
 — синтагматическое 123
 — смысловое 61, 62
 — фонологическое 98
 План выражения и план содержания
 108, 136, 153, 154
 Подъязык 263, 278, 279
 Позитивизм (позитивистская философия)
 и позитивисты 16, 21, 22, 25, 63, 68, 142, 143, 147, 149,
 155, 156, 161, 164, 166, 186, 188,
 197, 198, 200, 206, 207
 Позитивистский атомизм 118
 Позитивистский редуccionизм
 173, 176, 181, 188
 Позитивистский экстремизм 197
 Порождающая семантика 258
 267
 Правила порождения (порождающие
 правила) 259, 269
 Прагматизм (прагматическая философия)
 161, 162, 175, 186, 197, 198,
 203
 Предложение 9, 47, 53—56, 67, 91
 Принцип верификации 186, 199,
 200
 Принцип дифференциации 114,
 115
 Принцип имманентности языка 4
 Принцип лингвистической относительности
 13, 14, 21, 42, 117
 Принцип лингвистической дополнителъности
 42, 43
 Принцип линейности языка 122
 Психологический социологизм 68
 Редукция 188, 189
 Речевая деятельность 51, 74, 133,
 213, 216, 218, 224, 229, 234, 241,
 242, 250, 251, 259
 Речевая коммуникация 216, 234,
 250, 275
 Речевая общность 170
 Речевая ситуация 213, 214, 235,
 239
 Речевое поведение 170, 199, 212,
 216, 218, 220—224, 251, 255
 Речевое произведение 177, 178,
 188, 189
 Речевой код 223, 224
 Речевой коллектив 217, 230, 241
 Речевой контекст 217
 Речевой процесс 45, 50, 51, 213,
 214
 Речь 52, 84, 88, 173—175, 192, 193,
 195, 199, 216, 235, 246
 Семантика 38, 39, 47, 186, 201,
 261
 Семантическое поле 43—45
 Семантическое различие (расхождение)
 языков 27—34, 38—46, 50, 51, 57
 Семиология 95, 124
 Синоним 67
 Синтагматика 183, 186

- Синтаксис 189, 191, 193, 275, 277
 Синхрония и диахрония 71, 86, 100, 124, 279
 Системность (системный характер) языка 95, 97, 115
 Ситуативный контекст 239
 Слово 9, 18, 23, 27, 30, 32, 33, 54, 65, 67, 76, 80, 83, 110, 113, 114, 179—181, 188, 189, 191—195
 — внутренняя форма 39, 53
 — лексический объем 32, 33
 — лексическое значение 47
 — многозначность (полисемия) 32
 Словосочетание 110, 201
 Соссюрианство 4, 63—124, 158
 Социальная ситуация 211, 213, 229, 235, 249
 Социальное поведение 15, 222, 229
 Социальный контекст 207, 213, 229, 242, 253, 277
 Социальный характер языка 74, 75, 78, 80, 99
 Социоллингвистика 204—256
 Социология 204, 207, 211, 226
 Стилистика 210
 Структура
 — глубинная 61, 259, 261, 279
 — поверхностная 259, 279
 — предложения 51—56
 — речи 114
 — слова 217
 — социальная 221, 225, 256
 — языка (языковая) 129, 131, 134, 141—143, 145, 147, 152—154, 217
 Структурализм (структуральная лингвистика) 4, 64, 131, 141, 158
 — копенгагенский (глоссематика, глоссематическая теория) 4, 125—158
 — пражский 158
 Суммативный изоморфизм 179
 Сущность (природа) языка 15, 16, 115
 Теория
 — генеративная 202, 235, 241—245
 — изоморфизма 219, 220, 223, 225, 255
 — социальных ролей 231, 232
 — трансформация 194
 Типология языка 193
 Толерантность (отношение, принцип толерантности) 267, 268, 273
 Уровень языка 107, 109, 111, 179, 192, 193, 277
 — лексический (уровень слов) 113, 278
 — морфемный 180
 — морфологический 109, 111, 113, 193, 208
 — синтаксический 193
 — фонологический 110, 208
 Философия языка 51, 64, 76, 95, 97
 Фонема 109—111, 178, 180, 208, 215
 Форма
 — внутренняя ~ языка 133—136
 — времени 33, 34
 — грамматическая 9, 27, 34, 38, 39, 54
 — множественного числа имени 34, 35
 Фразеологизм 27
 Фразовой (языковой) маркер 237, 261, 264, 265
 Функция языка 8, 9
 — дейктическая 12
 — коммуникативная 12

- номинативная 17
- преобразующая 24

Хомскианство 4, 257—282

Часть речи 35, 59

Эквивалентность (отношение эквивалентности) 267, 268, 273

Этимология 67

Этнометодология 232, 233

Язык

- как граница идеи и действительности 15
- как единственно данная человеку реальность 22
- как знаковая (семиотическая) система 77, 78, 93, 132, 227
- как знание 170
- как историко-образующая сила 12
- как историческое явление 120
- как исчисление 65, 67
- как культурно-образующая сила 11
- как определенная форма поведения 170, 203, 208, 255
- как система 4, 6, 85, 134, 137, 170, 173, 227. См. также «Языковая система (система языка)»
- как система чистых ценностей (отношений) 124, 137
- как совокупность микросистем 219
- как социальное пространство идей 74
- как социальное явление (продукт) 15, 68, 119, 132, 182

— как средство выражения и общения мысли 15, 75

— как средство социализации индивида 227

— как средство формирования картины мира 15

— как структура дистрибутивно-реляционного типа 184

— как творческая сила 16, 17

— как условие осуществления абстрактного, обобщенного мышления и рациональной ступени человеческого познания 3

— как форма 81, 82, 121, 127

— как целое 181

Языковая действительность (реальность) 12, 44, 48, 62, 159, 163, 166, 181, 187, 190, 194, 195, 199, 200, 202, 204

Языковая игра 121

Языковая картина мира 11—13, 15, 17, 20—22, 30, 40, 42, 184

Языковая коммуникация 197, 275

Языковая политика 205, 252

Языковая система (система языка) 13, 18, 19, 44, 45, 47—51, 67—95, 97, 98, 100, 101, 115

Языковая ситуация 263

Языковая универсалия 56, 264

Языковое отношение (функция) 139—141, 155

Языковое планирование 205, 252

Языковое строительство 253

Языковой код 217

Языковой коллектив 248

Языковой контекст 250

Языковой (вербальный, словесный) образ 42

Языковой термин 18

Язык-посредник 129

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аванесов Р. И. 219
Авенариус 190
Айер А. 22
Амакер Р. 102, 123
Амирова Т. А. 65
Аммон У. 231, 252
Андреев Н. Д. 5
Анри В. 76, 77
Апресян Ю. Д. 128, 129
Аристотель 52, 131, 137
Арно А. 65
Ахманова О. С. 126
- Балли Ш. 28, 98, 106, 116
Барт Р. 124
Безелл С. 151, 152
Беляев Б. В. 32
Бергсон А. 22, 131
Березин Ф. М. 68, 127, 132
Берклі Дж. 22
Бернстайн Б. 223, 224, 225
Блок Б. 171, 188, 198
Блондель Ш. 73
Блумфильд Л. 93, 160—162,
166—172, 178, 186, 189, 194, 196,
197, 200—203, 206
Блэк М. 21, 22
Боас Ф. 172
Бодуэн де Куртенэ И. А. 68, 93,
96, 196
Бондарко А. В. 46
Бопп Фр. 97
Борн М. 164
Бреаль М. 66, 73, 76, 77, 90
- Брекле Е. 266
Брендаль В. 126, 130, 131, 134
Бриллюэн Л. 159
Брутян Г. А. 42
Будагов Р. А. 71, 75, 91, 218
Будан Р. 158
Буланин Л. Л. 46
Бунге М. 164
Бутру Э. 68
Бэкон Фр. 66
Бюссенс Э. 103, 106
Бюрже А. 98, 102
Бюхнер, 160
- Вайсгербер Л. 8, 9, 11, 15, 17, 19,
20, 21, 29, 30, 50, 51, 59, 153
Ваксвейлер Э. 69
Вальрус Л. 87—90
Вандриес Ж. 69, 77, 159
Васильев С. А. 42, 49
Веглин К. 198
Вейнрейх У. 163
Верещагин Е. М. 214
Ветров А. А. 95
Вивель Х. 130
Вико Дж. 66
Вильдген В. 238
Виноградов В. В. 193
Винокур Г. О. 78, 92
Витгенштейн Л. 22, 23, 156, 238
Волков А. Г. 117
Волошинов В. Н. 64, 93
Вольтер 66
Габеленц Г. 93

- Галилей 96
 Галкин А. А. 221
 Гамперц Дж. 228—230, 243
 Гарвин П. 128
 Гарфинкель Г. 233, 234, 236—238
 Гегель 74, 88, 91, 99, 115, 169,
 184, 185, 187, 267
 Гедель 263
 Гердер И. 78, 136
 Геффдинг Х. 131
 Гийом Г. 77
 Гиллен Ф. 49
 Гиннекен Я. ван 78
 Гоббс Т. 66, 266, 267, 274
 Гodelь Р. 65, 79, 94, 101, 102,
 106, 123
 Гольбах П.-А. 281, 282
 Граммон М. 131
 Гратхофф Р. 245, 246
 Гримшо А. 220, 221, 223
 Гринберг Дж. 161, 193, 196
 Гудинаф У. 215
 Гумбольдт В. 11, 15, 51, 78, 82,
 132—136
 Гуссерль Э. 88, 118, 131, 233,
 234
 Гухман М. М. 174, 207

 Даниэльсен Н. 264, 266
 Дармстетер А. 73, 76, 77
 Девис Ф. 170
 Дегтерева Т. А. 126
 Декарт Р. 65, 67, 274
 Джеймс У. 21, 162
 Джуз М. 188
 Дидерихсен П. 181
 Дидро Д. 66, 67
 Дирак П. 162
 Доза А. 68, 77
 Дорошевский В. 69, 70, 72, 74,
 132
 Драгунов А. А. 55
 Дьюн Д. 99, 162

 Дюркгейм Э. 68—75, 89, 119, 132
 Ельмслев Л. 4, 33, 118, 125—138,
 142—149, 150—156
 Есперсен О. 78, 131, 178
 Жукова А. Н. 46
 Звегинцев В. А. 124, 126
 Звездкина Э. Ф. 227, 230

 Иоргенсен Й. 142
 Йордан Й. 64, 77, 92
 Итконен Е. 266, 269

 Кайа Л. 72
 Кангилем Ж. 96
 Кант И. 12, 15, 20, 21, 64, 99, 131,
 136, 140, 141, 180, 226
 Карнап Р. 22, 99, 142, 143, 147,
 167
 Кассирер Э. 17, 21, 99, 139
 Кац Дж. 176, 245, 261
 Кацнельсон С. Д. 115
 Кернер Э. 75, 76, 85, 87, 94
 Кинг Р. 269, 274
 Клейст Г. 9
 Климов Г. А. 57
 Коген Г. 139, 141
 Қожибский А. 22
 Козлова М. С. 156
 Коллиндер Б. 264, 266
 Колшанский Г. В. 40, 44, 173, 192
 Кон И. С. 231
 Кондильяк Э. 66, 67, 78
 Конт О. 67, 68, 71, 140, 141
 Коперник Н. 64
 Коссериу Э. 65, 71, 91, 122, 165
 Костомаров В. Г. 214
 Кречмар А. 231, 236
 Крушевский Н. В. 68, 96
 Куайн У. 22
 Кубрякова Е. С. 195
 Кузьмин Е. С. 211
 Курманбаев Н. М. 65

- Курсанов Г. А. 92
 Кювье Ж. 274
- Лабов У.** 212, 224, 242, 248, 250
 Лайонс Л. 166
 Лаланд 131
 Ламетри Ж. 66, 266, 267, 274
 Ланжевен П. 162
 Лансело К. 65
 Лаплас П.-С. 281, 282
 Леви-Стросс К. 96, 124
 Лейбниц Г. В. 66, 131, 139
 Лекомцев Ю. К. 129
 Ленин В. И. 7, 23, 26, 27, 40, 156, 163, 190, 195
 Леонтьев А. А. 211
 Леруа Е. 77, 78
 Лефевр А. 91, 115
 Локк Дж. 66
 Любимова Е. Д. 49
 Люльсдорфф П. 266
- Малиновский Б.** 215, 216, 217
 Мамчур Е. А. 150
 Маркс К. 8, 41, 168, 180, 184, 253, 254
 Марти 99
 Мартине А. 31, 127, 128, 164, 189
 Маслов Ю. С. 128
 Маслоу А. 168, 185
 Мауро Т. 63, 87, 88, 98, 99, 100, 115, 119, 120, 121, 122
 Мах Э. 99, 151, 187
 Мейе А. 67—69, 73, 77, 93, 94, 131
 Мейерсон И. 131
 Мельничук А. С. 174
 Мерло-Понти М. 124
 Мещанинов И. И. 57
 Мид Дж. 226, 227, 232
 Мизес Р. 188
 Мийзл Дж. 269
 Микаэлян Г. Б. 129
 Миллер 252
- Милль Дж. 85, 87
 Молешотт 160
 Молино Ж. 87—89
 Монбоддо Дж. Б. 78
 Моррис У. 200
 Моррис Ч. 86
 Мотрошилова Н. В. 233, 237
 Мунэн Ж. 63, 65, 66, 72, 85, 97
 Мурат В. П. 126, 129, 147
- Найда Ю. 181
 Наторп П. 139
 Нейрат О. 22
 Нойберт А. 206
 Норейн А. 93
 Норман К. 96, 100
- Ожегов С. И. 270
 Ольховиков Б. А. 65
 Орлова В. П. 219
 Осипов Г. 239
 Остин Д. 22
- Павлов В. М.** 47
 Пайк К. 180, 207—212, 219
 Пальмер Ф. 180
 Панфилов В. З. 43, 44, 46, 47, 56, 107, 116, 192, 220, 221, 222, 276
 Пап А. 22
 Парето В. 87—90
 Парiente Ж. 87
 Парменид 154
 Пауль Г. 159, 178
 Педерсен Х. 131
 Петерсон М. Н. 75, 130
 Пешковский А. М. 130
 Пирс Ч. 86, 99
 Пирсон К. 168
 Пишон Э. 77, 78
 Платон 137, 141
 Поливанов Е. Д. 229
 Постал П. 176, 261
 Потебня А. А. 39, 54, 62, 159, 164

Прайд Дж. 213
Пуанкаре А. 139, 140

Райл Г. 22

Рапопорт А. 22

Рассел Б. 22, 142

Расмуссен Э.-Т. 142

Ренан Э. 68

Ренувье Ш. 140

Риверс В. 49

Ридлингер 122

Рикардо Д. 86

Риккерт Г. 139, 140, 141

Рогер К. 122

Рождественский Ю. В. 65

Росси-Ланди Ф. 21, 44, 47

Руссо Ж.-Ж. 67, 78

Сайс 73

Сакс Х. 237

Санкофф Дж. 251

Свидерский В. И. 141, 181

Селищев А. М. 75

Сесерсен Х.-Ст. 126

Сесерсен Х.-Х. 126

Сеше А. 69, 78, 106

Сиртсема Б. 151

Скиннер Б. 200, 207, 211

Следд Дж. 205

Слюсарева Н. А. 63, 67, 85, 91,
100, 107, 111, 124

Смит А. 85, 86

Смит Л. 198, 201, 202

Солнцев В. М. 113

Соссюр Ф. де 5, 63—72, 74—79,
85—91, 93—108, 111, 113—124,
131—138, 141—143, 153, 173, 178,
193

Спанг-Хансен Х. 126, 150

Спенсер Б. 49

Спенсер Г. 22

Спиноза Б. 131

Сусов И. П. 174

Сэпир Э. 15—18, 93, 117, 130, 159

Тард Г. 68, 70—74, 76, 86, 87, 89,
119

Террачини Б. 85

Тогеби К. 126

Томсен В. 130

Трейгер Д. 171, 188, 198, 201, 202

Трубецкой Н. С. 131

Тэн И. 68, 77

Уайс А. 160, 166

Уайтхед А. 142

Уисдом Д. 22

Уитни У. 73, 78—86, 89, 93

Уитфилд Ф. 126

Ульдалль Х. 125, 126, 129—131,
143, 146—152

Ульман С. 28, 64

Унгехойер Г. 157

Уорф Б. 9, 10, 13, 15, 16, 21, 22,
34—39, 48, 57, 58, 117, 219, 220,
223

Урсул А. Д. 191

Уфимцева А. А. 113

Ушаков Д. Н. 270

Уэлз Р. 198

Фасолд Р. 250

Фейербах Л. 26, 253

Ферс Дж. 216, 217

Фихте И. Г. 21

Фишер-Йорнгенсен Э. 126, 142, 149,
151

Фишман Дж. 225, 253

Фортунатов Ф. Ф. 79, 93, 97

Фосслер К. 182

Хаймс Д. 14, 50, 186, 216—218,
222, 227, 234, 241, 243, 244, 253,
254

Халле М. 180, 248, 249

Харрис З. 166, 174, 175, 177, 188,

189, 191, 194, 198, 200—202
Хауген А. 181
Хаусхолдер Ф. 194
Хаякава С. 22
Хойер Г. 181
Хоккет Ч. 164, 171, 188, 190, 194,
198, 200—202, 244, 251
Холл Р. 163, 171, 172, 186
Хольц Г. 9, 12, 15, 16, 19, 21, 23—
25, 51—54, 56
Хомский Н. 5, 65, 165, 171, 177,
187, 191, 194, 195, 201, 202, 213,
235, 241—249, 252—255, 257—
264, 266—267, 274, 275, 277, 279,
281, 282
Чайф У. 266
Чейз С. 22
Чесноков П. В. 26, 28, 33, 55, 56,
59

Четмен С. 190
Чикобава А. С. 64, 93
Чудинов А. Н. 79

Шафф А. 95
Шемякин Ф. Н. 48
Шлейхер А. 54, 159
Шлик М. 22
Шорр Р. О. 77, 78
Шредингер Э. 163

Щеглов Э. 240

Энгельс Ф. 5, 19, 30, 45, 174, 226
Энглер Р. 94, 99, 123

Юм Д. 225

Якобсон Р. 181

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Неогумбольдтианство (П. В. Чесноков)	7
Соссюр и соссюрианство (Н. А. Слюсарева)	63
Глоссематика (А. С. Мельничук) . . .	125
Американская дескриптивная лингвистика (В. В. Белый)	158
Американская социолингвистика (А. Д. Швейцер)	204
Хомский и хомскианство (Н. Д. Андреев)	257
Предметный указатель (В. Н. Бондаренко)	284
Именной указатель (Е. С. Никитина) . .	289

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ
ЗАРУБЕЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ
В ЯЗЫКОЗНАНИИ**

*Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР*

Редактор издательства *Г. Н. Корозо*
Художник *В. Г. Виноградов*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*
Корректор *О. В. Лаврова*

Сдано в набор 25/V 1977 г.
Подписано к печати 23/IX- 1977 г.
Формат 84×108^{1/2}. Бумага типографская № 1
Усл. печ. л. 15,54 Уч.-изд. л. 15,7
Тираж 4.100. Тип. зак. 2436
Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 94а

2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ФИЛОСОФСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ